

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Общая тетрадь

Москва 2011

Общественно-политическое издание
Выходит раз в квартал
Наш электронный адрес:
e-mail: msps@msps.su
http: //www.msps.su

*Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ № 77-7311 от 19.02.2001 г.*

Редакционный совет:

*А.Н. Архангельский
Е.В. Барабанов
Р. Брейтвейт (Великобритания)
И.М. Бусыгина
С.А. Васильев
Н.В. Злобин
М. Мертез (ФРГ)
С.В. Мошкин
Е.М. Немировская
Д. Пинто (Франция)
Б. Рубл (США)
В.А. Рыжков
Ю.П. Сенокосов
А.Ю. Согомонов
А. Хиль-Роблес (Испания)
Дж. Хоскинг (Великобритания)*

Главный редактор: *Ю.П. Сенокосов*

Ответственный секретарь: *С.А. Максимов*

Художественный редактор: *Людмила Иванова*

Верстка: *Валерия Козак*

Фото: *О. Начинкин*

*Издание этого номера журнала осуществлено при поддержке
Института «Открытое общество», Фонда Ч.С. Мотта,
Шведского агентства международного сотрудничества для развития (SIDA),
группы компаний «Рольф».*

Содержание

№ 2 (55) 2011

<i>О европейских ценностях</i> <i>Александр Гессель</i>	5
Семинар	
<i>О верховенстве права и формировании правового государства в России</i> <i>Вадим Волков</i>	11
<i>Дискуссия</i>	21
<i>Заметки с семинара</i> <i>Марина Скорикова</i>	25
Тема номера	
<i>Российский правящий класс: механизмы вырождения</i> <i>Сергей Магарил</i>	27
Дискуссия	
<i>Круглый стол: Языки и традиции гражданского общества</i>	35
Точка зрения	
<i>О «спящей» федерации, церкви и национализме</i> <i>Андрей Захаров</i>	48
<i>Доверие: деньги, рынок и общество</i> <i>Джеффри Хоскинг</i>	54
<i>Россия и Украина в поисках взаимного признания</i> <i>Михаил Минаков</i>	60
Гражданское общество	
<i>Перспективы гражданского общества в России</i> <i>Денис Волков</i>	66
Личный опыт	
<i>Омбудсмен: от общего к частному</i> <i>Хорхе Луис Майорано</i>	78

Горизонты понимания

*Гражданская культура и управление в современной России:
региональный аспект* 82
Михаил Савва

Наш анонс

Я и моя страна: общее дело 92
Максим Трудолюбов

Книги

От красного к зеленому 97
Андрей Захаров

Региональное книжное обозрение 99
Александр Шмелев

Контрапункт 101
Владимир Рыжков

Nota bene

Записки человека со скверным почерком 106
Леонид Лиходеев

*В оформлении этого номера использованы работы авторов
из Бразилии, Германии, Франции, США.*

О европейских ценностях

Европейские ценности — понятие не столь четкое, ясное и неизменное. В словарях много разных трактовок этого словосочетания, но единого знаменателя нет. Определение европейских ценностей можно найти в Лиссабонском договоре. Среди них свобода, демократия, равенство, верховенство закона, уважение прав человека, включая права людей, принадлежащих к меньшинствам. Эти ценности, как говорит Лиссабонский договор, могут иметь место только в обществах, существующих на базе плюрализма, толерантности, солидарности, равенства полов, неприятия дискриминации. Я, как представитель поколения россиян, которые лишились дедушек, думаю, что европейские ценности существуют для того, чтобы никогда больше не повторились события, произошедшие в недавнем прошлом. Европа и ее ценности уберегли нас от того, чтобы снова не скатиться в войну. 65 лет без войны — это небывало много. Но ничто не вечно, и то, что в течение стольких лет неплохо работало, начинает буксовать.

Истоки

Европейская цивилизация является триединым образованием: Центральная Европа, ее западная составляющая — Соединенные Штаты, и восточная — Россия. Истоки европейских ценностей лежат в принципах иудейско-христианской цивилизации. Они оттачивались в ходе многовековой эволюции, далее транспонировались на идеи эпохи Просвещения. И наконец, индустриальная революция XIX века прибавила к десяти универсальным заповедям и великим идеям о свободе, равенстве и братстве еще одну исключительно важную категорию — право на индивидуальное человеческое счастье, уважение к индивиду и допущение того, что принципы индивидуальности могут быть отличными от стремлений коллектива и общества, и, более того, эти принципы индивидуальности необходимо уважать.

Дальнейшее развитие этой системы ценностей было приостановлено Второй мировой войной.

*Александр Гессель,
советник
Генерального секретаря
Совета Европы*

Never again

После войны появился новый концепт: Never again — «никогда больше», который прозвучал в отношении двух разных идей.

Первая идея — создание государства Израиль. Его отцы-основатели говорили: мы никогда больше не позволим, чтобы с нашим народом произошла такая трагедия.

Вторая идея — это создание объединенной Европы. Мы никогда больше не позволим, чтобы на нашей территории, в наших странах повторились варварские события. Мы создадим четкие принципы, которые никогда не позволят больше европейцам опуститься до животного состояния.

Так в 1949 году создается Совет Европы, годом ранее принимается всемирная Декларация прав человека, а в 1950-м принимается Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Эта конвенция и созданный в 1959 году Европейский суд по правам человека позволили системе европейских ценностей обрести четкую правовую форму. А европейский консенсус в отношении запрета смертной казни сегодня является важной темой в отношениях Европы с Соединенными Штатами и Японией.

Права человека

Сегодня под правами человека понимается самый широкий спектр прав и свобод, но я остановился бы на следующих статьях Европейской конвенции:

Статья 2. Право на жизнь

Статья 3. Запрещение пыток

Статья 4. Запрещение рабства и принудительного труда

Статья 5. Право на свободу и личную неприкосновенность

Статья 6. Право на справедливое судебное разбирательство

Статья 7. Наказание исключительно на основании закона

Статья 8. Право на уважение частной и семейной жизни

Статья 9. Свобода мысли, совести и религии

Статья 10. Свобода выражения мнений

Статья 11. Свобода собраний и объединений

Статья 12. Право на вступление в брак

Статья 13. Право на эффективное средство правовой защиты

Статья 14. Запрещение дискриминации.

Замечу, что среди перечисленных конвенционных прав нет отдельно заявленного права на свободные выборы. Это вполне объяснимо, так как выборы — это признак демократии. Они необходимы, но недостаточны. Самые страшные диктаторы приходили к власти путем демократических выборов, правда, потом они просто так не уходят. Права человека — это больше, чем просто демократия.

Права человека, с одной стороны, индивидуальны, так как относятся к каждой личности, но, с другой стороны, речь идет о коллективных интересах. Изложенные принципы это не догма, не религия. Нельзя превратить права человека в религию. Первый комиссар Совета Европы по правам человека, Альваро Хиль-Роблес, как-то сказал:

«Как только права человека станут догмой и религией, этот концепт погибнет». Права человека — это прежде всего правовые нормы, зафиксированные международным и национальным законодательством и, таким образом, являющиеся обязательными к исполнению. Ни о какой догме не может и не должно идти речи.

Другое дело, что, как и любой правовой концепт, права человека со временем претерпевают изменения и могут требовать определенной корректировки.

Трудности интерпретации

В понимании европейских ценностей появляется все больше и больше разночтений. Например, когда работали над проектом европейской конституции, развернулась большая дискуссия о внесении в преамбулу документа упоминания о христианских корнях Европы. Одни считали, что это обидит представителей других религий. Другие утверждали, что Европу без христианских корней представить невозможно. А третьи возражали, что, поскольку религия отделена от государства, о ней вообще не нужно упоминать.

Я все больше и больше склоняюсь к мнению, что настаивать на универсальности европейских ценностей не совсем оправданно. Другое дело, что они, безусловно, универсальны на нашем континенте. Более того, как уже упоминалось, в Европе они закреплены в законах. Нам не следует их никому навязывать, однако и поступаться нашими принципами мы не должны.

Во внутриевропейской дискуссии все чаще ставится вопрос о мультикультурализме в связи с обострением проблемы иммиграции. Этот еще недавно столь популярный концепт все больше критикуется и даже отвергается. Почему? Ведь долгое время мультикультурализм представлялся как право на сохранение идентичности.

Официальный правящий европейский класс буксует, заявляя, «мы против популизма, против нетолерантности в отношении иммигрантов — мы за культурное многообразие! Плохо, если кто-то проявляет нетерпимость к мигрантам и принесенным ими элементам культуры». При этом они не идут дальше, не хотят сказать: «Иммигранты должны соблюдать законы и определенные правила». Мне кажется, что это очень важно. Пока европейские ценности не будут правильно интерпретированы, между европейцами и приезжающими в страны Европы будет большая пропасть. Недавно представленный, по просьбе Генерального секретаря Совета Европы Турбьерна Ягланда, доклад «группы мудрецов» «Жить вместе в XXI веке» начинает давать ответы на эти вопросы. Но основная работа по пониманию этого феномена еще, безусловно, впереди.

Кризисы

В последние 10 лет Европа не вылезает из кризисов, хотя предыдущие 50 лет общество испытывало ясность и спокойствие (позволим себе немного идеализма), будучи уверенным в завтрашнем дне. Сегодня уве-

Фридрих Фордемберге-Гильдеварт. Композиция № 34. 1927

ренности становится все меньше, и людей это тревожит. Многие из молодых европейцев больше всего хотят стать государственными служащими, чиновниками, зачастую предпочитая маленькую, но надежную государственную зарплату и социальные гарантии. На мой взгляд, это то, что сегодня делает Европу неамбициозным, стареющим континентом. Какие страны сегодня развиваются? Индия и Китай, другие страны Азии, где есть прогресс, потому что общество здесь молодое, в чем-то хищное, с большей силой духа и дерзостью. У молодых европейцев сегодня практически больше нет дерзости, есть лишь желание не упустить социальные гарантии и удержать их.

Если бы кризис был только экономический, это было бы полбеды. На мой взгляд, сегодня в

*Пока европейские ценности не будут
правильно интерпретированы, между
европейцами и приезжающими в страны
Европы будет большая пропасть*

Европе кризис экзистенциальный. Мы дошли до определенной фазы развития. У нас есть ценности, но эти ценности общество начинает воспринимать как проблемы. Одна из основных таких болезненных проблем в Западной Европе и в России — иммиграция.

Иммиграция

Согласно статистике, каждый год в Европе появляется около трех миллионов мигрантов. Это вызывает, особенно в условиях экономического кризиса, неприятие у основного населения, которое пытается отторгнуть новоприбывших, почему-то забывая о толерантности, солидарности, человеческом достоинстве и даже о правах человека. На этой почве расцветает популизм. Появляются партии, которые набирают немалый вес только на том основании, что отвергают мигрантов. На самом деле, вопрос сложный, потому что и мигрантов и иммигрантов действительно очень много, но они и наименее защищены.

В Совете Европы идет большая дискуссия на эту тему. Часть наших коллег даже против самого термина «незаконные мигранты». В качестве альтернативы предлагается называть таких людей «мигранты, без вида на жительство». В то же время возможность получения вида на жительство для них становится все уже и тяжелее. Я убежден, что мы не имеем права ущемлять достоинство личности по тому, есть у человека документ или нет. Можно принимать разные решения, но человеческое достоинство должно уважаться в отношении любой личности, это главный постулат европейских ценностей.

Распространенный в связи с все большим присутствием мигрантов национально-популистский дискурс, согласно которому Европа скоро перестанет быть христианской, обоснован фактически, но не по сути. Действительно, скорее всего, Европа не будет христианской по той простой причине, что сегодня большинство европейцев просто не являются верующими, забывают о своих корнях и чаще всего придерживаются светской идеологии. Поэтому мне кажется, что самая глав-

ная опасность для Европы и ее ценностей вовсе не ислам, а опасность утраты духовности. Хочется верить, что с этим можно бороться. В этой связи есть две важные сферы: система образования и гражданское общество.

И то, и другое в современном российском обществе находится в состоянии развития, и, мягко говоря, они далеки от совершенства. Но они непрременные и обязательные спутники демократии и прогресса. Над их становлением надо работать, их надо развивать. Два этих концепта неразрывно связаны. Без гражданского образования не будет гражданского общества, которое, в свою очередь, способствует становлению стабильного демократического государства. Демократия и общество, основанное на уважении ценностей, не могут и не должны «экспортироваться» извне. Они постепенно вырабатываются гражданами. Но этому процессу можно и необходимо способствовать. Для этого существуют разные международные институты, и прежде всего Совет Европы.

Россия и Европа

В этом году исполняется 15 лет вступления России в Совет Европы. За этот срок пройден большой путь, но, поскольку он начался недавно, еще остается большой разрыв с другими странами. Специфика России в уникальном составе ее населения. Например, в нашей стране всегда в определенной части общества присутствовал оголтелый, я бы сказал, черносотенный национализм, но это в широком контексте, а в индивидуальном — тот же черносотенец часто ненавидел всех инородцев за исключением своих соседей, потому что «мужик он хороший, сосед опять-таки».

Великая особенность России в том, что люди здесь веками жили вместе, хорошо друг друга знали, неплохо друг друга понимали и умели друг друга уважать, оставаясь самими собой. Огромная перемешанная культура — это наша ценность. Главное для нас сохранить эту культуру. Сохраним, и будет страна.

Последние годы я работаю и соответственно живу в Страсбурге, где проходит граница между Германией и Францией, но самой границы нет, есть мост. К тому же в ходе антиглобалистских волнений даже топонимические указатели были снесены. Когда-то я спросил, как понять, где ты находишься, во Франции или в Германии, мне сказали: «как начинают по-немецки говорить, вот и Германия». А ведь это очень важно. Я помню, мы ездили по нашему Северному Кавказу и на каждом углу натыкались на блокпосты. Переезжаем из Осетии в Ингушетию, стоит шлагбаум, меняются машины сопровождения. Большая трагедия нашего государства в том, что внутри страны есть какие-то границы. Я считаю, что нет ничего хуже, чем эти границы, и внутренние, и внешние, потому что они создают границы между людьми, в человеческом сознании. Их надо убирать, и я надеюсь, мы к этому придем. Придем и приблизим себя к тем общечеловеческим ценностям, которые называются на данном этапе развития нашей цивилизации европейскими.

*О верховенстве права и формировании правового государства в России**

*Вадим Волков,
проректор Европейского
университета
в Санкт-Петербурге,
научный руководитель
Института проблем
правоприменения при ЕУСП*

В России есть конституция, законы, суды, милиция, но нет верховенства права. Соответственно проблема лежит не в наличии или отсутствии законов, судов и т. д., а в правоприменении. Каковы препятствия для установления верховенства права и правового государства в России?

Вопрос, где искать эти препятствия. Существует общепринятое мнение, что причиной отсутствия верховенства права являются какие-то скрытые факторы, типа коррупции в судах, и из-за этого суды принимают неправомочные решения. Или какое-то закулисное прямое давление на судей. Эти явления, возможно, имеют место. Но для нас, ученых, и для социологов они не являются объектом изучения. Борьбой с коррупцией должны заниматься правоохранительные органы. А ученые должны заниматься исследованиями чего-то другого. Вместо того чтобы искать какие-то скрытые, на уровне теории заговора, тотальной коррупции, причины отсутствия верховенства права, у нас другая предпосылка. Мы считаем, что они находятся в рутинных, типичных, вполне понятных и исследуемых формах организации, институционального устройства, корпоративной культуры судов, правоприменительных организаций, в законодательной политике, в идеологии, которой следует российская судебная система. То есть ничего скрытого нет, все поддается исследованию. Нужно только понять, где локализованы те механизмы, практики, институциональные формы, эффект которых заключается в том, что российская судебная и правоприменительная система работает так, как она работает.

То есть нас интересуют вопросы бюрократической организации судов, нормы и ценности судебного корпуса, система профессиональных стимулов, которая создается системой управления правоохра-

** Выступление на семинаре Московской школы политических исследований в Зеленогорске (Ленинградская область) 12 февраля 2011 г.*

нительными органами. Это вещи, которые независимы от людей, но они определяют то, как люди действуют в этой системе, как только они в нее попадают. Это и есть предмет той социологии и антропологии права, которой занимается Институт проблем правоприменения. Далее я представлю наши основные проекты.

Обозначу кратко идеологию, которая является основой того, что в России называется диктатурой закона вместо верховенства права, которое по-английски называется «rule by law», то есть «правление с помощью закона». При диктатуре закона любые политические или административные решения, будучи неправосудными и неправовыми, так как они опираются не на «дух закона», а на «букву закона», получают легитимность. И поэтому чиновник или политик говорит: «Все было решено по закону!», хотя часто люди считают, что решение неправосудно, даже если оно оформлено как законное.

Все правовые идеологии можно редуцировать до двух серьезных общемировых идеологий, в соответствии с которыми работают правовые системы. Первая может быть названа «легализм», вторая — «реализм». Они отчасти, но только отчасти, совпадают с противопоставлением между континентальным правом, или гражданским (civil law), и обычным правом (common law). Соответственно легализм, он же формализм, и иногда его называют правовым позитивизмом, — это традиция кодифицированного права и роли судей, которые являются исключительно толкователями и применителями существующих кодексов, а эти кодексы, в свою очередь, призваны описывать все стороны жизни, которые требуют регулирования. В этой идеологии право — система формальных правил, законов и принципов, которые существуют в виде текстов. Главным источником закона подразумевается при этом государство. Предполагается, что закон напрямую

регулирует жизнь, и законодатели, которые руководствуются такой идеологией, предполагают, что если есть в стране проблема, то нужно принять закон и проблема тем самым будет решена. Любимые слова этих людей — «у нас здесь правовой вакуум, и мы должны его заполнить». Роль судей в этой системе координат сведена исключительно к посредничеству между текстом закона и действительностью, они не играют активной творческой роли. Более того, эта система исключает моральную ответственность судьи, поскольку в идеологии легализма сфера права принципиально автономна; идеология как раз и позволяет придать закону имперсональный характер, а судей убрать на второй план и сделать их придатком системы.

Чтобы лучше понять эту систему и эту идеологию, обратимся к идеологии реализма. А именно — к англо-саксонской или англо-американской правовой традиции, в которой закон живет решениями судьи, толкованиями, системой прецедентов. Иногда это называют «живым правом», так как нет закона на бумаге, а есть только конкретные решения конкретных дел, которые становятся своего рода образцами. И поскольку судебная власть в этой системе является политической, то судьи, особенно судьи верховных судов, являются творцами политики через свои судебные решения и сознательно следуют этому принципу. Закон в данном случае укоренен в социальных отношениях, то есть все понимают, что право не автономно и должно меняться, исходя из конфигурации интересов в обществе. И наконец, эта традиция признает правовой плюрализм, при котором источником закона является не только государство, и даже — не столько государство, а это могут быть обычаи, традиции, верования, другие источники права.

Например, в России мощнейшим источником права являются «понятия». Система понятий, которая вышла из традиционной уголовной среды еще

1930-х годов, где сформировалась своя система правосудия, автономная от социалистической, противопоставленная ей и напоминавшая обычное право. В 1990-е годы, в отсутствие эффективной судебной системы, она была адаптирована к регулированию коммерческих отношений. Это пример правового плюрализма, и до сих пор рассмотрение или решение споров по понятиям может хотя скрыто, но вполне четко влиять на принятие тех или иных судебных решений. Примером правового плюрализма могут являться какие-то обычаи, допустим шариат, мусульманское право, которое при отсутствии примата этого права в государственном правовом механизме тем не менее может на него воздействовать. В такой системе судья играет совершенно другую роль. Чтобы вынести справедливое решение, которое, допустим, устранило бы конфликт, назначило справедливую компенсацию или вынесло санкцию за причиненный ущерб, судья принимает во внимание в том числе альтернативные правовые порядки.

Когда мы остаемся в плоскости легализма, здесь нет социологии, есть классическая юриспруденция, которая рассматривает правовые доктрины, квалифицирующие признаки тех или иных преступлений, понимание тех или иных противоправных деяний и т. д. Это герметичная, довольно замкнутая на себя — и в смысле профессионального сообщества, и в смысле отношений с внешним миром — система. А вот идеология реализма предполагает погружение в среду традиции «права и общества», или «социологии права». Эта традиция довольно мощно развивалась с 1960-х годов в западной социологии и социальных науках и практически никак не развивалась в Советском Союзе и России. Хотя именно апеллируя к ней, можно понять изъяны правовой системы и

причины отсутствия правового государства и верховенства права в России и осознанно чинить эту систему постепенно так, чтобы она заработала как нужно.

Какие принципы лежат в основе этой традиции? Во-первых, право задано извне. Оно не автономно, оно подвер-

В России лихорадочно меняли кодексы советского времени, полагая, что новые законы позволят по-новому жить. А оказалось, что это не так

жено действию социально-экономических отношений, баланса власти, баланса интересов в конкретном обществе. Это вполне тривиальный тезис, высказанный в свое время еще Марксом и, по-своему, Максом Вебером. На этом положении, что оно задано извне, и появилась социология права, стремящаяся объяснить любые правовые процессы и механизмы с точки зрения внешних социальных факторов. А именно, опираясь не только на полевые эмпирические исследования, но и на изучение судебной статистики, чтобы выявить так называемые отклонения правового поведения. Известно, что во многих странах люди, совершившие преступления одинаковой тяжести, но менее образованные, наказываются более жестко, чем люди с высшим образованием, так же как и иммигранты, которые тоже наказываются более жестко, чем граждане или уроженцы данной страны. Эти связи просчитываются обычно на больших массивах статистики, поскольку их невозможно объяснить, оставаясь внутри самого права.

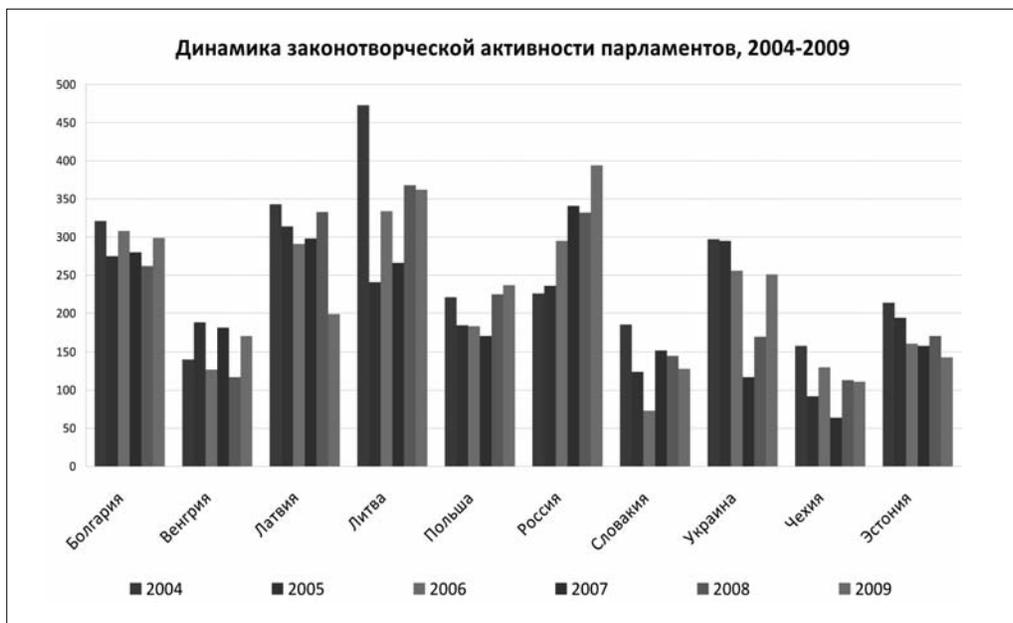
Во-вторых, есть область исследования, называемая по-английски «law in context», согласно которой, что бы ни было написано на бумаге, смысл закона недоопределен, пока он не начинает применяться в жизни, то есть в том

контексте, для которого он предназначен. Ни один законодатель никогда не может предсказать, как в действительности может работать тот или другой «бумажный» закон, потому что в жизни есть реальность соотношения интересов и, следовательно, столь же реальная его интерпретация теми, кто начинает им пользоваться. И это уже не юриспруденция, а что-то из области социологии и антропологии права. Классический пример из российской практики — судьба либерального закона о банкротстве 1998 года, который сменил предыдущий закон, по-моему, 1993 года. Новый закон был призван санировать рынок от неэффективных предприятий с передачей управления из рук «плохих» управленцев в руки «хороших» через процедуру банкротства, то есть реструктурировать экономику. При этом процедура банкротства была сильно облегчена. Но в контексте российской экономики, огромного денежного долга, накопленного предприятиями, и появления на рубеже 1999–2000 годов новых групп олигархов и их интересов, закон о банкротстве стал инструментом дешевого перераспределения активов в отсутствие фондового рынка. Закон стал

играть абсолютно по-другому, никак практически не отражая намерения тех, кто его принимал в 1998 году. И так продолжалось до 2004 года, пока не был принят следующий закон, который уже учитывал контекст правоприменения. Но за 4 года все, что было можно поделить с помощью заказных банкротств, было поделено.

И наконец, есть область изучения поведения участников правового поля, определяемого неправовыми факторами. Например, судебские решения, которые определяются бюрократической структурой судов. Судья, естественно, обязан принимать решения исходя из буквы закона и характера рассматриваемого судебного случая, но это не единственное, что влияет на применение законов. Есть еще председатель суда, есть система оценки работы судей, а также экстралегальные факторы организационного свойства, влияющие на решения судьи. Они тоже не рассматриваются юриспруденцией, а исследуются, в частности, социологией организаций или институциональным анализом. Перейдем теперь к законодательной политике.

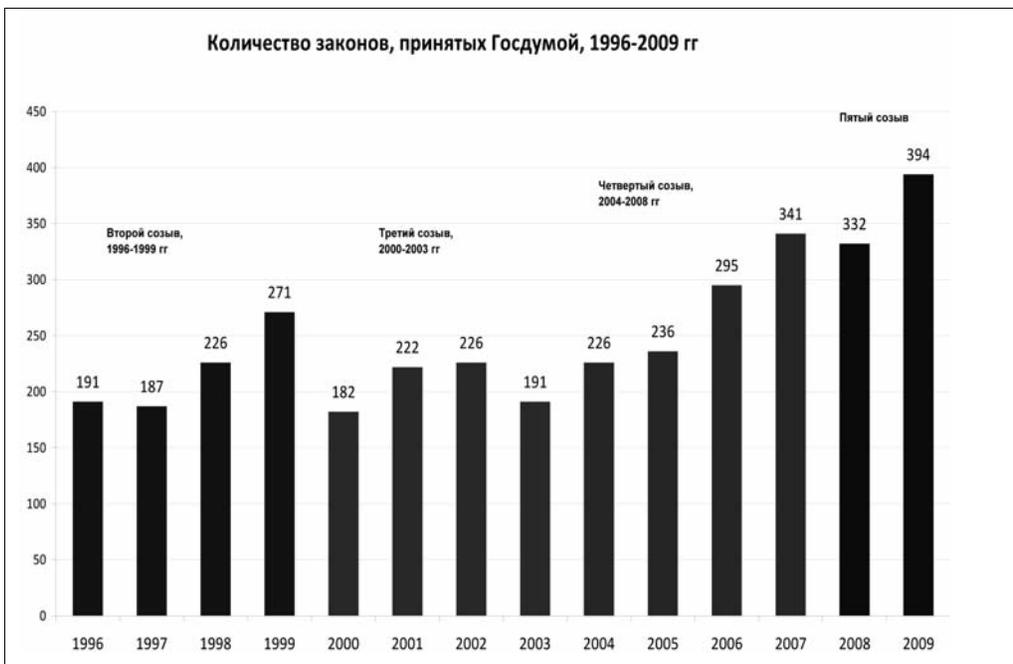
Перед вами график, иллюстрирующий законодательную активность парла-

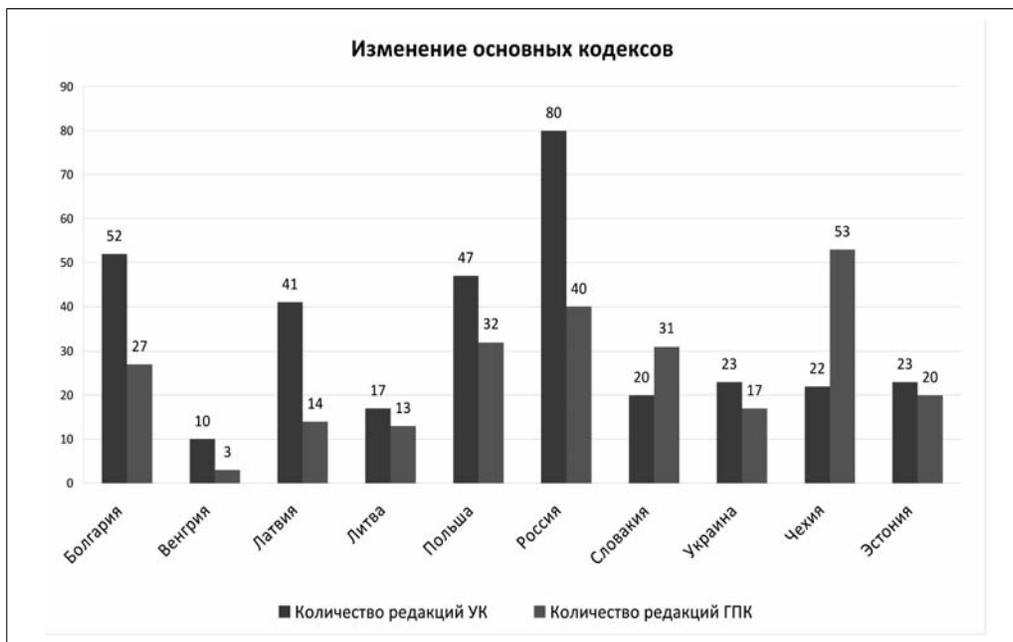

ментов постсоветских и постсоциалистических стран с 2004 по 2009 год. Критерий — количество законов, принятых соответственно в каждой стране, учитывая при этом, что в странах, вступивших в ЕС, отмечался пик активности, связанный с подготовкой к вступлению в него, когда они должны были принимать стандартную матрицу законов, принятых в европейском сообществе. Но некоторые страны ограничились этим, а некоторые нет. В целом мы видим, что есть страны с довольно низкой законодательной активностью и есть с высокой законодательной активностью. В одних странах новые законы принимают часто и часто их меняют, а в других принимают относительно мало законов и относительно мало их меняют. Арина Дмитриева и Денис Примаков, которые делали это исследование, установили, что есть довольно четкая корреляция: чем больше страна принимает законов, тем чаще она их меняет. Венгрия, Польша, Словакия, Чехия и отчасти Эстония относятся к странам с довольно низкой законодательной активностью своих парламентов. А Литва, Болгария, Россия и

Украина являются странами с высокой законодательной активностью.

И другой график, иллюстрирующий законодательную активность Государственной думы РФ с 1996 по 2009 год. На нем мы видим довольно радикальное увеличение законодательной активности примерно тогда, когда «Единая Россия» получила конституционное большинство. Большинство парламентариев и сегодня мыслят в традиции легализма, считая, что чем больше они приняли законов, тем лучше сделали обществу, уменьшили правовой вакуум. В общем, они отчитываются, как это ни странно, количеством принятых законов. Но если посмотреть, хорошо это или плохо для общества, то можно сделать вывод, что высокая законодательная активность еще не ведет к повышению качества законов, наоборот, поскольку их приходится часто поправлять, она становится источником непостоянства правил игры, то есть нестабильности законодательства. Когда люди просто не успевают за изменениями, перестают следовать закону. Соответственно, жизнь идет своим чередом, а законы

существуют сами по себе, что, естественно, создает предпосылки для того, чтобы обнаруживать всякий раз, когда это нужно, нарушение законов. В связи с этим и экономическая активность очень затруднена, потому что нестабильность создает ситуацию, когда большинство действий предпринимателей содержит те или иные нарушения закона и всегда можно поймать и призвать к ответственности нарушителя.

И еще один важный график. На нем мы видим те же страны, что на первом графике. Менялись ли в них базовые кодексы: Гражданский, Гражданский процессуальный, Уголовный процессуальный, Уголовный?

Мы видим любопытную ситуацию. Венгрия ни разу не поменяла свои кодексы, а внесла в них минимум поправок, и это не означает, что страна осталась в социалистическом прошлом. Следовательно, кодекс, в принципе, можно не менять, можно изменить правоприменительную практику и обеспечить верховенство права. Латвия поменяла только два кодекса, Словакия — один. Чехия не поменяла ни одного. То есть эти страны либо

вернулись к кодексам, которые существовали до Второй мировой войны, либо оставили социалистические кодексы. В России же начали лихорадочно менять кодексы советского времени, полагая, что новые законы позволят по-новому жить. А оказалось, что это не так. Это очень веский аргумент против легализма. В России поменялись все четыре кодекса, в Литве тоже. Украина поменяла три. Однако, если учесть количество редакций, то есть поправок к кодексам, то Россия является абсолютным лидером: здесь принимается много законов, которые не очень высокого качества, вследствие чего они постоянно правятся. Если оперировать индексами, характеризующими качество правовой среды, будь то индекс Всемирного банка или индекс защиты прав собственности Института свободы и демократии Э. де Сото, страны, где стабильное законодательство, обладают более качественной правовой средой. Если законодатели, следуя идеологии легализма, считают, что закон решает все проблемы, они заблуждаются. Право — это многофакторная среда, в которой решают правоприменители.

Это суды и судьи, это правоприменители в погонах, то есть правоохранительные органы. Все они а) толкуют законы и б) контролируют применение законов.

Как действует система правоприменения? Допустим, в уголовном процессе участвует несколько акторов — действующих или должностных лиц, каждое из которых следует своей организационной формальной и неформальной логике. Совокупность их действий образует последовательность, в которой а) движется уголовное дело, от момента возбуждения до момента вынесения приговора в суде, и б) трансформируется статус человека от подозреваемого до подсудимого, обвиняемого, подсудимого и преступника или осужденного, если доказана его виновность. Наша задача — понять, как эта машина работает, формально и неформально. Выяснить, каковы стимулы и как работают оперативники, когда к ним поступает либо заявление о преступлении или правонарушении, либо когда они пытаются выявлять какие-то правонарушения. Чем они руководствуются? Как принимают решения о регистрации или нерегистрации преступления? Как они взаимодействуют со следователем в том, возбуждать уголовное дело или не возбуждать? На основе каких мотивов, каких организационных стимулов следователь принимает решение, возбуждать его или не возбуждать? Что считается расследованным делом? Какова логика работы оперативника? Что ему зачитывается в качестве «палки», то есть положительно оцениваемого показателя, за который его могут повысить, дать премию, похвалить? И наоборот — за что его могут лишить премии, понизить в должности, выгнать, наконец. То же самое со следователем. Эти люди работают в довольно плотной среде институциональных условий, реагируют на них. Мы не предполагаем, что они какие-то злобные, что у них естественная склонность к попыткам, они любят

бить людей или они нечестные. Нет, мы предполагаем, что они обычные люди, просто они попадают в некую систему, устроенную определенным образом, в результате чего начинают так себя вести.

Например, оперативник регистрирует преступление тогда, когда понимает, что может его раскрыть, допустим, в течение суток или двух. Если же понимает, что он вряд ли его раскроет и оно может превратиться в нераскрытое, в «висяк», то сделает все, чтобы его не зарегистрировать. Или наоборот, если он зарегистрирует преступление, то сделает все — будет выбивать показания, запугивать, пытаться, — чтобы добыть свидетельства о том, что есть подозреваемый, потому что тогда преступление считается раскрытым.

Затем наступает очередь следователя, который оценивает, может ли он довести это дело до конца, собрать достаточные доказательства, сформулировать их в заключительном обвинении, чтобы прокурор принял их. Потому что следователь получает свою «палку», когда прокурор утверждает обвинительный акт и передает его в суд. Фактически с этого момента судьба обвиняемого предрешена: с вероятностью 99%, а у нас именно 99% обвинительных приговоров, он будет осужден, потому что так устроена система стимулов. Если прокурор передает дело в суд, у него есть жесткий интерес, чтобы судья фактически скопировал обвинительное заключение.

Таким образом, действует некая машина, состоящая из формальных инструкций, системы оценки показателей, санкций, положительных или отрицательных, за достижение этих показателей, есть процессуальный кодекс, неформальные правила работы оперативников, следователей, прокуроров и судей. Эта машина работает согласованно, и человек, который под нее попал, становится осужденным. Проблема российской правосудной системы — это так называемый обвинительный уклон:

доля оправдательных приговоров в российских судах в 2008 году составляла 0,67%. Это официальная статистика. Если же вычтеть частные обвинения, в которых не участвует прокурор, где он не давит на судью, то суд имеет большую возможность выносить оправдательные приговоры. Это не тяжкие статьи, не затрагивающие интересы государства. На такие обвинения приходится 68% всех оправдательных приговоров. Если убрать их из статистики, то доля оправдательных приговоров вовсе снизится до 0,2% в 2008 году. В Европе в среднем доля оправдательных приговоров — 15–20%, в дореволюционной России — 20–30%. Это значит, что наша система правоприменения выстроена так, что судья фактически штампует приговор обвинения. То, что произошло с Ходорковским, например, это типичный образец российского правосудия, а не какое-то особое дело. В нем, с точки зрения статистики и практики российской судебной системы, нет ничего особенного, выдающегося или исключительного.

И вопрос как раз в том, почему это происходит. Что происходит в этой связке «прокурор — судья», когда суды не обладают самостоятельностью? Мы работаем как раз над проверкой двух гипотез, или механизмов, формирующих в России систему правосудия. Первый механизм можно определить как «мягкая сила», а второй как «жесткая сила».

Что такое «мягкая сила»? Это не административная, а ценностная система факторов. Мы не знаем точную цифру, но полагаем, что от 15 до 20% судейского корпуса составляют бывшие прокурорские работники. Это люди, профессиональная идентификация которых сформировалась в прокуратуре, у которых остаются корпоративные, социальные связи в этой среде, предрасположенности, которые свойственны в большей степени прокуратуре или обвинению, чем судьям. И если профессиональная задача прокуроров — это борьба с пре-

ступностью и защита интересов государства, то не факт, что наши судьи видят свою миссию в защите прав граждан, творении справедливости, а не в такой же борьбе с преступностью или защите интересов государства.

Важная область правового симбиоза прокуратуры и суда — повседневное общение их представителей и общая социальная сеть. Действительно, когда начинаешь интервьюировать областного прокурора и судью, выясняется, что их дети учатся в одной школе, они иногда встречаются, общаются по не относящимся к делу поводам, то есть являются частью одной социальной сети. Конечно, это сближает судей с интересами прокуроров, облегчая их взаимодействие.

Наконец, довольно простая реальность: очень часто суд и прокуратура находятся в одном здании с табличкой «Суд. Прокуратура», словно это одна система, работники которой и не мыслят себя в ином качестве.

Теперь поговорим о факторах «жесткой силы». Это возможность прокуратуры оказывать прямое давление на судей. Во-первых, это возможность обжаловать и отменить решение судьи. Если судья не удовлетворил решение прокурора, последний может обжаловать действия судьи в вышестоящем суде, и тот может отменить решение нижестоящего суда. А для судей самое страшное — это отмененное решение, потому что «плохая статистика», отмененные вышестоящими судами решения, могут быть основанием для квалификационной коллегии судей для досрочного прекращения полномочий судьи. Это институциональный механизм, он объективен. Судьи, которые начинают противоречить прокурору, просто выбывают постепенно из этой системы, остаются те, кто работает в согласии. Второе: как ни странно, но ФСБ и прокуратура ставят свою подпись на личном деле судьи, прежде чем он назначается на эту должность. Такова просто мелкая процедура, одна

из тех, о которых мы не знаем. Соответственно, если судья конфликтует с прокуратурой, то при назначении на должность или повышении он может не получить необходимую подпись, что вынуждает работать с оглядкой на этот механизм. Наконец, третье проявление «жесткой силы», то есть административного влияния прокуратуры на суд — это право прокурора подать представление в органы следствия о возбуждении уголовного дела против того или иного судьи, например по подозрению в коррупции, о проведении следственных действий. И судьи тоже это понимают. Если судья будет выносить оправдательные приговоры, то прокуратура может начать «шить» на него дело, подозревая, что он оправдывает подсудимых за взятку. Этот механизм может использоваться и для сведения счетов со слишком самостоятельным судьей. Чтобы не давать повода для подозрения в коррупции, судье легче вынести мягкий, но обвинительный приговор.

Еще раз подчеркну: когда мы исследуем механизмы, препятствующие установлению в России верховенства права и независимости судов, стимулирующие неправосудные решения, мы не подразумеваем какое-то тайное влияние Кремля или коррупции, мы говорим о «нормальном», повседневном устройстве суда и прокуратуры и механизмах их взаимодействия. И это гораздо опаснее и страшнее, чем все, что относится к теории заговора.

Существенная область исследований, касающихся нашей судебной системы, — бюрократическая подотчетность судей и их место в организационной структуре судов. Судья принимает определенные решения, рассмотрев доказательства, обстоятельства дела, сопоставив их с соответствующей статьей того или иного кодекса или закона. Естественно, он это делает в рамках суда как бюрократической организации. Поэтому важно понять, в чем организационная специфика

российских судов. В отличие от, допустим, английской или американской системы, которая гораздо меньше бюрократизирована, континентальная система правосудия, французская, немецкая, российская, довольно сильно бюрократически структурирована, суд иерархически организован. Например, председатель суда наделен определенными полномочиями, допустим, в распределении дел между судьями, от чего могут зависеть их служебные показатели. Материальные блага, премии в рамках суда распределяются также председателем суда, и судьи это знают. Председатель суда может вынести дело того или иного судьи на квалификационную коллегию для лишения его полномочий. Таким образом, власть председателя суда очень велика и институт председателей суда в нашей системе иерархии может использоваться для оказания внешнего влияния на суд.

Независимость судов ограничивается также опасением отмены их решений вышестоящим судом: районного суда — городским, городского — областным и т. д. У судей есть неформальный механизм подстраховки: прежде чем выносить решение, они бегут советоваться к судье вышестоящего суда, чтобы знать наперед, если поступит апелляция, а она обязательно поступит, что вышестоящий суд не отменит решение.

Еще один фактор — закрытость хода многих процессов и принятия решений по ним. Только недавно, в связи с новым законом (№ 262 — ФЗ), который предполагает обязательное раскрытие информации о деятельности судов в РФ, на сайтах стали появляться сведения о судебных решениях, хотя и в очень урезанном виде. Тем не менее появляется некоторая возможность сравнения прецедентов, когда по одним и тем же статьям, по аналогичным делам выносятся разные решения. Судьи стали остерегаться прибегать к манипуляциям и, что очень важно, начинают обращать внимание на мнение судей-

ского сообщества. Потому что механизм независимого правосудия — это не действия отдельного судьи, а судейского сообщества, которое должно отсекалть разные влияния и которое понимает, какие судьи профессиональны, какие нет, какие коррумпированные, какие нет. Так или иначе, но открытость судов, репутация в профессиональном сообществе причаюют судей отвечать за свои действия. Учитывая, что долгое время ход процессов был недоступен для публики и отсутствие независимости судов и неправосудные решения стали нормой правосудия.

Наконец, очевидный фактор, снижающий качество правосудия, — сроки рассмотрения дел. И чрезвычайная нагрузка на судей всех компетенций. У нас по международным стандартам очень короткие нормативные сроки рассмотрения дел. Если судья не укладывается в эти сроки, он подвергается санкциям: замечаниям, лишению премии и пр. И поэтому часто ищет готовые решения, а не проявляет творчество, превращается просто в штамповщика готовых решений, лишь бы уложиться в сроки. Ему проще следовать за прокурором. Так что не взятка, не давление, а устройство самой судебной системы искажает идею правосудия.

Итак, перехожу к выводам, обобщающим причины отклонений от верховенства права. Это идеология легализма; определенные черты законодательной политики (низкое качество законов и, следовательно, частые изменения, нестабильность законодательства); это специфика правоприменения: зависимость судей и судов. Есть и еще одно важное обстоятельство, которое я не раскрыл, — произвол правоохранительных органов в части экономических преступлений. Эти факторы организационного, социального характера являются наибольшими препятствиями для движения к верховенству права.

*Графики составили
Арина Дмитриева и Денис Примаков*

Дискуссия

Александр Селютин, адвокат Московской коллегии адвокатов «Князев и партнеры», кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса юрфака МГУ:

— Хотел бы, прежде всего, поблагодарить докладчика за насыщенное, откровенное выступление. Насколько, на ваш взгляд, возможно реформирование судебной системы, как оно может происходить, с чего следует начать? Насколько опасна для власти демократизация судебной системы и независимость суда?

Виктория Самойлова, член молодежного правительства Ленинградской области:

— Вы подробно нам рассказали об институтах правовой отрасли, но при этом осталось за скобками отношение общества к судебной системе и вообще правовой отрасли. При этом некоторые западные ученые, и я разделяю их точку зрения, говорят о том, что огромное влияние на любую отрасль оказывают правила и ценности, которые царят в том или ином обществе. Есть ли какие-то исследования на тему роли общества, этических и моральных норм в формировании правосудия, вовлечения общества в развитие нашей судебной системы.

Денис Ануфриев, адвокат, член Санкт-Петербургской коллегии адвокатов:

— Я занимаюсь изучением института адвокатуры и знаю, что у нас участвующие в процессах адвокаты подвергаются часто жесткому давлению. В связи с этим считаете ли вы возможным, чтобы в России кандидат в судьи обязательно имел опыт работы и в правоохранительной системе, и в адвокатуре?

Вадим Волков:

— Если можно, начну с вопроса Дениса. Отношения судей и адвокатов — очень болезненная сфера. Месяца через три мы получим результаты опроса об отношении судейского сообщества к его пополнению из рядов адвокатов. Нам кажется, что профессиональное сознание корпорации таково, что в ней принято считать адвокатов проводниками коррупции. «Судейские» считают, что главная функция адвоката — договориться со всеми и получить с клиента деньги. Очень часто слышишь от судей такие комментарии. Я лично считаю правильной практикой во многих странах, когда в судьи идут из адвокатов. У нас судейский корпус пополняется из бывших помощников судей, из работников аппарата судов, а также из прокуроров и милиционеров, но не из адвокатов, их просто не назначают. Прокурор не подпишет представление, ФСБ не подпишет... Что мы можем со своей стороны сделать?

По крайней мере, опубликовать выводы нашего опроса и инициировать общественную дискуссию, обсуждение этой проблемы в профессиональном сообществе. Читайте нашу колонку Extra Jus в газете «Ведомости».

Вопрос Виктории о роли сознания в обществе, этических и моральных норм. Любой социолог знает, что сознание общества страшно инертно и изменить его очень трудно. Но можно изменить порядок работы конкретных организаций. Это задача более доступная. Правовой нигилизм в России отчасти отражает действительную работу судов, доверие к которым невысокое. Но это в сфере гражданской, уголовной, а вот к арбитражным судам доверие повышается. Мы анализировали статистику работы арбитражных судов, и получается, что предприниматели и государство имеют равные шансы, нет никакого уклона в пользу государства. То есть очень медленно сознание участников рынка меняется в пользу разрешения споров в арбитражных судах, а арбитражные суды, в свою очередь, адаптируются к потребностям рынка, к предпринимателям. Не все безнадежно. Это я уже отвечаю Александру. Вопрос о том, насколько опасно для власти, общества изменение судебной системы, ее независимость. Это опасно для клиентелистских отношений внутри государства, для системы теневой юстиции, для тех, кто пользуется судами как инструментом неправомерных административных, политических или коммерческих решений, для вертикали власти. А для гражданского общества, для участников рынка, для предпринимателей независимость судебной системы — это благо. Ведь судебная система должна разрешать конфликты, снимать напряжение. Когда в обществе есть справедливость, система равновесна, общество равновесно, и в этом функция судебной власти. Если она ее не выполняет, то в обществе растет напряженность. Если все больше и больше людей не могут решить свои противоречия в суде, не могут добиться справедливости и защиты в судебной системе, они выходят на улицу. Поэтому реформирование судебной системы абсолютно необходимо.

Глеб Тюрин, выпускник Школы 2005 года:

— Мы установили, что механизмы внутри правовой корпорации формируются сами по себе, а определяются внешними факторами. Следовательно, мы должны создать механизмы, которые влияют на эти факторы. Если у элиты нет желания и возможности влиять на базовые процессы и ценности, если мы не создаем мощного механизма вовлечения общества в процессы влияния на правовую корпорацию, зачем тогда мы вообще обо всем этом говорим?

Станислав Корякин, выпускник Школы 2005 года:

— Было интересно посмотреть сравнение объема нормотворчества и выслушать ваш комментарий по поводу качества принимаемых законов в странах континентальной правовой системы. В странах англосаксонской правовой традиции — там, я так понимаю, тоже есть корреляция между объемом принимаемых законов и их качеством. По поводу судей. Помимо судейской и прокурорской корпораций есть еще сообщество адвокатов. Это, в принципе, одна социальная сеть, они выходят из тех же учебных заведений. Однако существенное отли-

чие в том, что прокурорская и судебская корпорации выстроены по вертикали, а адвокатура — это некая горизонталь. Если бы был, например, главный адвокат района, города и т. д., как могла бы измениться ситуация?

Иса Даурбеков, ведущий специалист аппарата уполномоченного по правам человека, Республика Ингушетия:

— Как вы оцениваете роль суда присяжных?

Вадим Волков:

— Прежде чем создавать или менять конкретные механизмы, надо до конца понять, как действуют нынешние. Уже сейчас ясно, что нужно отменить систему оценки работы судей и так называемую палочную систему оценки работы органов МВД, создать систему гораздо более компактную, приближенную к жизни с точки зрения стимулов. Уверяю, что многое в поведении оперативников или следователей изменится. Надо думать, каким образом поменять полномочия прокуратуры, как усовершенствовать структуру судов. Мы над этим работаем, но мы можем высказывать конкретные предложения, только проделав большую исследовательскую и аналитическую работу. Мы очень активно работали в связи с законом о полиции, какие-то наши поправки не приняли, тем не менее мы очень многое поняли, будем продолжать в этом же направлении. Повторяю, что это далеко небезнадежное дело, это просто вопрос нужной активности в нужном направлении.

Не могу ответить, что было бы, если бы наряду с главным или генеральным прокурором был генеральный адвокат. Мысль интересная, нужно подумать, откуда у него взялась бы власть. У прокурора власть понятно откуда. Прокуратура — это часть исполнительной власти. Адвокат же, как я понимаю, работает силой аргумента, у него нет властных полномочий. Уполномоченный по правам человека, на мой взгляд, и есть аналог главного адвоката.

Иса, насчет суда присяжных. Отношусь к нему, безусловно, положительно. Ограничение суда присяжных — это ограничение независимости суда. Как показывает опыт, количество оправдательных приговоров выросло бы или растет по мере более интенсивного использования суда присяжных, потому что присяжные более независимы. Вообще институт суда присяжных вводит абсолютно другие основания для принятия судебных решений. Это не просто рассмотрение доказательств и ответ на вопрос, доказана ли вина подсудимого. Это введение общества и его установок в судебный процесс, потому что вердикт присяжных основан не просто на легалистском принципе принятия решений, но подразумевает некую меру справедливости, учет ценностей общества.

Сергей Хаустов, *член молодежного правительства Воронежской области:*

— Вы среди причин формализма современного права не назвали современное образование. Может быть, в этом истоки проблемы воспитания судей?

Константин Ершов, *депутат муниципального совета муниципального образования Купчино, Ленинградская область:*

— Рано или поздно судебная система будет реформирована, это понятно. Сейчас многие граждане не обращаются в суд, потому что результат известен. То есть подавать в суд бесполезно. Что делать в таких ситуациях?

Вадим Волков:

— Что делать, если трудно добиться справедливости? Идти в суд. Дальше — подавать апелляцию, то есть идти по всей цепочке, видимо, до Верховного суда. Конечно, все зависит от характера дела, но при этом нельзя забывать о средствах массовой информации. Потому что если под следствием находится милиционер или прокурорский работник, который сбил кого-то на автомобиле, то раньше об этом не писали и такие дела обычно либо прекращались, либо заканчивались условными приговорами. А сегодня уже гораздо труднее вынести оправдательный приговор или спустить дело на тормозах. Мы видим, что, в общем, машина заработала в этом направлении. Так что дело в сочетании общественного контроля, со стороны средств массовой информации, политической воли и каких-то, пусть непоследовательных, мер по реформированию тех или иных элементов правоохранительной системы, когда при более активном участии граждан дело можно сдвинуть.

По поводу профессионального образования. Абсолютно согласен с вами. И принимаю это как замечание, а не как вопрос.

Заметки с семинара

*Марина Скорицова,
выпускница Школы 2009 г.,
Ярославль*

На традиционном семинаре Московской школы политических исследований в пригороде Санкт-Петербурга — Зеленогорске слушатели, выпускники, эксперты из России и зарубежья вступили в четырехдневный диалог для того, чтобы совместными усилиями определить ту реальность, в которой комфортно существовать современному гражданину.

Разность профессиональных направлений дополнялась плюрализмом экспертных мнений и суждений. Среди ведущих сессий были исследователи, профессора, а также практики, те, кому по долгу службы приходится каждый день испытывать, внедрять что-то новое. Если говорить о первых, то внимание публики приковали к себе историки — профессор МГИМО **Андрей Зубов** и редактор журнала «Вокруг света» **Никита Соколов**. Эксперты сошлись во мнении: люди плохо знают свою историю, а потому не извлекают уроки. Прошлое народа нельзя переписать, у истории нет сослагательного наклонения. Но о минувшем надо задумываться, исправляя ошибки и прокладывая новый путь из удавшегося опыта. Эту концепцию на своем примере наглядно продемонстрировали иностранные гости. Независимый консультант по политическим рискам из Британии **Чарльз Вивиан** и руководитель исследований экспертно-аналитического центра «Реформ» **Дейл Бассет** рассказали аудитории о том, как на основе анализа практики прошлого проводились социальные и политические реформы в Европе.

Важную роль в «новом мире гражданственности» выполняют межправительственные организации. К их опыту и достижениям обращались посол Финляндии в Совете Европы **Ирма Эртман** и сотрудник отдела по правам человека Министерства иностранных Финляндии **Паси Кокконен**, советник Генерального секретаря Совета Европы **Александр Гессель**. Евро-

пейские ценности, проблемы их адаптации к реалиям меняющегося мира — основа развития современного европейского сообщества. Императивы демократии, верховенства закона, защиты прав человека — ключ к модернизации России, о которой говорил на семинаре заместитель директора Института мировой экономики и международных отношений РАН **Евгений Гонтмахер**. То, как понимают у нас сегодня модернизацию, эксперт назвал профанацией. Модернизация — это не только инновации и внедрение высоких технологий. Это гораздо более глубокий и многоуровневый процесс, затрагивающий абсолютно все социально-политические сферы, требующие существенных изменений в индивидуальном и коллективном сознании и гражданской активности.

От истории — к современности, от теории к практике. Если одни эксперты предпочитали основываться в своих суждениях на опыте прошлых лет, то другие предлагали слушателям уроки настоящего. Корреспондент испанской газеты «Эль Паис» **Пилар Боннет** рассказала участникам семинара, как оказалась в гуще событий, связанных с «Викиликс». Ей одной из первых выпала возможность поработать с «секретными материалами» сайта, и она не скрывала озабоченности моральным аспектом «абсолютной открытости». Пилар Боннет напомнила: не стоит забывать, что за каждым документом или депешей стоит жизнь реального, подчас ни в чем не повинного человека. Первый омбудсмен Аргентины **Хорхе Луис Майорано** поделился опытом своей работы во главе института

частного омбудсмена и убедил слушателей в том, что без защиты прав человека даже самые сильные политические и экономические реформы обречены «на холостой ход». Один из первых экспертов Школы, заместитель председателя «Внешэкономбанка» **Сергей Васильев** посвятил свое выступление анализу творческого наследия Егора Гайдара.

Пожалуй, самая острая международная проблема последних лет — ситуация на Ближнем Востоке. Шансы на справедливое урегулирование ситуации в регионе оценил президент Института Ближнего Востока **Евгений Сатановский**. Политолог из Франции **Мари Мендрас** рассмотрела риски «отчуждения между Западом и Востоком».

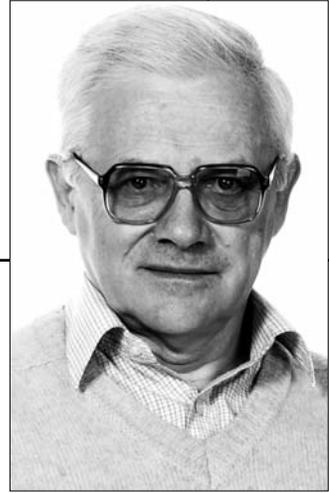
Председатель совета директоров Центра политического консультирования «НИКОЛЛО М» **Игорь Минтусов** предложил свой взгляд на факторы и интенсивность социальной напряженности в стране и ее вероятные последствия. **Александр Согомонов** на протяжении двух вечеров учил слушателей отличать бытовое восприятие действительности от гражданского, жить не в соответствии со стереотипами, а руководствуясь сознанием гражданина.

Итог: в очередной раз Московская школа политических исследований смогла дать для всех неравнодушных, заинтересованных молодых людей сложную картину мира, места в нем России, ее потенциал и путь, по которому должно развиваться успешное государство. Семинар в Зеленогорске удался. Каждый имеет право распоряжаться знаниями так, как считает нужным.

Российский правящий класс: механизмы вырождения

Многие неурядицы российской истории порождает «слишком распущенный аппетит произвола».*

В.О. Ключевский

*Сергей Магарил,
доцент факультета
социологии РГГУ,
кандидат экономических
наук*

Итоги постсоветского двадцатилетия отчетливо фиксируют: авторитарный режим, созданный усилиями властвующих групп в 2000-е годы, не стал авторитаризмом национального развития. Правящий класс России, ядром которого являются рентно-сырьевая олигархия и сомкнувшаяся с ней бюрократия, задачи национального развития, судя по всему, решать не способен. Астрономическая коррупция, масштабный вывоз капитала демонстрируют: свое будущее группы господства видят скорее вне России, но при этом оказывают значительное, если не решающее влияние на принятие важнейших решений. В то же время отечественный опыт XX столетия наглядно продемонстрировал ключевую роль качества государственного управления для благополучия общества. Поэтому стоит разобраться в причинах и механизмах вырождения правящего слоя.

Этапы российской модернизации

Современная Россия — это совокупный результат последовательной реализации элитарных общественно-исторических проектов: реформ Петра I, Александра II и социалистической индустриализации, осуществленной в правление Сталина. Для реализации этих модернизационных проектов были необходимы солидарные усилия высшего эшелона государственной власти: верховного правителя, его ближайшего окружения и назначаемых ими высших функционеров государственного аппарата. Средние

* В.О. Ключевский. *Исторические портреты*. — М.: Правда, 1990. — С. 357.

и нижние слои и звенья государственного аппарата вовлекались в реформы логикой административно-бюрократического подчинения, рутиной функционирования «властной вертикали».

Реалии постсоветской России

Принципиально иные процессы происходят в постсоветской России. В обществе распалось представление о единой исторической судьбе. За ширмой либеральной фразеологии властные элиты цинично расхищают национальное достояние с целью лично-корпоративного обогащения, выдавая его за национальные интересы. К сожалению, в обществе и, прежде всего, в высшем руководстве страны не нашлось сил, способных противостоять подобной политике. В числе причин этого: — отчетливое понимание противоправности сколоченных состояний, а потому их нелегитимность в глазах населения России; — опасение возможных в силу этого социальных потрясений по прецеденту начала отечественного XX века; — опасение лишиться сколоченных состояний в процессе передела собственности; — глубокое недоверие к конкурирующим кланам в отсутствие независимой и дееспособной судебной системы.

Исследования социологов свидетельствуют: постсоветские «элиты» на две трети состоят из представителей советской номенклатуры второго — третьего эшелонов. По сути, верхние этажи социальной пирамиды заполнило поколение «детей» послевоенной советской бюрократии, ее политические потомки и воспитанники, насаждающие в обществе отношения циничного аморализма.

Экскурс в историю

В правление Петра I, по сути, была сформирована модель отечественной модернизации с ее доминантой государственного насилия. Реформатор был убежден: «Наши люди ни во что сами не пойдут, ежели не приневолены будут». Одна из значимых причин — невежество, вопиющая неграмотность большинства населения России, включая правящий слой.

Выдающиеся реформы Александра II были осуществлены без государственного насилия, поскольку в распоряжении правителя оказались группы либеральной бюрократии, стремившиеся и способные осуществить реформы. Между тем временной разрыв между смертью Николая I и реформами Александра II — всего несколько лет, из чего можно заключить, что основной костяк чиновников-реформаторов сформировался в правление Николая I*.

* Историческая справедливость вынуждает это признать, несмотря на весьма нелестные оценки Николая I многими его современниками. В частности, крайне нелюбимую характеристику императору, методам и результатам его правления дает в своем дневнике Анна Тютчева — фрейлина императорского двора. (А.Ф. Тютчева. При дворе двух императоров. — М.: Мысль, 1990.)

Общественный запрос на реформы возник после поражения России в Крымской войне (1853—1856), сделавшего очевидной техническую и социально-культурную отсталость России. Однако кадры чиновников-реформаторов к этому времени были подготовлены. Начало было положено еще при Александре I. Характеризуя его образовательную политику, Карамзин писал: «Гнушаясь бессмысленным правилом удержать умы в невежестве, чтобы властвовать тем спокойнее, он (Александр I. — С.М.) употребил миллионы для основания университетов, гимназий, школ». Далее классик, не без иронии, замечает: «К сожалению, видим более убытка казне, нежели выгод для Отечества. Выписали учителей, не приготовив учеников... число их так невелико, что профессеры теряют охоту ходить в классы»*. Однако подспудный образовательный процесс, через десятилетия, дал свои плоды — чиновники-либералы были воспитаны и обучены.

*Верхние этажи социальной пирамиды
заполнило поколение «детей» послевоенной
советской бюрократии, ее политические
потомки и воспитанники, насаждающие
в обществе отношения циничного
аморализма*

Причины угасания реформ, как о том писали современники, — корпоративные интересы высшего слоя придворной аристократии, стремившейся сохранить в своих руках всю полноту единодержавной власти. Промедление с политической реформой привело к возникновению в обществе радикальных групп и убийству (1 марта 1881) императора-освободителя. Неслучайно Ключевский характеризовал Великие реформы как «непростительно запоздалые».

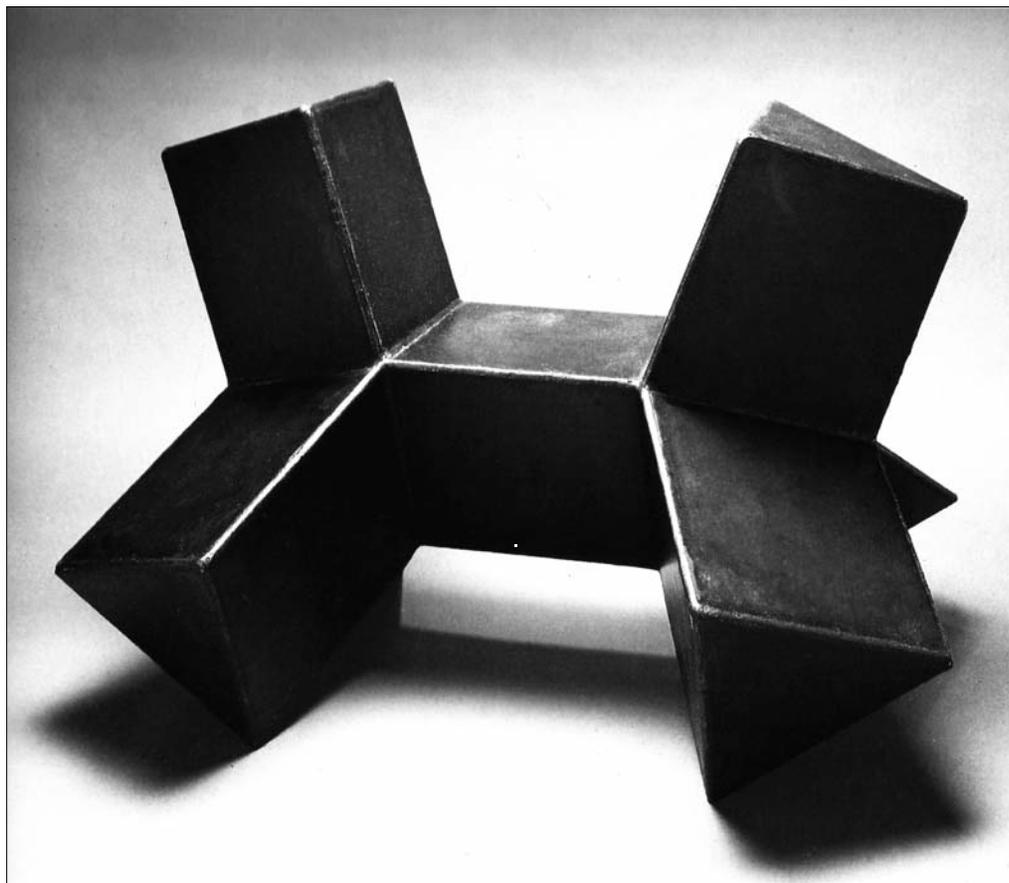
При этом следует обратить внимание на заявление Исполнительного комитета «Народной воли» 10 сентября 1881 года в связи с покушением на президента США Д. Гарфилда. Президент был смертельно ранен Ч. Гито 2 июля того же года, всего три месяца спустя после убийства Александра II**. От имени русских революционеров Исполнительный комитет выразил тогда протест «против насильственных действий, подобных покушению Гито. В стране, — говорилось в заявлении, — где свобода личности дает возможность честной идейной борьбе... политическое убийство, как средство борьбы, есть проявление того же духа деспотизма, уничтожение которого в России мы ставим своей задачей... Насилие имеет оправдание только тогда, когда оно направляется против насилия»***.

Последовавшее в результате убийства царя свертывание реформ и консервативно-охранительное «подмораживание» России привели к

* Н.М. Карамзин. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. http://az.lib.ru/k/karamzin_n_m/text_0120.shtml. С. 65—66.

** См.: Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша (1782—2001) с историческим комментарием. Пер. с англ. — М.: Издательский дом «Стратегия», 2001. — С. 249.

*** Научно-просветительский журнал СКЕПСИС. Интернет-ресурс: http://scepsis.ru/library/id_744.html

Тони Смит. Трон. 1963

постепенному вырождению административно-управленческого аппарата империи, не сумевшего справиться с масштабными историческими вызовами начала XX века.

Советский этап

Советский режим с целью самовоспроизводства создал систему административно-политических назначений на руководящие должности, что привело к образованию правящего слоя партийно-государственной бюрократии — «номенклатуры». Только заявив о своей лояльности режиму в качестве члена монополично правившей Коммунистической партии, советский человек получал шанс сделать административную или профессиональную карьеру.

Для своего комфортного существования «номенклатура» создала разветвленную систему экономического и социально-бытового обслуживания, изолированную от остального населения: особый порядок обеспечения жильем; щедрые денежные доплаты; отдельную систему медицинского и санаторно-курортного обслуживания; закрытые для простых граждан ателье по пошиву одежды и обуви; такие же товаро-

распределители импортного торгового дефицита; специальные цеха по производству продуктов питания и т. п.*.

В довоенный период основная когорта «назначенцев» на хозяйственные и политические должности — лояльные к власти выходцы из массовых слоев послереволюционной России. Обладая минимальной культурой, они были неспособны управлять огромной многоукладной страной. При этом советская бюрократия и сама жила с постоянным страхом оказаться неугодной и подвергнуться репрессиям. Но при всех чудовищных социальных издержках во главе с таким партийно-государственным аппаратом народ России совершил индустриализацию, победил в Великой Отечественной войне, осуществил послевоенное восстановление.

Эйфория, порожденная реальными достижениями страны в послевоенный период — авиация, атомная энергетика, военное машиностроение, начало масштабного жилищного строительства, прорыв в космос, — обусловила выдвижение политическим руководством СССР в 1961 году очередной социальной утопии — программы построения коммунизма к 1980 году.

В период 1950–1960-х годов и раньше социологические опросы не проводились, и потому сложно судить о подлинных масштабах поддержки советским административно-политическим аппаратом планов высшего руководства СССР. Однако можно предположить, что в обстановке послевоенного энтузиазма определенная часть партийно-государственной бюрократии, на какое-то время, могла вполне искренне включиться в осуществление планов строительства коммунизма, а не воспринимать их заведомо как очередной идеологический мираж для трудящихся масс. Утопические по своей природе, это были тем не менее планы национального развития.

Механизмы вырождения советской номенклатуры

«Золотой век» советской номенклатуры пришелся на 19-летнее правление генсека ЦК КПСС Л. Брежнева (1964–1983). Смерть Сталина развязала руки партийно-государственной бюрократии, позволила ей обезопасить себя, поставив репрессивные органы под свой контроль. Но, остановив конвейер репрессий, правители СССР тем самым остановили и механизм ротации элит. В отсутствие реальных выборов репрессии, помимо устрашения, являлись уродливым, «азиатским» способом обновления советского правящего класса, отбора

* Установленный в 1921 году «партмаксимум» по оплате партийной бюрократии — зарплата ответственных работников не должна была выходить за рамки «вилки» в 100–150% от уровня средней зарплаты в их учреждениях и на предприятиях — уже в конце 20-х в глубокой тайне был отменен. Официально «партмаксимум» был ликвидирован секретным постановлением Политбюро ВКП(б) 8 февраля 1932 года. О самом существовании «партмаксимума» умалчивалось во всех сталинских и постсталинских учебниках по истории партии. После отмены «партмаксимума» началось радикальное расслоение советского общества. Один за другим — в соответствии с их значением для советского режима — выделялись привилегированные слои.

Исаму Ногучи. Семя. 1946

наиболее профпригодных его функционеров. И потому закономерно, что высшие органы руководства СССР — политбюро и ЦК КПСС — со временем превратились в «клуб геронтократов»*. Отстранив от власти в 1964 году Хрущева, партийно-государственная бюрократия осознала себя полновластной хозяйкой страны, получив все необходимое для комфортного существования и пока еще скрытного обогащения.

По-видимому, к концу 1970-х годов окончательно сложилась та система социально-властных отношений, что годы спустя обнаружила себя «бриллиантовым» делом Галины Брежневой; многомиллионным

* В конце 1980-х годов именно это обстоятельство позволило М. Горбачеву отправить на пенсию одновременно десятки членов ЦК КПСС.

узбекским «хлопковым» делом, нити которого вели на самый верх советской партийно-государственной пирамиды; судом над директором московского элитного гастронома «Елисеевский», обвиненного в незаконном обогащении; самоубийством министра МВД Щелокова... И это лишь то немногое, что стало достоянием публичности, о чем было дозволено узнать населению СССР.

Традиционно «номенклатура» была информирована о реальном положении страны несравненно лучше массовых слоев общества. Для нее утопичность коммунистических миражей стала очевидна раньше рядовых граждан, что фактически и привело по умолчанию к ее циничному отказу от политики национального развития.

Однако с второй половины 1970-х годов и у рядового

населения страны планы построения коммунизма не вызывали ничего, кроме иронии, насмешек и анекдотов. По сути, в массовом сознании, вместе с утратой веры в коммунизм как образ светлого, достойного общенационального будущего, происходил распад социалистических идеалов — важнейших интеграторов советского общества. После чего распад СССР оказался лишь делом времени.

Советская правящая бюрократия самоустранилась от ответственности за развитие общества и состояние государства, о чем свидетельствует крушение СССР. Тем не менее она сохранила механизмы удержания власти, свое обособленное от народа существование, свои сословные привилегии. Власть без ответственности перед обществом за результаты своего властвования — это и есть социальный механизм вырождения правящего класса. Как советское, так и постсоветское атомизированное общество, с раздавленными диктатурой классами и социальными связями, оказалось неспособно создать механизмы политической, а потом и правовой ответственности правящих групп. Эпоха строительства коммунизма, начатая под лозунгом «Грабь — награбленное», закономерно завершилась масштабным ограблением самих строителей коммунизма.

*Эпоха строительства коммунизма,
начатая под лозунгом
«Грабь — награбленное», закономерно
завершилась масштабным ограблением
самых строителей коммунизма*

Очередное повторение пройденного

Вырождение правящего класса, явление для России не новое, происходило не единожды. Всякий раз, когда из жизни уходил всевластный самодержец, правящий класс, включая высших сановников, предавал забвению державные интересы и алчно приступал к разделу национального достояния, что приводило к деградации государства, а то и ставило его на грань катастрофы.

Так боярская знать, не сумев предотвратить «Великую смуту» XVII века, предала российскую государственность. Ядром национального спасения стал тогда «средний класс» средневековой Руси: купечество, дворяне, посадский люд, священнослужители.

Позднее «благородное дворянство», освобожденное от обязательной государственной службы, сохранило за собой «права» на безвозмездный труд крепостных. Деграция этого правящего класса Российской империи закономерно привела к тому, что ходом исторических событий он был сметен, а империя рухнула.

Отечественная история конца XX — начала XXI века демонстрирует те же закономерности. Политически аморфное население традиционно неспособно контролировать бюрократию. И правящий класс вновь, как и во времена средневековой Московии, кинулся обогащаться, расхищая национальное достояние. Для российских властных структур политика национального развития, или, по словам Е. Гайдара, «государственный ренессанс», невозможна социально-психологически. Такой курс «невыгоден для капитализирующейся номенклатуры». Характеризуя номенклатурную приватизацию, автор отмечает сказочное обогащение «номенклатуры за счет разграбления госсобственности»*.

... Печальная картина. Неужели и в XXI веке Россия обречена повторить ошибки предшествующих столетий, двигаясь все по той же, исторически тупиковой, авторитарной колее?

В России пока отсутствуют эффективные механизмы согласования разнонаправленных интересов больших социальных групп в ходе политико-правового/партийно-политического процесса формирования законодательства. На Западе эти механизмы давно и эффективно работают. Создав политические партии и добиваясь на этой основе избрания в парламент своих представителей, массовые слои имеют возможность влиять на формирование законов. Продвигая в законодательство свои законные интересы, граждане тем самым реализуют эти интересы, вынуждая правительство следовать принятому закону. На страже исполнения законов стоит независимая правоохранительная система. Неэффективное правительство может быть отправлено в отставку, в случае утраты доверия парламента. Либо правящая партия в целом теряет мандат доверия, если проигрывает парламентские выборы.

России еще предстоит освоить современную политическую культуру демократии. И основная тяжесть инновационно-демократической модернизации, так же как и основная ответственность за историческую судьбу России, неизбежно ложатся на ее образованные группы, на интеллектуалов России.

Не просвещая и не воспитав элиту, адекватную масштабу и остроте российских проблем, трудно надеяться, что «политику» лично-корпоративного обогащения сменит политика национального развития.

* Е. Гайдар. *Государство и эволюция // Власть и собственность*. — СПб.: Норма, 2009. — С. 278, 292, 302.

Языки и традиции гражданского общества*

Александр Согомонов, академический директор Центра социологического и политологического образования Института социологии РАН:

— Продолжая наш разговор, напомним одну художественную историю. Евгений Замятин и его роман «Мы», написанный в 1920 году в России во времена «военного коммунизма». В 70–80-е годы его читали в «самиздатовском» варианте. Роман поначалу воспринимался как пародия на коммунизм и его социалистическую практику. Недавно перечитав его, должен признаться, я понял, о чем он. Это вовсе не пародия на коммунизм. Это глубокое предвидение того, что может произойти, если мы во имя «беспечного благополучия» отказываемся от принципа свободы, из которого вытекают и демократия, и правовое государство, и гражданское общество, без которых немислима современная цивилизация.

Главный герой романа, от лица которого ведется повествование, рассказывает, какие с ним происходили превращения. Как в нем просыпается личность и растет чувство протеста против авторитарного строя. Сам Замятин был известным инженером, работал до революции в Англии, строил военные корабли, был активным участником революционных событий, с надеждой смотрел в будущее. И вдруг пишет роман-антиутопию. По сути, это была первая попыт-

ка взглянуть в непрозрачное и вовсе «не светлое» будущее.

Почему я все-таки думаю, что это не пародия на коммунизм? Потому что там нет прямого высмеивания идеологии государства советского образца. Писатель конструирует с помощью художественного вымысла, как вообще возможно общество, которое технологически высокоразвито, но не основано на принципах прав человека и свободы.

Прошло 200–300 лет — фантазирует Замятин — после так называемых древних времен (а древние времена — это XX век), то есть время тотальных войн, когда мало кто выжил, но зато оставшиеся в живых сотворили условия для «счастливого» человечества. Замятин иронизирует, посмотрите, что совершил первочеловек? Ведь он же жил в раю, в абсолютном благоденствии. Чего ему не хватало?! Свободы, пишет автор, вместо нее он предпочел благоденствие. Счастье не в свободе, а в благоденствии, которое создает тебе государство.

Понятие государства в романе часто заменяется термином «Благодетель». «Прекрасно и очень красиво наш Благодетель охраняет нашу несвободу, то есть счастье», — часто думает про себя главный герой. Ведь формула счастья проста, зачем тебе еще нужна какая-то свобода?

«Что дал ему Бог, кроме вечного поиска, не нахождения ни одного ответа в той жизни, в жизни древних людей, и постоянного мытарства, вместо того

* Окончание публикации материалов круглого стола, состоявшегося в Нижнем Новгороде. Начало см. в предыдущем номере журнала: «Общая тетрадь» № 1, 2011.

Ансельм Кифер. Библиотека. 1991

счастья и того благоденствия, которое подарили нам единое Государство и его Благодетели?» Вся жизнь в новом мире происходит на виду, она открыта и прозрачна, все стены стеклянные и все видят, кто и чем занимается. Почти нет никакой приватности, но разве она нужна для счастья? У каждого жителя было право раз или два в месяц получить талон на «сексуальные часы», и это было единственное время, когда герой имел право опустить шторы на своих окнах. Они все обожали звук опускающихся штор, потому что это был единственный момент, когда человек закрывался от внешнего мира. Потом эти шторы вновь поднимались.

И внезапно с главным героем происходит «страшное» — он влюбляется. Замятин показывает, как влюбленность и чувство близости с Другим начинают менять человека в глубинах его самости. Он в ужасе приходит в департамент здоровья и просит о помощи: «Мне кажется, я заболел». Ему говорят: «Да, ты очень сильно болен». — «А как моя болезнь называется?». — «У тебя появилась Душа». — «Скажите, а это тяжелое заболевание?». — «Это неизлечимо. Но не переживай, у нас сейчас многие болеют, это похоже на эпидемию».

Роман завершается апокалипсисом — развалом строя несвободного счастья и благополучия. Проснувшиеся души простых людей затребовали свободы, и всем стало ясно, что счастье и благополучие не дарятся, не гарантируются высшими силами, а свобода остается самой вожденной (пусть порой и мучительной) тайной социального бытия.

Замятин и сегодня актуален, когда, казалось бы, человечество окончательно отвергло всякие попытки построения земных утопий всеобщего благоденствия. Его предостережение созвучно нашим дебатам о гражданском обществе и свободе.

Давайте задумаемся, откуда берется сама «идея» гражданского общества?

Ведь ни у греков, ни у римлян мы ее не обнаруживаем — ни на референтном уровне, ни тем более в языке. Идеи демократии, законов и права, государства и публичной политики — да. Но не гражданского общества. Древние не мыслили себя «обществом» в нашем смысле, слишком иной была социальная культура античного мира, с другим — существенно отличавшимся от современного — понятием социума. Итак, откуда взялось «гражданское общество»? Прежде чем попытаться ответить на этот вопрос, подчеркну, что далеко не во всех современных странах оно есть. Оно не автоматически присутствует в любом проекте модернизации (осовременивания). Скажем, существовало ли гражданское общество при советской власти? Многие считают, что существовало. Спрашиваешь, а как это может быть аргументировано? Ну, допустим, было общество филателистов, ДОСААФ (Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту) и т. д. и т. п. Но были ли эти негосударственные формы объединения людей независимыми? Если вы посмотрите на список утвержденных ныне министерством юстиции некоммерческих и негосударственных организаций, то увидите, что и в нем более 90% общественных юрлиц именно такие, которые объединяют людей по определенным интересам. Казалось бы, и сейчас по интересам, и тогда. Но этот аргумент «за», на мой взгляд, не имеет отношения к понятию «гражданское общество».

То, что, как нам кажется, было гражданским обществом в СССР, часто называлось еще «общественность». А на самом деле было закамуфлированным инструментом партийно-государственного контроля. «Социалистическая общественность» никогда не выносила вердиктов в защиту свободы человека. И в этом смысле была, конечно же, репрессирующим механизмом. Малоэффективным, особенно в брежневскую эпоху, но все-таки репрессивным механизмом. Поэтому сегодня нам важно

понять: гражданское движение в конце 80-х годов мы начали фактически с нуля. И на протяжении последних двух десятилетий ясности в отношении того, что такое гражданское общество, у большинства россиян не прибавилось. Социологические исследования показывают: среднестатистический россиянин политически апатичен, у него отсутствует интерес к публичной жизни. По сути, он принял предложенную ему «сверху» модель гражданской принадлежности: *гражданин — это непубличный защищенный потребитель*. И пока мы видим триумфальное шествие этой культурной модели по стране.

Все выходит по Замятину: счастье — в бытовом благополучии и несвободе. Следует ли принимать условия свободы, если они предполагают ответственный политический выбор, который необходимо совершать ежедневно и своей публичной жизнью подтверждать его? Зачем такая свобода мне нужна?! Известно, что Замятин не-сколько раз перечеркивал титульную страницу своей книги, не мог придумать название романа. И назвал его в конце концов «Мы». К 1921 году закончилась гражданская война, начался НЭП, но Замятин тогда уже чувствовал, что это аморфное «мы» как отказ от свободы будет становиться с годами все более значимым. Но его предостережение так и осталось не услышанным.

И еще одна художественная история. Аргентинский писатель Хорхе Луис Борхес, тонко чувствовавший несовпадение языков и культур, придумал очень правдоподобную мистификацию, как будто бы основанную на подлинных документах. Якобы однажды в средневековой Испании известный мусульманский мыслитель Аверроэс (Ибн-Рушд) стал переводить на арабский язык «Поэтику» Аристотеля — одно из главных его произведений. «Поэтика» — это не только анализ литературных жанров, но и описание того, в какой степени гражданская и культур-

ная жизнь человека соответствует языку. И Аверроэс в процессе перевода наталкивается на понятия «трагедия» и «комедия». Он блестяще владел древнегреческим языком, но как перевести эти слова на арабский? Что они могут означать и с чем их можно соотнести в жизни правоверных арабов?

Ладно, думает он, пропущу в одном месте. Читает дальше — опять «комедия» и «трагедия». И он начинает понимать, что это два главных понятия для описания феноменов, которые не существует в его культуре! Он берет других интерпретаторов Аристотеля и не может найти ничего подходящего. И тогда, пишет Борхес, Аверроэс решил: пускай это будет иной опыт, а я возьму для перевода слова из нашего языка. Он взял Коран, нашел в нем два «соответствия», которые, как вы понимаете, ничего общего с трагедией и комедией не имели, поскольку в «Поэтике» речь шла о культуре, важное место в которой занимал театр. То есть публичное пространство, где люди играют разные роли, и когда политика это театр и общественная жизнь — театр. Словом, когда социальная драматургия и театральное представление взаимосвязаны. Аверроэс жил в XII веке в испанском городе Кордова, в котором по тем временам насчитывалось несколько десятков тысяч жителей. В нем были сотни общественных бань и публичных библиотек, но не было театра, и люди не знали о публичной жизни в античном смысле слова, не понимали, что такое «трагедия» и «комедия».

Повторяю, Аверроэс, согласно Борхесу, использовал для перевода слова из Корана, хотя мог отказаться от этого и просто заимствовать два древнегреческих слова и ввести их в свой арабский язык, как поступали другие народы (с помощью транскрипции или транслитерации). Но он выбрал первый путь.

Вопрос: как осуществляются обычно культурные заимствования? Либо, всматриваясь в чужой опыт, обозна-

чают его словами-ярлыками из родного языка. Либо заимствуют понятия, полагая, что референт и его языковая оболочка неразделимы. Считается, что в первом случае важнее собственный опыт, а во втором — аутентичные смыслы и открытость к культурному влиянию извне.

Впрочем, не все культурные заимствования и речевые высказывания строятся по принципу комплиментарности опыта и языка. В Европе заимствования в сфере общественной и политической жизни чаще всего совершались в логике нераспортиваемости опыта и языка. В нашей же истории, согласно известному выражению, говорим одно, а подразумеваем другое, и по-прежнему остаемся поборниками национальной суверенности смыслов, вкладываемых в иностранные слова. Например, употребляем универсальное понятие «демократия», а имеем в виду нечто свое, особенное.

Вспомним снова о Советском Союзе. Практически вся общественно-политическая лексика тогда была заимствованной, что не удивительно, поскольку сама идея «коммунизма» тоже была заимствована. Но «игра в слова» при этом приобрела беспрецедентную масштабность. О сталинской конституции и сегодня говорят как о самой передовой для своего времени, но за провозглашенными в ней «свободами» скрывалась абсолютно иная реальность. Демократия, гражданственность, право... Список лексических перверсий можно продолжить.

Или еще в качестве примера — один из лозунгов того времени: «Человек человеку друг, товарищ и брат». Этот лозунг как нельзя лучше выражает двусмысленность коммунистического намерения — весь понятийный ряд, при всей его личностной привлекательности, не общественного свойства. Таких форм общественной солидарности, как силь-

ное соседство, независимые профессиональные союзы, гражданское самоуправление, советская власть опасалась, как и любых других горизонтальных связей в обществе, которые могли бы противостоять ее идеологии. Ей было комфортнее иметь дело с неприхотливым «простым» советским чело-

А. Согомонов: На протяжении последних двух десятилетий ясности в отношении того, что такое гражданское общество, у большинства россиян не прибавилось

веком, не включенным ни в какие независимые общественные структуры.

Юрий Сенокосов, основатель МШПИ, директор издательских программ:

— Александр Юрьевич, прошу прощения, что прерываю тебя. Действительно, в СССР была «идеальная» конституция. Ведь большевики мечтали, как известно, построить идеальное бесклассовое общество и исходили из представления об идеальности человека, а управляли страной с помощью насилия и пропаганды. То есть стремились материализовать идею создания нового человека, тогда как настоящие идеалы предполагают, конечно, ясное осознание человеческого несовершенства. А если мы думаем одно, а делаем другое, отсюда и возникают лексические перверсии, искажение смыслов употребляемых слов. Поэтому нам надо учиться, я считаю, претворять наши идеалы с позиции трезвого понимания человеческой природы. Это относится как к государственным, так и к общественным институтам, которые ведь изобретались когда-то, как показывает опыт западных демократий, не для насилия, а для его ограничения. Идет ли речь о парламенте, судебной системе, независимой прессе и т. д.

Александр Согомонов:

— Вернемся к лозунгу «Человек человеку друг, товарищ и брат». Можно ли понять, каким конкретным социальным смыслом наделены эти понятия? Разумеется, нет.

Гражданское общество — уникальный культурный продукт многовековой европейской интеллектуальной мысли, и нет образцовых стран для подражания. Хотя самой идее гражданского общества более 300 лет, в течение этого времени на смену одним концептам приходили другие, но «старое» никогда не отвергалось полностью, в силу чего его описание напоминает своего рода многослойный языковой и понятийный «пирог».

Что такое гражданское общество? Может ли современное общество быть не гражданским? Об этом сказано и написано много, но некоторые акценты мне все же хотелось бы сделать.

В европейских языках слова, происходящие от латинского «civilis», соотносятся с универсальным пониманием «гражданского» как «городского», «буржуазного». Им маркируют современное общество открытого типа, основанное на правах и свободах граждан. Гражданское общество немислимо без свободных и активных граждан, включенных в общественную жизнь и публичную политику. Нерыночное общество вряд ли сформирует гражданское общество. С этой точки зрения эти понятия в определенном смысле тождественные. Правда, рынок не единственная его предпосылка, но очень значимая. Важными условиями генезиса гражданского общества являются верховенство права и независимые общественные институты, в противном случае, даже появившись, оно проигрывает государству.

Гражданский, общественный, мещанский, цивильный, штатский, публичный — все эти определения социальной идентичности человека пришли в русскую культуру из разных европейских языков. Штатский — это не военный. Цивильный — образованный, воспи-

танный. Гражданский — участвующий в общественной жизни, и т. д.

При этом подчеркну, что «гражданское общество» только в течение первых трех столетий Нового времени «изобреталось» не менее четырех раз. И каждый раз это было культурное открытие, существенно влиявшее на ход западной и мировой истории.

Сегодня мы не различаем автономности этих открытий. Но, поскольку речь идет о формировании гражданского общества в нашей стране, имеет смысл посмотреть ретроспективно на его историю. Но прежде помечу, что очередной всплеск интереса к теме гражданского общества в мире произошел в последней четверти прошлого столетия после начавшейся перестройки в СССР.

Итак, о первом открытии идеи гражданского общества — в английской протестантской среде. Джон Локк, который был протестантом, во второй половине XVII века впервые сформулировал принципы либеральной политики. Его знаменитые трактаты о государстве, правительстве и образовании актуальны и сегодня. Он доказывал право людей на объединение в политическое и гражданское сообщество, считая, что арифметическая сумма людей, проживающих на определенной территории, еще не является «обществом». Чтобы оно появилось, людям необходимо объединиться на основе солидаристически разделяемых принципов и ценностей. На низовом уровне они организуют свою жизнь без участия государства. Там же, где недостаточно гражданского единения, создается политическое сообщество, миссией которого является контроль над правительством. Гражданское общество, по Локку, обладает экстраполитической сущностью, оно принципиально выведено им за пределы государства, и главное, что делает его институциональной формой общественной солидарности, — это общие ценности. «Святая святых» гражданских ценностей, согласно Локку: ценность собст-

???????

венности, ценность жизни, ценность здоровья и ценность свободы.

Интеллектуальная сила Локка оказалась столь велика, что Европа и Новый свет (Америка) в течение десятилетий находились под влиянием его идей. Причем не только протестанты.

Католический ответ на протестантский вызов последовал в начале XVIII века, придав «гражданскому обществу» более глубокое обоснование. Французский иезуит — поклонник Локка — Клод Бюффье, у которого учились Дидро, Руссо, Монтескье и другие деятели Просвещения, закрепил в европейской философии сам этот термин, вынеся в заголовок своего сочинения относительно новое для европейской мысли словосочетание «*Traité de la société civile*» («Трактат о гражданском обществе», 1726).

Для Бюффье «гражданское общество» — это этическая категория, помогающая людям осознать чувство взаимного долга, что такое честность, справедливость, и в конечном итоге мотивирую-

щая их к достижению общего блага. Из этой католической традиции родилось этическое понимание гражданственности, которую сохранили французские энциклопедисты, цитировавшие Бюффье целыми страницами.

Таким образом, если протестант Локк, веривший в индивидуальные возможности и жизненные шансы человека, определял «гражданское общество» экстраполитически, вывел его из-под государственной опеки и провозгласил автономным, то Бюффье и последующая католическая традиция перевели внимание на моральное принуждение «жить обществом», а не просто «быть в обществе». И тем самым совершили «культурную революцию», сконструировав новое представление об обществе, непохожее на предшествующие исторические формы социума.

В дальнейшем это открытие способствовало кристаллизации в европейской мысли таких понятий, как демократия и рынок, а не наоборот, как может показаться на первый взгляд. С тех пор демо-

кратия, рынок и гражданское общество фактически утратили свой суверенный смысл.

Юрий Сенокосов:

— Поскольку речь зашла о демократии, напомним о двух ее моделях: прямой и представительной. Чем они отличаются? Тем, что в условиях прямой демократии власть принадлежит народу, а представительная демократия означает, что ее представляют люди, сами властью не обладающие. И хотя в конституциях современного государства говорится, что власть принадлежит народу, на самом деле она принадлежит тому, кто обладает правом на закон. Или, точнее, тем, кто после выборов обладает правом на закон, а граждане при этом имеют право их контролировать.

Я обращаю на это внимание потому, что при советской власти «народную демократию» противопоставляли буржуазной парламентской демократии, считая ее «прогнившей», «продавшей», «формальной» (такое определение дал ей Ленин). И она была действительно формальной в том смысле слова, в каком формальной является любая идея, то есть неким общим метафизическим понятием, не сводимым к эмпирическому содержанию. То есть предполагающим у человека ясное представление о том, что такое гражданин.

Александр Согомонов:

— В развитие этой мысли мне опять вспомнился Замятин. В его романе «Мы» жители государства назывались «нумера». А посему и вежливое обращение было — «уважаемый номер!»; очень редко говорили, например, «номер Д-513». А лучшие назывались «нумера из номеров». Конечно, саркастическая пародия. Но пародия на полную гражданскую обезличенность человека, сведение его к сугубо эмпирическому факту, лишенному метафизического морального начала.

Но вернемся к «культурным открытиям» в истории гражданского общества. Рассмотренные две традиции привели нас к пониманию того, как происходило первоначальное накопление европейских ценностей. Казалось бы, все для действенного гражданского общества к середине XVIII века было придумано и обосновано — индивидуальные свободы, раскрыты этические корни современного общества. Но для Европы этого оказалось недостаточно. И тогда европейская интеллектуальная мысль двинулась дальше.

Открытие третьей традиции связывают обычно с творчеством Шарля Луи Монтескье. Для него, в отличие от предшественников, любая авторитарная власть была неприемлема. О том, как ее «разделить», он писал много, но наиболее подробно о демонаполизации власти говорится в его трактате «О духе законов». Действительно Монтескье увидел в гражданском обществе простор для практических действий людей, объединяющихся в свободные ассоциации и союзы с целью защиты своих прав. Поэтому не случайно уже в XVIII веке толковые словари английского языка, определяя, что такое «гражданин», делали акцент на его общественной активности. Затем, вслед за Монтескье, сначала Георг Гегель, а позже Алексис де Токвиль, развили именно этот лейтмотив гражданского общества. Им удалось убедить Европу (Токвиль на примере американской демократии), что легитимное гражданское общество представляет собой прежде всего совокупность действующих лиц, объединенных общим интересом.

Токвиль, посетивший Америку, был потрясен, с какой легкостью и готовностью американцы объединялись для решения своих проблем. Гегель же писал, что между личностью и государством должно быть пространство, которое он называл гражданским обществом, защищающим общественные и государственные институты от узурпации. И что не менее важно, он

«допустил» в гражданское общество предпринимателя, отстаивающего свои экономические права и свободы. В этом смысле, в отличие от Локка, политические объединения и публичная политика последователями Монтескье стали рассматриваться как имманентная часть гражданского общества.

Этим третьим «открытием» европейская мысль проложила фактически дорогу к революционным преобразованиям XIX века, окончательно изменившим старый режим в Европе и определившим со временем появление на континенте современного политического и государственного ландшафта. Но прежде активистская интерпретация была с воодушевлением подхвачена Марксом, бывшим в молодости младогегельянцем. Без него и итальянца Антонио Грамши, развившего позднее евромарксизм, невозможно до конца понять формирование четвертой языковой традиции, заложившей основу для леворадикального понимания свободы и демократии. Ему свойствен язык гражданского сопротивления, неповиновения, конфликтности. Его адепты не отличали политическое действие от гражданского. А главное — отрицали формальный смысл демократии и метафизику свободы.

По сути, Маркс и впоследствии Грамши соединили предшествующие традиции и создали беспрецедентную антигосударственную и антилиберальную традицию. Ее «эффективность» была многократно доказана уличными столкновениями, народными волнениями и спонтанными бунтами, в ходе которых анархистская идея гражданских прав сталкивалась с консервативно-государственной.

Итак, мы видим, как на протяжении 300 лет европейской истории одна традиция гражданского языка накладыва-

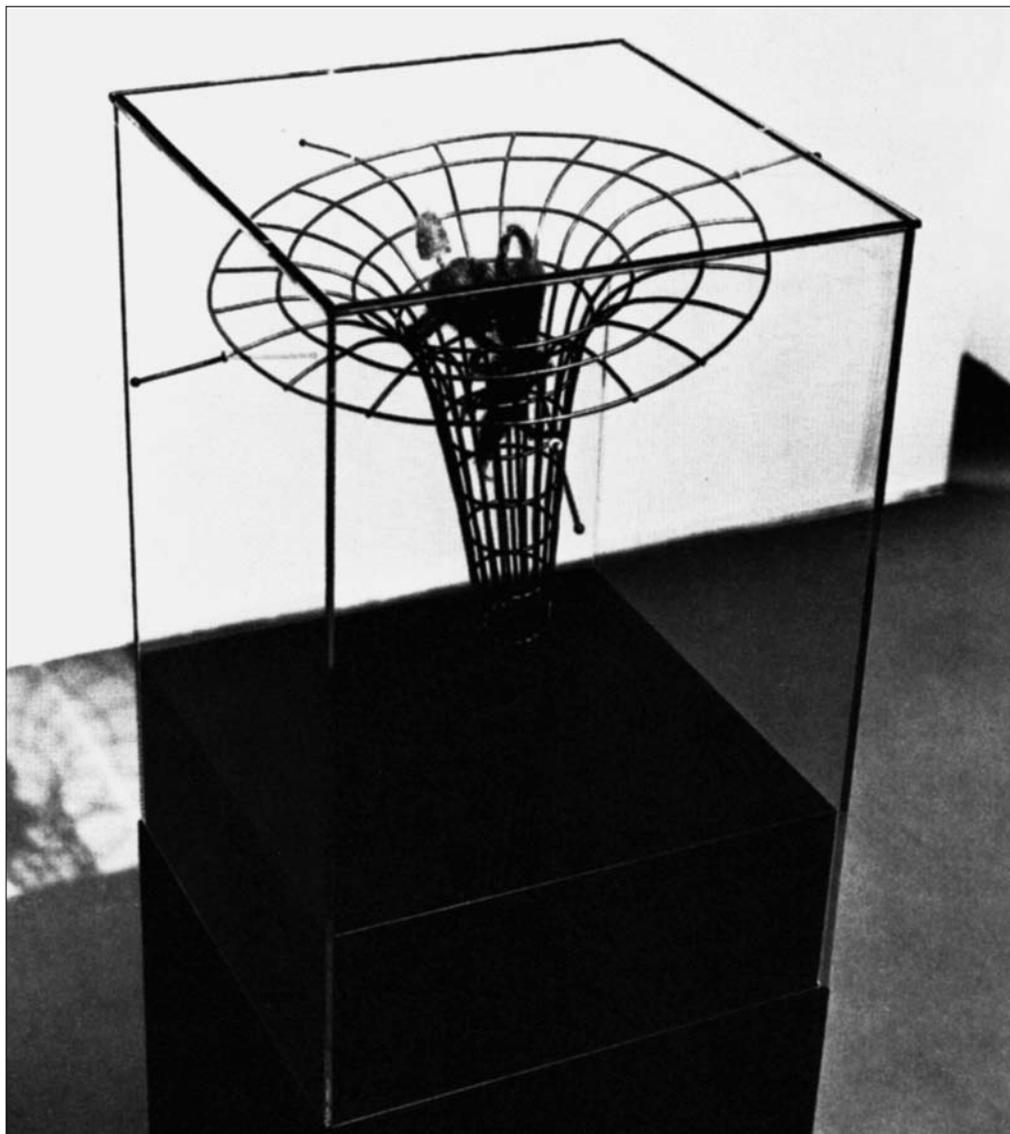
лась на другую, создавая каждый раз оригинальную культурную среду и аутентичный для нее язык.

Разумеется, ни в одной из современных стран мы не найдем конкретного проявления какой-то одной традиции, скорее перед нами феномен культурного синтеза разных языков граждан-

Ю. Сенокосов: Хотя в конституциях современного государств говорится, что власть принадлежит народу, на самом деле она принадлежит тем, кто после выборов обладает правом на закон, а граждане при этом имеют право их контролировать

ского общества. То есть все дело в языковых нюансах и акцентах — если мы будем обращать на них внимание, не сложно будет понять, почему это общество в разных странах по-разному институционализировано, по-разному мобилизует людей и вступает в разные по типу отношения с государством. Вероятно, поэтому гражданское общество не сходит с повестки дня современной европейской политики и в последние десятилетия интерес к нему продолжает расти. А еще в середине прошлого века на страницах международных изданий вы не увидите столь частого обращения к этой теме.

Эрнест Геллнер, один из основателей Московской школы, попытался найти объяснение этому феномену. Он полагал, что на рубеже 80–90-х годов появилось общее понимание, что мир идет по одной колее, но разными путями, и риторически вопрошал: на каком языке тогда мы говорим? Видимо, базовый словарь гражданского общества все же может и должен существовать. Потому что и «рынок», и «демократия», и «правовое государство», и «гражданское общество» обладают универсальными значениями, как об этом свидетельствует европейская история, — они шире

Розмарин Трёкель. Черная дыра. 1986

локальных культур. Либо культуры существуют во внеправовом пространстве и остаются «архаическими», либо переходят к современному состоянию политического и общественного устройства жизни, то есть вливаются в единую — по языку и гражданским ценностям — цивилизацию. И еще несколько замечаний в заключение. Какая языковая традиция нам ближе — сплочения, солидарности, активизма или же разрушения?

Сегодня в мире издается более двух десятков международных журналов, так или иначе касающихся вопросов гражданского общества. Правовая проблематика в них лидирует. Очевидно, мир озабочен тем, как выработать универсальный юридический язык гражданского общества.

И наконец, об адресности языка. Кому и как мы направляем гражданский message? Речь в данном случае идет не о коммуникативных технологиях, а о

повседневных словах и смыслах. Люди, проживающие в провинциальных городах, не воспринимают гражданские универсалии в силу их кажущейся академичности. Участники сетевых сообществ — тоже, хотя и по другим причинам. Молодой средний класс увлечен англицизмами. А наши власти по-прежнему говорят на «приблатненном» советском языке «социалистической общественности».

Между тем ситуация меняется. В европейские языки вошло в последнее десятилетие новое понятие — «global civil society». Глобальное гражданское общество становится действенным фактором публичной наднациональной политики, наряду с адаптацией национальных юрисдикций к международному праву. То есть человечество медленными шагами приходит к осознанию единства человеческого рода.

Дмитрий Скворцов, политолог, Нижний Новгород:

— Вы сказали, что возрождение на Западе интереса к проблематике гражданского общества произошло в 80-е годы. Это, на ваш взгляд, было связано с концом эпохи индустриализма и переходом к постиндустриальной экономике?

Александр Согомонов:

— Вспомните, какое впечатление на среднего европейца произвело падение Берлинской стены и распад Советского Союза. На мой взгляд, эти события оказали более стимулирующее влияние на развитие западного гражданского сознания и пробуждение интереса к проблемам гражданского общества, в том числе и в России, чем переход к постиндустриальной экономике.

Дмитрий Скворцов:

— Когда вы говорили о репрессивном характере социалистической общественности и приводили примеры, я невольно вспомнил о скандале с председателем банка Германии, который написал книгу...

Александр Согомонов:

— В западном мире существует устойчивое представление о том, что если публичная фигура нарушает этические нормы, то и осуждение должно быть публичным. У нас же «социалистическая общественность» сама не изобретала норм, она просто подавляла любые формы частного и свободного поведения человека, правда, когда ей давали на это команду сверху.

Я чувствую, что мои «наезды» на «социалистическую общественность» вызывают в зале чувство внутреннего протеста.

Наталья Симонова, директор благотворительной общественной организации «Забота», член Общественной палаты Нижегородской области:

— Я считаю, что лезть в историю — не самое благодарное дело, и быть умнее тех, кто жил до нас, не совсем этично. Вы утверждали, что в Советском Союзе не могло быть гражданского общества, потому что не было рыночных отношений. Все правильно. В Советском Союзе, как магазины назывались? «Детский мир», «Мир искусства»... А сейчас? «Мир ботинка», «Мир окон», «Мир еды»... Рыночные ориентиры — в вывесках на магазинах. Мы говорим о высоких нравственных ценностях, которыми всегда отличались люди Советского Союза, иначе не было бы победы в Великой Отечественной, не было бы того энтузиазма в мирное время и т. д. Тогда жили мой дед и моя мама, и многие другие люди, которыми я горжусь. И я не могу сказать, что там все было наперекосяк... Если помнить о том, что гражданское общество — это и люди, носители определенных морально-этических ценностей, то, наверное, элементы гражданского общества тогда были.

Я не была комсомольским секретарем. Я была активной и делала то, что хотела, организовывала то, что могла, и мне это нравилось. То есть моя свобода,

желание что-то делать не были ограничены. Естественно, они были ограничены той поведенческой моделью, которая была в тот период социально одобряемой, и мы не выходили за рамки существующих норм. Вы блестяще манипулируете понятиями. А я сидела и думала: если вы говорите о языке, то в каком контексте вы об этом говорите? В итоге так и нет ответа: язык гражданского общества — он какой? О чем мы говорим — о морали, этике, о рынке, о политике? Вообще, слава богу, что такие дискуссии проводятся, но хотелось бы, чтобы они имели итог, а не знак вопроса в конце.

Александр Согомонов:

— А вам было бы проще, если я написал бы на доске определение, что такое гражданское общество?

Наталья Симонова:

— Нет, конечно. Но вы сказали, что гражданское общество может формироваться только в рыночных условиях. А для меня гражданское общество — это прежде всего люди, носители определенных качеств, которые формируют социальные отношения. И не думаю, что наш чиновник понимает, что такое «гражданское общество». Он считает, что в основном это городские сумасшедшие, которые объединились в общественные организации и проявляют свою активность. Я против такого понимания. Гражданское общество, как мне кажется, это прежде всего особая сфера отношений. Но чиновник ведь тоже гражданин. А у нас думают, что это начальник над народом. Какие тогда интересы выражают чиновники? Только свои собственные?

Игорь Зайцев, пресс-атташе Нижегородского отдела Волжского казачьего войска:

— Мы говорим о демократии, о гражданском обществе, а люди еще не созрели до понимания, что им нужно,

что является их насущной необходимостью. Почему исчезает понятная модель поведения. Ведь так все было хорошо при советской власти. Потому что не возникало других потребностей. Этот момент, мне кажется, очень важен, чтобы понять, почему сегодня в нашей стране восторжествовало потребительское право.

Юрий Сенокосов:

— Что такое гражданское общество? Во-первых, общий интерес, объединяющий людей для действий с целью создания более справедливой и комфортной жизни. И, во-вторых, как уже было сказано, это независимые институты — независимый суд, независимые СМИ, парламент, партии. Такие институты абсолютно необходимы, чтобы у власти не оказалась коррумпированная бюрократия. Поэтому я не думаю, что докладчик манипулировал понятиями, как сказала Наталья Симонова. Все мы граждане согласно паспорту, но понимаем ли мы, что такое гражданин?

Елена Немировская, основатель Московской школы политических исследований:

— Замечательно, что у нас идет дискуссия.

О наших родителях. Так могут сказать и о нас наши дети, что у нас тоже был энтузиазм и мы жили интересно. А что касается наших чиновников, то среди них, разумеется, тоже есть сегодня порядочные и честные люди, которые понимают свою деятельность как профессиональный долг. Но мы ведь сейчас не это обсуждаем. Отдельные люди всегда совершают поступки. Например, Сахаров, который был сослан в ваш город. Мне один из организаторов нашего круглого стола, Максим Сучков, сказал, что обычно всего несколько человек заходят в музей, посвященный его памяти. А это был, несомненно, выдающийся человек. Так что диссидентское движение

в СССР едва ли относилось к тому обществу, в котором оно существовало. Хотя известно, к чему призывали диссиденты: «Давайте соблюдать конституцию!». Но оказалось, что их призыв не нашел отклика. По-своему это были герои, но они не повлияли на массовое сознание. А между тем внести в это сознание правовой конституционный подход я считаю обязанностью просвещенного гражданина.

Да, когда мы говорим о гражданском обществе, мы говорим об обществе, в котором еще не жили. На мой взгляд, гражданин — это человек, который платит регулярно налоги, ходит на выборы и участвует в общественной жизни. То есть обладает гражданским сознанием. Я хотела спросить у Саши. Мы живем в стране, которую хорошо знаем и чувствуем, и меня интересует вопрос: чем отличается модернизация от трансформации?

Александр Согомонов:

— С точки зрения академической науки, модернизация является одной из форм трансформации, когда предшествующие формы общественных институтов осовремениваются и приобретают современный универсальный смысл. О человеке же гражданине я добавил бы следующее. Откройте словарь Даля: «Гражданин — это посадский человек». Второе значение: «принадлежность человека к государству», то есть тоже пассивное толкование. В советском словаре Ожегова «гражданин — всякий взрослый человек». А когда начинаешь читать английский толковый словарь Вебстера или французский словарь Робера, оказывается, что, кроме записи в паспорте о «принадлежности человека к государству», у него еще есть права и соответствующие обязанности. Есть загадка морали. О ней тоже пишет Михаил Замятин. В обществе его анти-

утопии было прописано, как все должно быть организовано: как стоять должны станки, как гудеть гудок и т. д. Вплоть до последних мелочей. И Замятин с иронией отмечает: все-таки в «древности» были великие люди, но почему такому великому человеку, как Тейлор, ничего не посвящено, а какому-то там Канту,

Н. Симонова: не думаю, что наш чиновник понимает, что такое «гражданское общество». Он считает, что в основном это городские сумасшедшие, которые объединились в общественные организации и проявляют свою активность.

который убедил нас в том, что невозможно понять тайну морали, тысячи книг. Почему один человек поступает морально, а другой нет? Активный и пассивный гражданин — это такая же тайна, как моральное и неморальное поведение. Заметьте, я говорю не «аморальное», а «неморальное». То есть имею в виду поведение, еще не основанное на внутренних принципах. Большинство наших поступков мы совершаем, как правило, боясь внешнего осуждения (чувство стыда) или же боясь, что нас за это накажут (чувство страха). А поведение, которое основано на понимании «не могу молчать!», на мой взгляд, это поведение как раз гражданина, современного человека.

Мы все помним известный парадокс: как нельзя действовать, не имея ничего за душой, так и нельзя иметь что-то за душой и не действовать. Эти две жизненные линии в биографии одного человека неразделимы. Демократия часто трактуется как только политический инструмент. Но демократия одновременно — это глубинное ценностное отношение к общественной жизни и участие в ней. Так же и гражданское общество начинается с того, что ты осознаешь свою солидарность с другими людьми.

*Андрей Захаров,
редактор журнала
«Неприкосновенный запас:
дебаты о политике
и культуре»*

О «спящей» федерации, церкви и национализме

В последнее десятилетие российский федерализм, входящий, кстати, в число конституционных устоев нашего государства, ничем не напоминал о себе. Он продолжал влачить тихое и незаметное существование, не интересуя ни политиков, ни ученых, ни тем более российский электорат. О нем не считают возможным вспоминать даже немногочисленные (и неизменно держащиеся в рамках политических приличий) критики нынешнего режима — в лице, скажем, сотрудников Института современного развития или Общероссийской демократической партии «Яблоко». Такое молчание позволяет предположить, что наши оппозиционеры вполне единодушны с властями, считая, что федеративная система для нынешней России не актуальна.

Проблема, однако, заключается в том, что «усыпленные», но при этом не упраздняемые политические институты имеют обыкновение просыпаться. Неизбежность подобного развития событий в отношении отечественного федерализма я уже пытался обосновать в другом месте* и поэтому здесь остановлюсь лишь на дополнительном обстоятельстве, весьма важном, но не затронутом ранее. Описывая грядущее пробуждение российского федерализма, недостаточно ограничиваться констатациями того, что оно произойдет в контексте, определяемом упадком центральной власти, отсутствием отлаженной партийной системы и немощью гражданского общества. Картина окажется еще более сложной из-за того, что реанимация «заснувшей» федеративной модели, скорее всего, совпадет по времени с превращением русского национализма в серьезную и, главное, вполне легитимную политическую силу.

* Захаров А.А. Российский федерализм как «спящий» институт // *Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре*. — М., 2010, № 3. — С. 177–185.

Сегодня националистическая идеология все более ощутимо выступает естественным оформлением авторитарного режима, сложившегося в стране. Причины, объясняющие это явление, разнообразны, многочисленны и многократно описаны. Мне же, исходя из замысла этого небольшого текста, хотелось бы подчеркнуть следующее: политическое самовыражение, ставшее для российских граждан малодоступной роскошью, все чаще, к сожалению, находит понятный, легальный, безопасный выход именно в национализме, причем как пассивном, так и активном. Более того, вряд ли можно считать случайностью то обстоятельство, что обострение «русского» национального чувства фиксируется на фоне экспансии православия во всех областях социальной жизни.

В исследованиях, которые были посвящены «теологии освобождения», не так давно сотрясавшей Латинскую Америку, рутинно отмечалось, что в 1960–1980-е годы католический приход оставался безальтернативным центром политической, социальной и культурной жизни на континенте, потому что все прочие центры громились, подавлялись, преследовались военными диктатурами*. (В этом отношении единственным конкурентом церковников выступала организованная преступность.) Даже приняв во внимание глубину исторических корней латиноамериканского католицизма, можно предположить, что престиж церковной трибуны в то время в силу указанного обстоятельства был, вероятно, несколько выше того естественного уровня, который наблюдался бы в нормальных, то есть демократических условиях. По моему мнению, нечто подобное наблюдается сейчас и в России: православные приходы пополняют ряды своей паствы среди прочего и за счет тех людей, которые хотят расширения собственной социализации, но не могут добиться этого посредством политического протеста, профсоюзной активности, гражданской работы. Когда больше идти некуда, идут в церковь.

Вплетение этой темы в анализ перспектив нашей федеративной государственности не столь странно, как может показаться на первый взгляд. Оно объясняется тем, что Русская православная церковь в силу особенностей своей истории всегда была институцией, мягко говоря, не чуждой национализму. Такое положение вещей во многом обусловлено ее организационной спецификой. В то время как католическая церковь есть церковь вселенская, объемлющая весь мир и проповедующая Христа всем народам и странам, православие организовано по принципу автокефалии, предполагающему наличие нескольких почти полностью самостоятельных православных церквей. Что влечет за собой такая территориальная раздробленность? Можно предположить, что за ней, прежде всего, стоят особые отношения с государственной

* См., например: Levine H. (Ed.). *Churches and Politics in Latin America*. Beverly Hills and London: Sage, 1980; Lermoux P. *Cry of the People: The Struggle for Human Rights in Latin America. The Catholic Church in Conflict with U.S. Policy*. — Harmondsworth: Penguin, 1982.

Сент Клер Семин. Посол. 1987

властью: духовное попечение церкви осуществляется на той же территории, на какой то или иное государство — например, Румыния, Греция или Россия — реализует свой суверенитет. Но когда государство и церковь осваивают, пусть по-своему, один и тот же участок земного пространства, им волей-неволей приходится действовать рука об руку. Католицизм с его принципом «двух мечей», один из которых резервируется за властью светской, а другой за властью духовной, никогда не знал того пиетета перед государством, который православная церковь практиковала еще во времена Византийской империи. Симфоническое братание с политическим истеблишментом, присущее православию на протяжении всей его истории, благополучно сохранилось до сегодняшнего дня. Между прочим, именно столь трепетным отношением церковной иерархии к престолу земному объясняется, в частности, тот факт, что ни в одной из стран православной традиции в коммунистический период не возникло масштабных движений протеста, требовавших упразднить диктатуру. Народные волнения, направленные против коммунистических режимов, происходили только в странах западной христианской традиции — так было и в 1956-м, и в 1968-м, и в начале 1980-х годов*.

* См.: Красиков А. *Глобализация и православие* // Малащенко А., Филатов С. (ред.). *Религия и глобализация на просторах Евразии*. 2-е изд. М.: РОССПЭН, Московский центр Карнеги, 2009. С. 44.

Разумеется, государственная власть, особенно такая слабая, как нынешняя российская, склонна подыгрывать этому церковному обожанию, поскольку видит в нем несомненную выгоду. В выступлениях государственных руководителей Российской Федерации навязчивое подчеркивание культурного и социального значения православия в последнее время все жестче подкрепляется провозглашением нерасторжимой связи церкви с российской государственностью и русской историей. Разумеется, подобные взгляды сомнительны не только с точки зрения действующей Конституции, согласно которой Россия является светским государством, но и в плане некоторого небрежения

*Симфоническое братание
с политическим истеблишментом,
присущее православию на протяжении
всей его истории, благополучно сохранилось
до сегодняшнего дня*

иными конфессиями, действующими на территории страны. (Я уже не говорю о том, что совершенно забытым племенем при таком подходе оказываются агностики — люди, вообще обособившиеся от религии или сомневающиеся, большинству из которых не хочется, чтобы государство наставляло их, во что и как верить.) Тем не менее итогом трогательного единения, бегло описанного выше, стал запуск в последние годы державно-православного проекта, при помощи которого Русская православная церковь пытается ответить на вызовы глобализации, а нынешний политический режим желает упрочить собственную социальную базу*. В этом проекте можно выделить две составляющие, равновесные и созвучные друг другу: во-первых, державно-религиозный мессианизм, а во-вторых, отрицание универсального прочтения общечеловеческих ценностей. Причем одно накрепко связано с другим, поскольку если мы не такие как все, а ценности наши оригинальны и самобытны, то и всемирно-историческая миссия нашей страны несравнима ни с какой другой.

Консолидированные усилия государственных и церковных властей, реализуемые на фоне «замораживания» почти всех доступных независимо мыслящему гражданину форм политической самореализации, заметно преобразуют российскую политическую палитру. Поощрение национальной возбужденности, молчаливое или гласное, выплескивается на улицы российских столиц, а эти эксцессы, в свою очередь, вызывают неадекватно бурную реакцию в национальных республиках. По всей видимости, в скором времени великорусский национализм, заручившийся условной поддержкой со стороны режима и безусловным пониманием со стороны большинства избирателей, основательно перетряхнет российскую политическую сцену. Ситуация ближайших нескольких лет заставит, как мне представляется, вспомнить о последних годах Советского Союза, когда коммунистическую импе-

* Там же. С. 50–62.

рию солидарно сокрушали национальные движения в союзных республиках, настаивавшие на подлинном «самоопределении», и сражавшаяся с коммунизмом либеральная общественность, видевшая в обитателях Средней Азии и Кавказа ненужную обузу, которая лишь мешает утверждению подлинно демократического порядка. Уже сегодня, кстати, великорусский дискурс правящей группы начинает неожиданным, но закономерным образом перекликаться с либеральными новациями, согласно которым Россия должна быть переосмыслена как «национальное русское государство», готовое расстаться с полученной по наследству мини-империей ради торжества демократии. Демократический образ правления, по этой логике, есть удел исключительно наций-государств, и, если отечественный политический класс не поймет этого, так и не решившись затем на болезненные практические шаги, нам будет совсем плохо. «Мы вновь окажемся перед дилеммой — либо распад мини-империи и новое “умаление” России, либо новый отказ от демократии, подавление сепаратизма и построение еще одной “властной вертикали”, в очередной раз загоняющей хаос вглубь»*. Рискну предположить, что в ближайшие годы подобные программы будут стяжать все больше сторонников.

Но чем же такой поворот событий обернется для российского федерализма? Он, скорее всего, резко обострит национально-территориальную политическую игру, которая развернется в стране после свертывания авторитарного режима. Нерусские националисты, которые возобладают в республиках, получат в качестве партнеров по федеративному торгу русских националистов, которые, с большой вероятностью, по итогам краткого периода «контролируемого хаоса», неизменно сопутствующего перестройкам, утвердятся в Кремле. По-видимому, федеративный торг между ними, по крайней мере на первых порах, будет нерегламентированным. Но для федеративного союза нет ничего более опасного, чем это. Недостаточная институционализация торга, то есть отсутствие четких правил того, что и как можно обсуждать, превращает его в дебаты без берегов, в ходе которых, теоретически, под сомнение может быть поставлен любой аспект федеративного дизайна — вплоть до целесообразности самого сохранения союза**. С одной стороны, республики, поддержанные, по-видимому, и некоторыми русскими территориями, будут использовать любую возможность для ослабления федерального центра, прекрасно понимая, что, как только федеративная сделка будет подтверждена и ситуация начнет стабилизироваться, Москва попытается забрать все авансы назад. С другой стороны, русская националистическая альтернатива в центре может развиваться в двух направлениях, соответственно представляя субъектам торга один из альтернативных сценариев: очередное издание

* См.: Фурман Д. *От Российской империи к русскому демократическому государству // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2010. № 5. С. 51, 52.*

** См.: Filippov M., Ordeshook P., Shvetsova O. *Designing Federalism: A Theory of Self-Sustainable Federal Institutions. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 78.*

Сент Клер Семин. Мы — францисканцы. 1986

имперского государства, украшенного атрибутами федерации (в случае доминирования националистов-консерваторов) или же цивилизованный развод в отношении как минимум приграничных республик (в случае прихода националистов-либералов). Поскольку в ходе нового переговорного процесса элитам национальных республик придется опираться на негативный опыт федеративных моделей советского и путинского периодов, вполне допустимо предположить их крайнюю неуступчивость и агрессивность в отношении партнеров. Но, вовлекая центр в дискуссию, касающуюся самих оснований федераций, они сильно рискуют, ибо и в рядах русской политической элиты предыдущее знакомство с федерализмом оставило горькие чувства. В результате федерация в России, которая долгое время считалась чем-то привычным и неизбежным, вдруг перестанет устраивать всех. И вот тогда ей точно не выжить. Про сопутствующие такому краху социальные, экономические, военные катастрофы я здесь просто не говорю.

Разумеется, все вышеизложенное есть всего лишь прогноз, в основе которого лежат несколько предпосылок. Во-первых, в правовом отношении Россия остается федеративным государством, несмотря на «сон» федерации *de facto*. Во-вторых, национальный вопрос в России не решен, поскольку политическая нация в стране по-прежнему отсутствует. В-третьих, попытка государственной власти в союзе с православной церковью сформировать и предложить россиянам консолидирующие и объединяющие ценности поощряют националистические чувства и настроения. Наконец, в-четвертых, кризис авторитарной государственности, вызванный ее неэффективностью, в обозримом будущем спровоцирует новую перестройку. Впрочем, как хорошо известно, прогнозы, даже вполне убедительные, сбываются далеко не всегда.

*Джеффри Хоскинг,
профессор
Школы славянских
и восточноевропейских
исследований
Лондонского университета*

Доверие: деньги, рынок и общество

Вся наша западная экономическая наука на неверном пути. Она — дитя устаревшего научного мышления XIX века. Она исходит из узкого и вводящего в заблуждение представления о человеке: что он прежде всего индивид, что его мотивирует только материальный интерес, что он принимает решения исходя из рациональных соображений и обладает надежной информацией. По мнению западных экономистов, человеческое общество — это рынок, который эффективно распределяет ресурсы, поскольку хорошо взвешивает риски, склонен к равновесию и поэтому исправляет все временные отклонения от нормы.

Все эти постулаты неверны, как показал недавний экономический кризис, разразившийся именно в тех двух странах, где экономисты и правительства особенно полагались на эффективность рыночных механизмов: США и Британия. Кризис показал, что рынок из рук вон плохо оценивает риски, распределяет ресурсы неэффективно и к тому же несправедливо и, если государство его не сдерживает, усиливает отклонения от нормы и приводит к разрушительному неравновесию компонентов социально-экономической среды. Нерегулируемый рынок подвержен взлетам и падениям, которые всегда оставляют за собой много жертв, а подчас порождают войны.

Откуда ведет начало эта порочная теория? Ее отец — Адам Смит, но неверно понятый Адам Смит. В своей книге «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776 г.) он запустил в оборот роковое понятие: «невидимая рука рынка». Суть этого понятия в следующем: когда предприниматель использует свой капитал в собственных интересах, он будто бы «невидимой рукой» способствует общему благу. Но дело в том, что Смит нигде не объяснил, как действует механизм этой пресловутой руки, каким волшебным образом корыстные действия превращаются в благодетельные. К тому же это понятие плохо сочетается с общими воззрениями Смита. Он подозрительно относился к бизнесменам, полагая, что, как

только они встречаются, они вступают в «заговор против общества».

Да и первый его большой труд «Теория нравственных чувств» (1759 г.) тоже противоречит понятию невидимой руки. Он пытался в нем опровергнуть теорию своего предшественника Томаса Гоббса, считавшего, что только всесильное государство — «левиафан» — может обеспечить социальный мир. Смит утверждал, что гармоническое общество вполне может функционировать без «левиафана», так как у людей есть врожденное нравственное чутье, которое побуждает их сочувствовать равным в несчастье, поддерживать их и оказывать помощь. По его теории, мы все имеем внутри себя некоего «наблюдателя», который нам помогает видеть себя как бы со стороны, судить о себе, как судил бы о нас посторонний человек.

Но как примирить нравственное чувство с корыстолюбием? На этот вопрос Смит нигде ответа не дает.

Тем не менее хочу попытаться реабилитировать Смита. Мне кажется, есть возможность восполнить тот пробел в его взглядах, на который я указал. Вот как я бы это сделал. Смит постоянно подчеркивал взаимозависимость людей. Никто не может сам производить все, что нужно для нормальной жизни, по крайней мере на уровне выше примитивного. Поэтому мы никуда не денемся: мы все время обмениваем товары и услуги друг с другом. Смит формулирует это так: «Дайте мне то, что мне нужно, и вы получите то, что вам нужно». Так, по его словам, было с самого начала человеческой истории, и так мы поступаем сегодня.

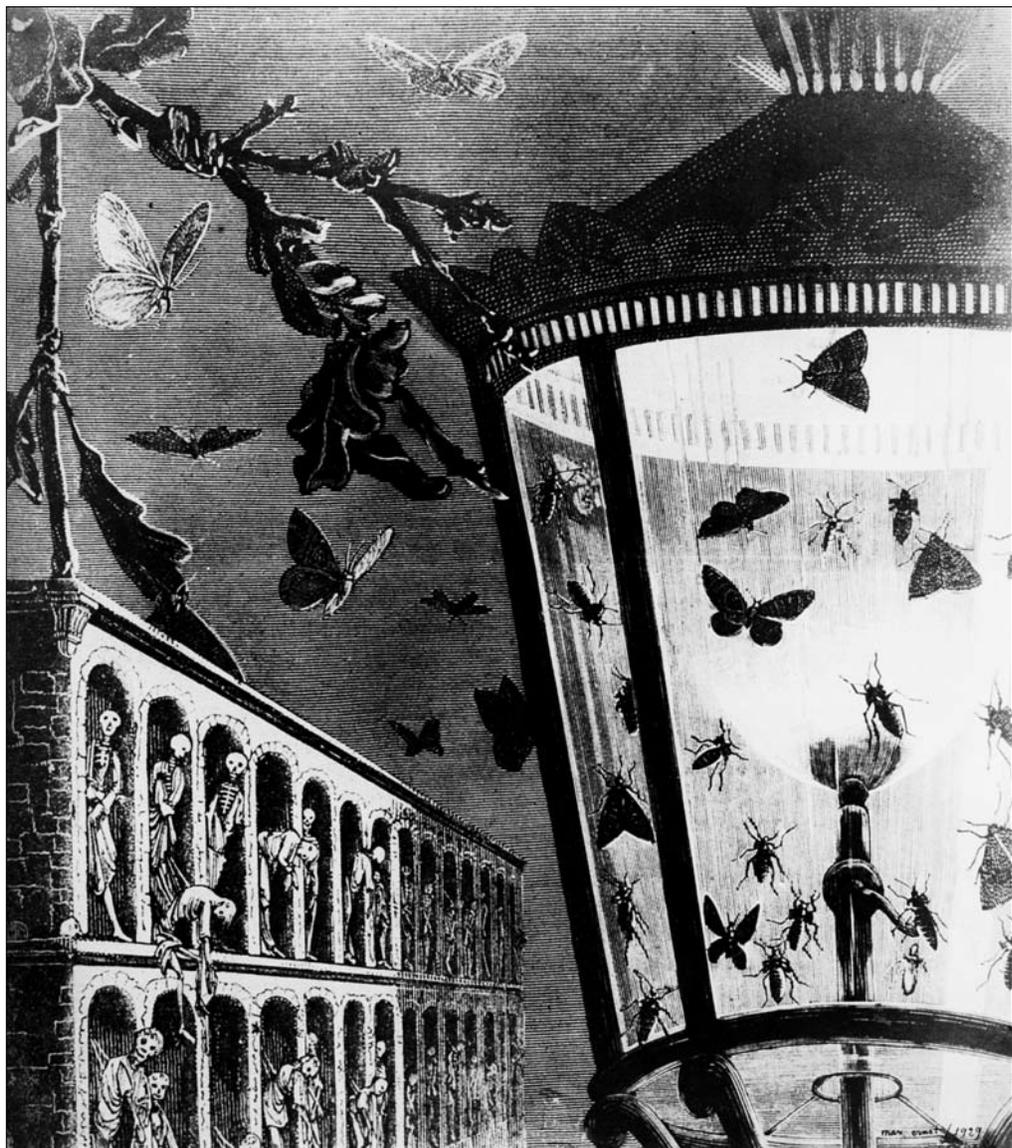
То есть реальность любого общества — торговля. Но для торговли необходимы как минимум двое, и они должны хоть минимально доверять друг другу. Строить торговлю на постоянно ожидаемом обмане невозможно. Покупатель должен верить, что он получит надежный товар или услугу, иначе откажется от сделки. Тем более что

часто он не может оценить качество предлагаемого товара или же его недостатки проявятся намного позже, когда уже будет нельзя исправить сделку, не прибегая к специальным процедурам. Поэтому продавец всегда должен показывать себя с лучшей стороны, выступать честным и надежным партнером, которому можно доверять.

Еще один элемент входит практически во все сделки и укрепляет доверие — деньги. Деньги являются самой лучшей гарантией в торговле. Они появились очень рано в человеческой истории, и попытки их отменить всегда кончались плачевно — как это было в ранние годы Советского Союза. Они принимали разные формы в разные времена: ракушки, камни, шкуры, рулоны сукна, потом монеты, потом бумаги, а сегодня еще и электронные цифры на компьютерных экранах. Все эти формы имеют одно общее: им доверяют.

Почему им доверяют? На этот вопрос пытался ответить немецкий социолог Георг Зиммель, который сто лет тому назад написал самое исчерпывающее исследование о деньгах. Он полагал, что люди обычно склонны доверять друг другу; это будто бы врожденное свойство человека. Если бы это было не так, то общество не могло бы существовать вообще. Функция денег — фиксировать это человеческое качество и делать его экономически эффективным. Деньги словно материализуют нашу естественную склонность к доверию, превращают ее в экономический рычаг.

Но человеческое доверие не неисчерпаемо. Деньги более эффективны, когда их гарантирует надежное и сильное государство. Поэтому монеты обычно носят символ этого государства. В древней Греции на афинских монетах был образ совы, на эфесских — образ пчелы, коринфских — образ крылатого коня. Римские монеты носили портрет императора. Византийские тоже, а во времена иконоборчества —

Макс Эрнст. И бабочки начинают петь. 1929

простой крест. На монетах Аббасидского халифата стояла надпись «Нет бога, кроме Бога», а на сегодняшних американских долларах стоят слова «На Бога уповаем» (In God we trust). Во всех случаях выбирают образ, который особенно внушает доверие.

Деньги дают нам возможность обмениваться товарами и услугами с людьми,

которых мы не знаем, которых, вероятно, никогда больше не увидим и которым мы не имеем другого основания доверять. Экономический историк Найэлл Фергюсон характеризует деньги то как «портативную (удобную) власть», то как «зарегистрированное доверие». Обе трактовки, конечно, верны, но преимущество имеет дове-

рие. Если люди не доверяют деньгам, то они не имеют власти, как это происходит во время гиперинфляции: тогда люди находят другие способы обмениваться товарами и услугами. Но эти способы всегда менее удобны и менее продуктивны. В таких условиях вся экономика хромает, свертывается, идет на убыль. Те, кто пережил 90-е годы в России, хорошо знают это.

Согласно лингвистической теории Ноама Хомского, грамматика любого языка содержит «глубинную структуру», свойственную всем языкам. Изучая ее, мы можем отчетливее выявить своеобразные черты грамматики любого языка. Так же обстоит дело и с доверием. Доверие — часть «глубинной структуры» любого общества. Оно объясняет в значительной степени особенности нашего социального поведения и помогает выявить специфические черты любой социальной структуры. Чтобы понять, как работает общество, полезно знать, кто кому доверяет или не доверяет и почему. А также — насколько высок или низок уровень общего доверия: доверяют ли люди в общем своим согражданам?

Но можно спросить: почему нам вообще нужно доверие? Дело в том, что мир слишком сложный, чтобы его можно было полностью познать, адекватно взвешивать все необходимые факторы для принятия какого-либо решения. Мы всегда упрощаем, воспринимая мир по каким-то своим обычным интеллектуальным или эмоциональным схемам, в которых большую роль играет доверие — к людям или к судьбе. В любой ситуации в жизни остается много неизвестного, и тогда нам помогает доверие, то, что мы не оцениваем, а на что сознательно полагаемся по внутреннему чувству.

Обычно доверие — дело привычки. Мы не сознаем, что доверяем. Только когда происходит серьезный кризис, мы замечаем вдруг, что доверяли не тому, чему было нужно. Классический

пример: крах банка. Люди, не особенно думая, несут свои деньги в банк, так как это надежнее, чем хранить их под матрацем. Для большинства из нас это неосознанное доверие, так как только эксперты внимательно следят за движениями фондов во всех банках. Мы не имеем ни времени, ни необходимой экспертизы, чтобы делать это самим. Поэтому мы доверяем профессионалам. Но вдруг узнаем, что наш банк оказался в трудном положении. Мы бросаемся туда забирать свои сбережения, пока еще можно. Если все другие вкладчики поступают так же, банк обречен. Недоверие рождает недоверие. Это — порочный круг, самоосуществляющееся пророчество.

Этот пример указывает на одно важное свойство доверия: мы обычно доверяем дольше, чем должны были бы. Но если уж теряем доверие, то это — процесс крутой и стремительный. Эта особенность объясняет наше экономическое поведение куда лучше, чем теория рационального выбора, столь любимая экономистами. В нерегулируемом капитализме чередуются подъемы и падения. Подъем начинается с того, что появляются новые возможности для инвесторов: то ли конец какой-нибудь войны, то ли новая перспективная техника, то ли открытие нового рынка. Инвесторы ищут возможности вкладывать средства туда, где видят перспективу обогащения. Банкиры спешат им на помощь, так как таким образом они зарабатывают на жизнь. Цена акций компаний стремительно растет. Спекулянты берут деньги взаймы, чтобы купить большое количество таких акций, рассчитывая на сверхприбыли. Доверие очень заразительно: возникает своего рода лихорадка, в которой инвесторы бегут наперегонки друг за другом, не желая остаться без своей доли пирога.

Но вдруг какое-то событие, или просто слух, порождает первые сомнения: что-то тут не то. Один-два инвестора решают, что цена акций слишком

высока, она не окупает риска, и переключаются с покупки на продажу. Оказывается, что недоверие так же заразительно, как доверие. Начинается паника, которая подогревает сама себя. Цена акций стремительно падает. Инвесторы судорожно продают активы, не утруждая себя дополнительным анализом, так как любое промедление чревато еще более крупными потерями. Те, кто во время бума влез в большие долги, чтобы покупать акции, теперь прогорают; фирмы банкротятся, банки валяются.

Чтобы понять, насколько сегодня мы передаем наше доверие деньгам, надо подумать, как мы справляемся с риском. Разумеется, не так, как справлялись с рисками неурожая, эпидемий, разбоя, мелких и крупных войн в средневековой Европе, когда это были обычные явления. И люди искали защиту и помощь в первую очередь в семье, у соседей, в сельской или городской общине, в надежде, что они помогут в трудную минуту. Взаимность — хорошая основа для доверия. И мы бы тоже проявляли тогда верность местному властному человеку, барону или землевладельцу, кто мог бы нас защищать физически. Работали бы на него, чтобы он обеспечил нас землей и, может быть, кормил в случае неурожая. Или может быть, скорее всего, доверились бы церкви или монастырю, то есть Богу. Регулярно молились бы, участвовали в процессиях, обрядах, моля Бога о дожде. Мы ходили бы на поклонение какой-нибудь святыне, иконе, молясь о ниспослании помощи нашей семье.

А сегодня? Чтобы справиться с всевозможными бедами, мы гораздо больше доверяемся финансовым институтам, чем Богу или местной общине. Храним деньги в банке, платим взносы в страховые или пенсионные кассы. В худшем же случае рассчитываем на помощь от государственного социального обеспечения.

Заметьте: все эти способы справиться с

риском связаны с изначальной природой денег как источника доверия.

Чтобы деньги могли успешно играть свою роль как олицетворение доверия, необходимо, чтобы финансовые институты были способны обеспечивать эту функцию. Но за последние 20—30 лет именно это правило нарушали самые уважаемые западные финансовые институты, особенно в США и Великобритании. Они, наоборот, злоупотребляли доверием и поощряли легкомысленное и неуместное доверие. В 80-е годы их операции были в значительной мере освобождены от государственного регулирования. Страховые общества и пенсионные фонды стали вкладывать свои деньги (то есть наши деньги) в фондовые рынки во всем мире. Банки и финансовые институты в свою очередь спешили им помочь, так как таким образом могли нажать большие прибыли. Отсюда произошла стремительная глобализация всей экономики, последствия которой мы все ощущаем.

С помощью этих финансовых операций возникли новые «теневые банки» — хеджевые фонды и т. п., которые инвестировали деньги исключительно очень богатым людям. Их операции были скрыты от публики и даже от государственных регуляторов. Они занимали колоссальные суммы, чтобы инвестировать средства и покупать фирмы: соотношение заимствованных сумм с размером основного капитала нередко достигало 30 к одному или даже 50 к одному. Эти теневые банки ездили, так сказать, зайцем, они искусственно раздували финансовые потоки, нисколько не заботясь об экономических и социальных последствиях своих действий. Вместе с крупными банками они пустились в рискованные операции по выпуску ценных бумаг под будущие поступления. Мало кто точно рассчитывал ценность этих новых пакетов; в основном покупатели принимали их на веру, то есть запросто доверяли их создателям. Все

были убеждены, что рынок хорошо оценивает риски и склонен к равновесию.

В конечном счете эти инвестиции оказались ненадежными и не заслуживающими доверия. Они питались от все возрастающих долгов, то есть от возрастающего кредита, то есть доверия на основах, не заслуживающих доверия. Экономический рост на такой основе был в значительной мере обманчивым: это был рост сегодня, оплаченный надеждой на рост завтра. Когда, наконец, эта надежда оказалась иллюзорной, весь картонный домик вдруг рухнул.

В Британии в 2007 году лопнул первый пузырь, вызвавший панику вокруг строительного общества *Northern Rock*. Вкладчики тут же бросились в местные филиалы этого общества забирать свои сбережения. Это была первая банковская паника в Британии с 1866 года. Госказна должна была срочно вмешаться, чтобы выкупить акции общества и гарантировать его сбережения, — довольно дорогое удовольствие.

В следующем году было еще хуже: 3 из 5 крупнейших финансовых домов США тоже рухнули или были принудительно выкуплены с государственной помощью. Крупные автомобильные фирмы «Дженерал моторс» и «Крайслер» обанкротились и были спасены только огромной государственной субсидией. То же самое случилось с крупнейшей страховой компанией мира «АИГ» и с двумя крупнейшими ипотечными институтами, «Фредди Мак» и «Фанни Мэй». Республиканское правительство Штатов, яростный приверженец свободного рынка, было вынуждено в сущности национализировать самые масштабные финансовые учреждения в стране.

Последствия этой катастрофы все еще сказываются во всем мире, в том числе и в России, но особенно на Западе. Многие западные страны оказались по горло в долгах. Их правительства находятся в незавидном положении. Если они не сократят госрасходы, то их долги будут расти, а если сократят, то ослабят

Доверие — часть «глубинной структуры» любого общества. Оно объясняет в значительной степени особенности нашего социального поведения и помогает выявить специфические черты любой социальной структуры

экономику и социальную сферу страны. Из этой дилеммы нелегко найти выход. Одно мне кажется ясным: наши усилия должны быть направлены на одну главную цель: восстановить доверие. И не любое доверие, а доверие к тому, чего оно достойно. В этом, мне кажется, настоящий смысл смитовской «невидимой руки рынка».

Как этого достичь — дело каждой страны. Тут Запад — не образец, наоборот. В основном сегодня западные общества, несмотря на недавний печальный опыт, продолжают жить в иллюзорном мире возрастающего потребления и всемогущих финансовых институтов. Это ложный путь, который чреват еще одним крахом. Государственный социализм — тоже ложный путь. Как мы знаем по истории СССР, он создает недоверие в еще больших размерах, чем нерегулируемый рынок.

Главный принцип здесь — создание политических, социальных и экономических институтов, которым можно в полном смысле слова доверять — всегда с учетом особенностей каждой страны. Как это делать в России — не смеет вам советовать кающийся западный обозреватель.

*Михаил Минаев,
президент Фонда
качественной политики
(Киев),
выпускник Московской школы
политических исследований
2010 г.*

Россия и Украина в поисках взаимного признания

Что мешает России и Украине признать друг друга как равноправных партнеров?

В июне 2011 года в рамках страсбургского Летнего университета демократии состоялась дискуссия между группами Московской школы политических исследований и Украинской школы политических исследований. Агрессия первой части дебатов и напряженный диалог второй меня не удивили. Мыслить стереотипами — нормально (хоть и не похвально), поскольку стереотипы дают возможность опознать и признать в Другом партнера для диалога. Но мыслить устаревшими стереотипами — значит обрекать себя и Другого на невозможность достичь хотя бы частичного взаимопонимания. Однако, по моему убеждению, наше культурное под-сознание до сих пор не позволяет в полной мере представить наши сегодняшние политические и социальные различия.

Официально Россия и Украина признали независимость друг друга в 1992 году. Неофициально же, на уровне обществ, взаимное признание до сих пор еще не произошло. Вместе с тем будущее Восточной Европы непосредственно зависит от того, насколько быстро оба общества смогут принять факт разделенности, продолжив свое развитие в новых политических, исторических и географических условиях. Последние 20 лет свидетельствуют, что поводов для оптимизма не так уж и много: взаимное признание так и остается задачей на будущее.

В этой статье я сфокусирую внимание на рассмотрении корней проблемы взаимного политического признания обществами России и Украины. Кроме того, речь пойдет о том, как незавершенность признания влияет на сотрудничество правительств, политических элит и общества в целом. Наконец, я рассмотрю неудачные попытки региональной интеграции в Восточной Европе, всякий раз разбивающиеся о днепровские пороги незавершенного признания.

Проблемная легитимность распада СССР

Распад Советского Союза был официально поддержан лидерами обеих стран. 8 декабря 1991 года в Беловежской Пуще Борис Ельцин и Леонид Кравчук подписали соглашение о роспуске СССР. Это было сделано после почти двухлетнего «парада суверенитетов» в союзных республиках и автономных краях. Согласно статье 72 Конституции СССР, все республики имели право выхода из Советского Союза. В то же время республиканские лидеры не были уполномочены подписывать документы об отделении. Позже, для того чтобы добавить законность этому решению, соглашение о роспуске Союза было ратифицировано Верховными Советами России и Украины. Для официального подтверждения совместного принятия решения о роспуске СССР другие государства-республики (за исключением Эстонии, Грузии, Латвии и Литвы) подписали Алма-Атинский протокол от 21 декабря 1991 года. Роспуск произошел мирным путем, и другие страны почти сразу признали новые независимые государства.

Однако советские граждане были исключены из процесса принятия решения о ликвидации СССР. В некоторой степени решение о роспуске было принято против их воли: несмотря на странную формулировку вопроса на всесоюзном референдуме 1991 года, большинство населения высказалось в поддержку сохранения и реформирования Союза. Поэтому распад СССР в глазах советских граждан был противоречивым решением: формально они его не одобрили, но и не выступили в защиту Союза в какой-либо активной форме.

Признание и легитимность постсоветской ситуации

Признание — это принятие статуса какого-либо лица или некой группы в качестве оправданного и этически определенного Другого. Оно является той предпосылкой, которая позволяет относиться к Другому как к самому себе. Такое признание делает возможным для всех сторон вовлечение в совместные процессы с определенными ролями и обязанностями. Официальное признание является политическим актом между государствами, приводящим к утверждению статуса друг друга как де-юре равных и де-факто суверенных субъектов, и полагает начало для сотрудничества между ними в международных отношениях. Но есть еще и признание неформальное, укорененное в общественном сознании. Именно оно является тем долговременным культурным фактором, который предопределяет взаимодействие культур и больших групп людей.

Легитимность политических режимов в постсоветской культурной ситуации была изначально проблематична и неокончательна. Потребовалось некоторое время для новых наций Восточной Европы, чтобы принять факт их собственного суверенитета, который предполагает два важных измерения:

- новый политический и социально-экономический порядок
- новую политическую географию.

Это означает, что постсоветский человек должен был принять ценности и правила, которые были не только новы для него, но и осужда-

лись ранее. Люди должны были признать нормальность и легитимность рыночных отношений и социального неравенства. Кроме того, советский человек был вынужден согласиться с тем, что в народе называют «жить с моими родичами в разных странах». Было почти невозможно согласиться с тем, что твои родители, дети, братья и сестры неожиданно стали иностранцами. Официальное признание новой политической географии не совпадало с инерционным восприятием сложившейся ситуации на культурном, личном, семейном и общинном уровнях.

Со временем легитимность новых социальных и геополитических укладов становилась все более признанной, и к концу 90-х годов постсоветская политическая культура начала терять свое единообразие. При этом процессы создания политических наций повели Россию, Украину и другие страны Восточной Европы в различных направлениях. В связи с этим второе десятилетие постсоветской истории было омрачено растущей враждебностью между политическими элитами в Восточной Европе.

Сфера политического и изобретение Врага

В 90-е годы направление развития России и Украины было почти идентичным, различалась лишь скорость изменений. Украинским и российским экспертными сообществами замечено, что на протяжении этого десятилетия события в Москве, как правило, повторялись в Киеве с задержкой в 2 года. Но это незначительное временное отклонение привело к существенным различиям в первом десятилетии XXI века. В отличие от России, Украине удалось избежать войн и добиться политического плюрализма. После достижения признания внутренней легитимности наших политических режимов значительными группами населения, в точном соответствии с учением пророка-циника Карла Шмитта о «политическом» (*das Politische*)*, началось определение стиля и содержания взаимоотношений между Украиной и Россией.

Согласно концепции Карла Шмитта, любое государство существует лишь постольку, поскольку его политическая концепция бытия отличается от позиции Врага. На основе этого одно государство вступает в борьбу с другим, которое приобретает статус Врага, не имеющего ни права быть, ни права на уважение. Таким образом, по логике «политического» нелегитимный Другой — это по определению враг, а собственный образ политической жизни объявляется высшей ценностью. Нечто подобное происходит в последнее десятилетие и между Украиной и Россией. Став признанными самими собой политическими образованиями, российское и украинское общества склонны видеть в Другом врага, а их политические классы приписали эти символические роли друг другу.

Российские социологические исследования показывают, что во втором десятилетии после распада Советского Союза, россияне перестали ждать воссоединения России и Украины: если в 2001 году объеди-

* *Schmitt, C. Der Begriff des Politischen. — München: Duncker Humblot, 1932. — S. 31 u.w.*

нения желали 56%, в 2004-м — 44%, то в 2006-м лишь 38% опрошенных*. Благодаря эффективной пропаганде политических элит, украинское государство стало рассматриваться как враг России довольно значительным количеством населения: к концу 2008 года негативно относилось к Украине 34% населения России и 55% продолжало относиться к ней положительно**.

В Украине политической элите пока не удалось сделать Россию врагом для значительной группы населения, хотя такой образ существует в политической элите. Высшая точка негативного отношения — 2006 год, когда 15% украинцев выразили негативное отношение к России (при этом 71% опрошенных положительно оценил соседа)***. Но два года спустя, в 2008 году, уже 88% украинцев положительно относились к России, и только 7% опрошенных отрицательно****. В то же время к концу 2010 года только 20% украинцев и 19% русских поддержали идею воссоединения России и Украины*****.

Я истолковываю приведенные данные в том ключе, что оба общества медленно, но уверенно двигались к принятию факта их политического различия и понимания того, что их национальные интересы могут быть различны или даже конфликтны. При этом большие части населения оставались позитивно настроенными друг к другу. Однако моя гипотеза состоит в том, что позитивное отношение концентрируется в группах, удаленных от участия в политической и государственной жизни. Чем ближе россиянин или украинец к центру политической жизни, чем глубже он вовлечен в политику, тем больше вероятность его/ее негативного отношения к политически Другому.

Таким образом, политические элиты являются движущей силой взаимного непризнания в России и Украине. Взаимное «изобретение» образа врага в настоящее время становится серьезным препятствием для развития нормальных отношений между Украиной и Россией.

Нелегитимная интеграция

Трудности с взаимным признанием особенно заметны в тех интеграционных попытках, которые так и не привели к успешному структурированию межгосударственного сотрудничества бывших советских республик в последние два десятилетия.

Наиболее заметным в этом плане был интеграционный проект «Содружество независимых государств» (СНГ). Созданное в 1993 году Содружество является региональной организацией 9 стран-членов из 15 бывших советских республик (в настоящий момент

* См.: Бавин П. Отношение к украинцам и Украине <http://bd.fom.ru/report/map/dominant/dominan2006/dom0636/dd063629#d063615>

** Там же.

*** Общенациональный опрос на Украине. База данных фонда «Общественное мнение». <http://bd.fom.ru/report/map/dominant/dominan2006/dom0636/dd063629#d063615>

**** Украинцы относятся к России значительно лучше, чем россияне к Украине. Стратегум: Политическое экспертное сообщество http://strateger.net/Ukr_i_Rus_-_otnoshenie_drug_k_drugu

***** Там же.

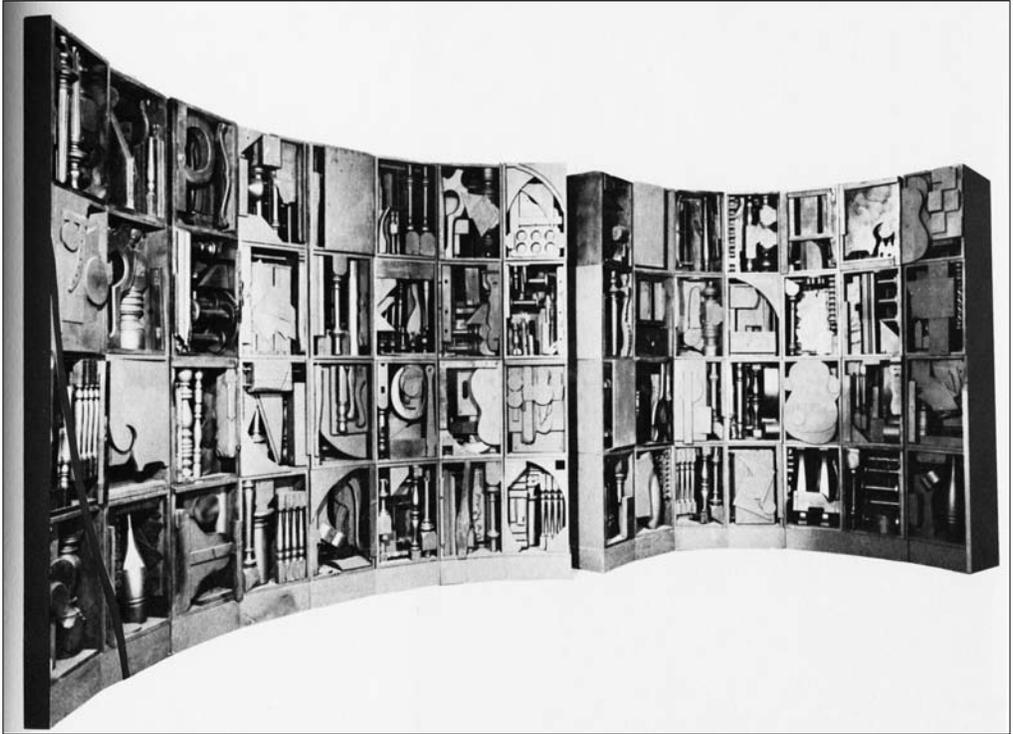
Украина и Туркменистан являются наблюдателями, но не его членами, хотя Украина была одной из трех стран-основателей СНГ, но, не ратифицировав Устав СНГ, стала участником со странным статусом). Сегодня СНГ является своего рода символической организацией, которая лишь номинально координирует отношения в сфере экономического сотрудничества, торговли, безопасности, а также проводит многосторонние встречи правительств и парламентов стран-участниц.

Осознавая очевидное бессилие СНГ, руководство России сделало несколько попыток использования мягкой силы культурного капитала для интеграции. К примеру, идея «русского мира» как культурной платформы для восточноевропейской интеграции могла быть плодотворной: она избегала формальных определений, отсылала к общим историческим корням и по своей сути была приемлема для Беларуси, России и Украины. Но способность нынешней России к региональной интеграции крайне низка из-за неготовности российских политических элит понимать потребности и интересы соседних стран. А элиты последних, включая Украину, отвечают такой же неготовностью. В недавнем прошлом официальный Киев выступил с несколькими интеграционными проектами. Один из них имел некоторую поддержку среди части бывших советских республик. Официально проект назывался «Организация за демократию и экономическое развитие — ГУУАМ» и был создан в 1997 году Грузией, Узбекистаном, Украиной, Азербайджаном и Молдовой. В 2005 году, когда этот полумертвый проект попытались оживить правительства, пришедшие к власти после «цветных революций» в Грузии и Украине, Узбекистан отказался от участия в организации. Судьба ГУАМ сходна с СНГ. Если СНГ был инструментом влияния российских политических элит на соседей, то ГУАМ — способ ограничить возможности России влиять на постсоветские государства.

Отсутствие консенсуса в создании межгосударственных русско-украинских механизмов партнерства — результат незавершенного взаимного признания обществами Восточной Европы. Метафоры о братстве Украины и России утратили свой смысл в интригах должностных лиц стран СНГ и местных националистов. Иллюзорность интеграции становилась все более очевидной, а акты символического непризнания все более выразительными. Каждая попытка интеграции между Украиной и Россией приводила к еще большей розни элит и усиливала разделение в регионе.

При этом неспособность постсоветских восточноевропейских элит к интеграции обществ (то есть к консенсусным решениям) не означает их неспособности к компромиссам и сотрудничеству в интересах собственно элит. «Харьковские соглашения» 2010 года — яркий пример того, как интересы финансово-политических групп России и Украины могут становиться основой межгосударственных договоренностей.

Специфика развития обществ и политических элит привела Восточную Европу к значительной самоизоляции стран региона. Медленная социальная и техническая модернизация Украины и России сделала нас менее конкурентоспособными по отношению к внешнему миру и более конфликтными в отношениях с соседями в регионе. Идеологическая бедность политической жизни в обеих странах привела к доминирова-

Луиза Невельсон. Память о 6 000 000. 1964

нию различных видов консерватизма и иррациональной близорукой технократии, что запустило механизмы воспроизводства негативного взаимного описания россиян и украинцев.

Подводя итог, хотел бы подчеркнуть, что нерешенность вопроса взаимного признания нашими обществами является основной причиной конфликтов в Восточной Европе. Маятник российско-украинского диалога качается от «газовой войны» к «харьковским соглашениям» и обратно. И тут вполне логично будет ответить Лене Немировской на ее вопрос, заданный в Страсбурге и, как мне кажется, оставшийся без ответа. Достаточно ли только понимать причины непродуктивности российско-украинского диалога, чтобы сделать его более результативным? Нет, не достаточно. Я уверен, что стратегию диалога российского и украинского обществ нужно выстраивать, понимая, что цель этого диалога — взаимное признание, признание легитимности новых политических реалий, а также поиск нового содержания для регионального сотрудничества. Реальная интеграция может начаться лишь тогда, когда обе эти цели будут достигнуты.

Мирное развитие всей Восточной Европы зависит от того, насколько рациональными и прагматичными будут Украина и Россия в их совместных стратегиях. Признание необходимо для стабильного развития Украины, России и других стран на постсоветском пространстве в целом. Общества России и Украины должны принять реальность существования двух политических образований и начинать строить отношения по-новому, уважая общее прошлое.

Вниманию читателя предлагаются выдержки из доклада «Перспективы гражданского общества в России», подготовленного социологом Левада-Центра Денисом Волковым по материалам 103 углубленных интервью с лидерами неправительственных организаций и гражданских объединений в 6 крупных российских городах (Москва, Калининград, Саратов, Пермь, Красноярск, Владивосток). В ходе исследования эксперты ставили перед собой следующие вопросы: возможна ли в современной России автономная от государства гражданская сфера? Какими источниками к существованию могут располагать активисты? Способны ли гражданские объединения добиваться своих целей, и при каких условиях? Каковы перспективы гражданского общества? Какие существуют препятствия для его развития? Исследование проводилось при поддержке Национального фонда демократии (США). Полная версия отчета доступна на сайте Левада-Центра.

Перспективы гражданского общества в России

Введение

В октябре 2010 — феврале 2011 г. мы провели интервью с лидерами различных гражданских инициатив — руководителями и активистами некоммерческих организаций, профсоюзов, различных ассоциаций, клубов и проч., представляющих наиболее активную, подвижную и открытую часть российского общества. Этот слой плохо поддается изучению с помощью обычных массовых опросов*.

Наиболее активные слои сосредоточены преимущественно в мегаполисах — экономических, образовательных и культурных центрах, что и определило выбор точек опроса — 6 крупных городов в разных частях страны.

По мнению Татьяны Ворожейкиной, известного специалиста в области изучения процессов демократизации в странах Латинской Америки и России, участвовавшей в разработке программы исследования, ключевым для определения гражданского общества является наличие публичной сферы, отличной от государства и автономной

по отношению к государству. Помимо этого понятие гражданского общества в его классическом западноевропейском варианте включает несколько измерений.

Во-первых, оно предполагает существование ассоциаций, которые самостоятельно регулируют свою деятельность, препятствуя превращению гражданского общества в бесформенное массовое общество. Во-вторых, открытый характер таких ассоциаций и секторов публичной деятельности в отличие от закрытых, прескриптивных или корпоративных форм организации общественной жизни. В-третьих, разнообразие и множественность этих секторов. В-четвертых, их свободный доступ в основную политическую сферу и определенная степень их приверженности общим задачам.

В первую очередь нас интересовали объединения, автономные по отношению к власти, к государственным органам, к формальным и неформальным властным структурам. Соответственно, из рассмотрения исключены так называемые GONGO (Government Organized

* В деятельности объединений и некоммерческих организаций принимает участие менее 10% россиян в возрасте 16–34 лет (данные Левада-Центра за декабрь 2009 года). Для населения в целом эта цифра составляет не более 4–5%.

Non-Governmental Organization) — организации, созданные и финансируемые властью для конкретных политических или иных целей.

Второй критерий — свободный, открытый, непринудительный характер гражданских организаций. В гражданской организации свободным является не только «вход», но и «выход». Этот критерий позволяет отделить гражданские ассоциации от традиционных сообществ (не только сельских, но и городских), принадлежность к которым обусловлена фактом рождения, этничности, землячества, профессионального или иного статуса родителей.

Третий критерий, позволяющий разделить гражданские и негражданские ассоциации, — нормативный. Гражданская ассоциация по определению ориентирована на индивида, на ценность и права отдельного человека, принадлежащего к данному сообществу. Преобладание этнических, расовых, конфессиональных мотивов и ценностей делает негражданскими праворадикальные, националистические и тому подобные ассоциации. В западной теории «гражданское общество» — это нормативно нагруженное понятие, включающее толерантность, плюрализм, уважение к личности в качестве фундаментальных этических оснований.

Сфера общественного интереса

О постепенном росте самоорганизации в последние несколько лет говорили многие респонденты, отмечая, что это пока лишь немногочисленные инициативы на фоне равнодушия и пассивности основной массы населения. Отметим в этой связи несколько общих моментов.

Представляется важным, что различных гражданских инициатив становится больше. Возникают они независимо друг от друга в разных городах.

Мотивация гражданских лидеров. Материалы интервью позволяют отличить мотивацию лидеров гражданских инициатив (руководителей организаций) от мотивации обычных членов (сотрудников организаций и сторонников, которые не являются сотрудниками/членами, но готовы поддерживать инициативу деньгами, вещами, помогать в меру своих умений и возможностей). Лидеры обычно называют себя «фанатиками», «ненормальными», так как вкладывают много сил и времени в дело, которое не сразу и не всегда приносит результат. Для них важен не только результат, но и сам процесс. Для лидеров общественная работа — образ жизни и часто основное средство существования. Тем не менее эта деятельность часто связана с публичностью, взаимодействием со СМИ, представлением интересов людей, возможностью общаться с властью. Однако мы полагаем, что именно внутренняя мотивация, когда «работа является хобби», когда «по-другому не можешь», «занимаешься любимым делом», и связанное с ней моральное вознаграждение — возможность помочь конкретному человеку, группе, трудовому коллективу целого предприятия, — являются центральными для гражданских лидеров.

Именно сильная внутренняя мотивация (при недостаточном финансировании, безразличии большинства населения, негативном отношении власти) — одно из главных условий продолжения деятельности некоммерческих организаций в неблагоприятных внешних условиях. Кроме того, во время работы появляются новые отношения, связи, обязательства, сама (любимая) работа становится «творческим процессом», что служит дополнительной мотивацией. Рядовые члены организации могут не иметь внутренней мотивации, их может привлекать перспектива получения нового опыта, необходимого в самом начале

Ансельм Кифер. Вероника. 1992

карьеру, хорошие отношения в коллективе и возможность общаться с единомышленниками, интересными людьми, гибкий график, что в целом компенсировало бы низкую заработную плату. Во всяком случае, работа в некоммерческом секторе связана с индивидуальным выбором человека, оценкой ее плюсов и минусов.

Было бы неправильно говорить, что лидеры ориентируются только на процесс работы. Предполагаемый результат выступает объединяющим фактором, поводом для коллективного действия, но координация работы требует дополнительных личностных качеств и готовности вкладывать дополнительные усилия и собственное время. Далеко не каждый готов (или способен) это делать.

Коллективное действие может различаться по тем целям, ради которых оно возникло, соответственно различается и мотивация активистов. Это может быть: 1) защита нарушенных прав, реакция на действия государства, чиновников, крупного бизнеса, 2) совместное достижение собственного интереса, 3) помощь другим людям и защита их интересов. Стоит отметить два важных момента, которые отличают активистов от основной массы населения. Во-первых, мотивом к действию может стать понимание того, что государство не поможет (тебе или другим) или поможет не сразу и не в том объеме. И люди не только добиваются от государства исполнения его обязательств, но и, не дожидаясь «милости», берут на себя некоторые его функции. Во-вторых, для части респондентов одним из стимулов к работе послужило именно осознание того, что они могут изменить ситуацию к лучшему в какой-то сфере, в своем дворе или городе. Они, а не кто-то другой.

Молодые респонденты отмечали, что помогать другим сегодня легко. Интернет соединяет единомышленников, помогает оставаться на связи и выстраивать длительные отношения, объ-

яснять свои цели потенциальным сторонникам — совершенно незнакомым людям, демонстрировать результативность своей работы (фото-, видео- и финансовые отчеты на сайтах или в сообществах социальных сетей), привлекать деньги, вещи, помощь других людей. Конечно, сторонники посвящают общественной работе лишь часть своего времени или готовы помочь деньгами, но не активным участием. Но в то же время они формируют ресурсную базу уже действующих организаций и объединений. Так удается собирать деньги и вещи, привлекать волонтерский труд на совершенно разные начинания: поддержка больных детей, помощь бездомным и оказавшимся в беде людям, сбор денег на уплату штрафа осужденных художников, лечение, поиск хозяев для бездомных животных и многое другое.

Коллективное действие

Постепенно к людям, проявляющим активность, приходит понимание, что обустроить свою жизнь гораздо легче, действуя сообща. Присоединиться к профсоюзу выгоднее, чем действовать в одиночку. Объединившись, родители могут оплачивать для своих детей групповые занятия спортом, а не индивидуальные, что было бы слишком дорого. Объединение в группу или организацию позволяет приобщиться к опыту другого региона или страны. Пресса охотнее освещает именно массовые мероприятия, будь то праздник или протест. Отрядом в несколько человек удобнее вести круглосуточное дежурство около сквера, которому грозит застройка. Коллективное действие оказывается эффективнее при взаимоотношениях с государством. На многотысячную акцию в регионе обращает внимание центр, и зачастую это единственный способ воздействия на местную власть. На коллективные письма родителей реагируют лучше, чем на запросы

директора школы, «рабочая группа» (в отличие от индивида) уже может «формировать госзаказ» и претендовать на изменение процедур госучреждений (например, чтобы дети с ограниченными возможностями могли проходить реабилитацию так, как это им необходимо).

Трудные времена требуют не только мобилизации собственных сил, но и привлечения новых союзников. Недостаток средств и попытки повлиять на решения, принимаемые властью, приводят к тому, что тут и там складываются новые и реанимируются старые коалиции: вокруг какой-то конкретной проблемы (отмена прямых выборов мэра города, вырубка леса, парка или сквера), в какой-то определенной среде (экология или «правозащита»), для какой-то цели (выставление единого кандидата от оппозиции на местные выборы, как, например, во Владивостоке или Перми; лоббирование интересов организаций — членов коалиции в региональной общественной палате). Кроме того, создаются даже международные коалиции организаций одного профиля (например, для поиска ресурсов за пределами России). В некоторых сферах постепенно складываются новые профессиональные сообщества. Например, «музейное» сообщество в Калининграде объединяет руководителей областных, муниципальных музеев, учреждений культуры и некоммерческих организаций, действующих в этой сфере. Подобная консолидация позволяет проводить совместное обучение, осуществлять местные и международные проекты. Более того, сложившиеся связи, доверие, поддержка группы позволяют вырабатывать общую позицию и совместно выступать по важным вопросам. Например, во многом благодаря существованию сообщества работников культуры и образования родилось открытое письмо 50 представителей общественности Калининграда по поводу передачи РПЦ культурных объектов осенью 2010

года, состоялись встречи активистов с представителями местной власти и епархии.

Но в целом сотрудничество между организациями даже на уровне города ведется довольно слабо. Многие просто не знают о существовании друг друга — что уж говорить о признании у населения. Преобладает сотрудничество в рамках отдельных разовых проектов, когда та или иная организация привлекает других (часто своих знакомых) для проведения фестиваля, летней школы, детского лагеря или выставки. Общие встречи общественников происходят большей частью на государственных площадках и властных «тусовках». В целом горизонтальные связи развиты слабо, и большинство респондентов отмечали этот факт. Перспективы новых коалиций — насколько они будут устойчивы, продолжительны во времени и результативны, пока неясны. Напротив, некоторые уже потерпели первые неудачи. Например, защитники Химкинского леса не смогли отстоять альтернативный маршрут автомобильной трассы. Сторонники прямых выборов мэра Перми пока что добиваются положительного решения в судах высшей инстанции. Непонятно, можно ли считать победой замену одного губернатора, который под давлением массовых протестов вроде бы пошел на определенные уступки, на другого, также назначенного центром. Но даже частичный успех имеет огромное значение для продолжения работы активистов. Его отсутствие — сильный демотивирующий фактор. Вопрос о том, ведет ли неудача к распаду коалиции или совместная работа может быть продолжена, остается открытым. Материалы интервью позволяют заключить, что в современных условиях успех гражданских инициатив возможен в том случае, если интересы стоящих за этими инициативами людей и общественных групп не противоречат интересам власти.

Сфера сотрудничества с государством

Сотрудничество с государством означает для некоммерческой организации определенную финансовую стабильность, но влечет за собой угрозу потери самостоятельности. Выделим три роли, которые могут при этом принимать на себя некоммерческие организации в зависимости от того, чьи интересы при этом преобладают: обслуживание интересов власти, исполнение делегированных властью социальных обязательств, решение острых социальных проблем.

«Обслуживание интересов власти» подразумевает, что некоммерческие организации являются исполнителями различных властных инициатив, которые напрямую не связаны с исполнением социальных обязательств государства. Интересы различных групп населения представлены в этом случае в наименьшей степени. Речь может идти об организации различных праздников, политических шествий, мероприятий по формированию «кадрового резерва» и «актива» местной или федеральной власти и др. При этом организация не обязательно должна быть инициирована властью, важно, что при этом она опирается исключительно на спрос (заказ), формируемый властью. Самостоятельное целеполагание в таком случае невозможно. Приведем одну цитату.

Официальные властные структуры осознали, что можно гражданскую общественную деятельность и самим достаточно активно инициировать, организовать и ею руководить. Поэтому у нас последнее время создается достаточно много таких организаций, общественных структур, которые очень тесно связаны и взаимодействуют с органами власти. То есть — по их инициативе.

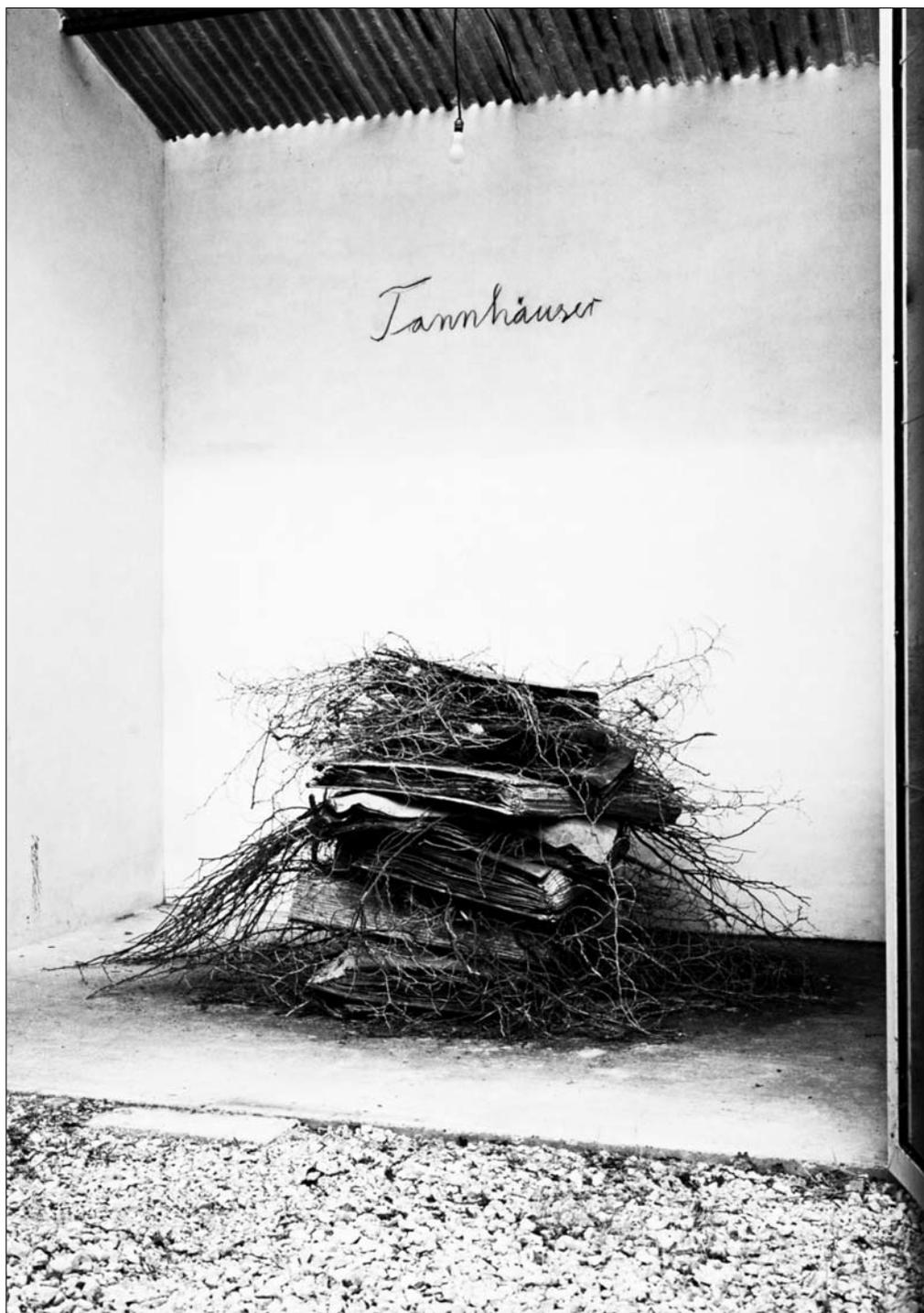
(Региональная гражданская ассоциация, руководитель)

Принимая две другие роли, некоммерческая организация в своей работе ориентируется не только на «заказ» от государства, но и на спрос, который формируют различные группы населения. В случае исполнения делегированных властью социальных обяза-

Именно сильная внутренняя мотивация (при недостаточном финансировании, безразличии большинства населения, негативном отношении власти) — одно из главных условий продолжения деятельности некоммерческих организаций в неблагоприятных внешних условиях

тельств речь идет скорее о неартикулированном спросе населения. «Нанимает» некоммерческую организацию именно государство (отдельное ведомство, региональная или муниципальная власть), делегируя ей часть своих функций. Организации, для которых государство лишь один из союзников, более самостоятельны в выборе целей и методов своей работы, в отличие от тех, кто ориентируется только на получение причитающейся им от государства социальной услуги.

В решении острых социальных проблем некоммерческие организации (объединения, отдельные правозащитники) общаются с государством от имени различных социальных групп, которые и предъявляют спрос на такого вида деятельность. Эти люди готовы обращаться в государственные ведомства, писать обращения, подавать в суд и в крайнем случае выходить на улицу. На них некоммерческие организации могут опереться при взаимодействии с чиновниками. Это дает гражданам активистам больше маневра и возможностей для самостоятельного целеполагания.

Ансельм Кифер. Тангейзер. 1991

Взаимодействие государства и некоммерческих организаций обычно происходит в сфере жилищно-коммунальных услуг, здравоохранения, помощи больным детям, борьбы с сиротством и бездомностью, профилактики наркомании и пьянства, организации детского досуга и образования и др. По общему убеждению респондентов, гражданские активисты часто оказываются более грамотными в решении этих вопросов, нежели чиновники, чему есть несколько объяснений. Внутренняя мотивация гражданских активистов ориентирует их как на результат (желание изменить положение к лучшему), так и на сам процесс, которой может приносить удовлетворение от работы. Другое объяснение состоит в том, что репутация некоммерческой организации является одним из главных ее ресурсов, залогом дальнейшего существования, что обязывает быть на должном уровне. В случае работы по социальным программам у «исполнителя» возникает двойная ответственность — перед людьми, непосредственными потребителями услуг, и государством, которое выступает в качестве заказчика. Наконец, «старые» некоммерческие организации и активисты обладают тем преимуществом, что они долгое время работают с одним кругом проблем и имеют большой опыт положительных решений (в том числе и международный), глубже погружены в проблему, чем чиновники, которые время от времени меняются.

Постепенно преимущество некоммерческих организаций в решении социальных проблем начинает признавать и государство. О повышении своего авторитета у чиновников по сравнению с 1990-ми говорят даже правозащитники. Хорошо зарекомендовали себя президентский совет по правам человека, общественные палаты в Москве и регионах, общественные советы при различных государственных органах, в том числе при Министерстве обороны

и ФСБ. Эти общественные структуры позволяют гражданским лидерам напрямую общаться с представителями власти и решать некоторые проблемы, непосредственно участвовать в качестве экспертов в разработке законодательства в своей сфере. Такая деятельность может приносить небольшое, но стабильное финансирование, а значит, дальнейшее развитие этого направления сотрудничества может заложить основу планирования в организациях, которое сейчас повсеместно отсутствует. Представители местной власти могут сами выступать инициаторами сотрудничества с организациями социальной направленности. В небольших муниципальных образованиях работа с подобными организациями из областного центра выглядит особенно привлекательной. Местные власти готовы помогать если не деньгами, то выделяя бесплатный транспорт, предоставляя место для проведения мероприятий, доступ к образовательным учреждениям — основной целевой аудитории — и др.

Как новое направление, которое послужит расширению опыта самоуправления в заданных государством рамках, можно рассматривать появившиеся товарищества собственников жилья (ТСЖ) и родительские советы при школах, обеспечивающие общественный контроль за решениями руководства образовательных учреждений. Наделенные определенными полномочиями, они действуют в строго ограниченной сфере, но позволяют населению брать в свои руки решение некоторых проблем. В регионах участие в работе общественной палаты позволяет общественникам общаться с чиновниками напрямую, учиться «разговаривать на их языке» и получать ответы на свои запросы — такая возможность резко сократилась в середине 2000-х. Однако созданы палаты не везде, а где-то даже успели прекратить существование из-за борьбы местных политических группировок (часто в рамках правящей «партии»).

Несмотря на то что новые общественные структуры воспринимаются общественниками позитивно, они являются лишь плохой альтернативой работе с депутатами и политическими партиями, взаимодействие с которыми свелось к минимуму после выборов 2003 года. Парламенты всех уровней являются для некоммерческих организаций закрытыми структурами, придатками органов исполнительной власти. На региональном уровне ситуация усугубилась с отменой выборов губернаторов. Политические партии сегодня не заинтересованы в сотрудничестве с некоммерческими организациями. Особенно негативные отзывы получают депутаты, пришедшие в законодательные собрания по партийным спискам, ответственные только перед партийным руководством, а не перед избирателями, и поэтому совершенно незаинтересованные в решении социальных проблем. Вся система взаимодействия некоммерческого сектора и государства замыкается на одном человеке — президенте и поэтому неустойчива. Правозащитники отмечают, что положительные наработки последних лет могут исчезнуть вместе со сменой президента в 2012 году и все придется начинать сначала. В какую сторону изменится ситуация после выборов, никто предсказывать не берется. Хотя некоммерческие организации уже доказали свою состоятельность и государство постепенно создает инструменты взаимодействия, выделяет ресурсы, многое по-прежнему зависит от личностного фактора. Отношение к гражданской сфере может различаться от области к области, от министерства к министерству. Организации каждый раз со сменой чиновника заново приходится доказывать свою полезность, свой опыт, проявлять настойчивость и терпение, иметь большую выдержку: «чиновнику надо один раз сказать, два, три, четыре». Взаимоотношения скорее напоминают игру, правила которой известны обеим сторонам. Последнее

слово, право «вето» принадлежит власти. Организации хотя и являются ее партнерами, но младшими, изначально находящимися в подчиненном положении. Активисты, имеющие уже некоторый опыт, говорят о том, что в определенный момент достигаешь потолка возможностей, понимаешь, что работаешь с последствиями проблемы, но не ее причиной, так как именно эта сфера находится в исключительной компетенции власти. Уровень принятия государственных решений для гражданских активистов сегодня практически закрыт. Ощущение границы, за которую выходить не позволено, становится сильным демотивирующим фактором для тех, кто ориентируется на результат, видит возможные пути решения, но допущен только к работе с последствиями проблемы.

Подводя итог этой части, можно сказать, что область сотрудничества государства и некоммерческих организаций постепенно упорядочивается, растут объемы государственного финансирования, медленно отлаживаются правила его получения. Сотрудничество с государственными органами на постоянной основе позволяет понемногу начинать планировать бюджет и рассчитывать на помощь бизнеса. Появляются новые формы взаимодействия: различные общественные советы, комиссии, родительские советы в школах и др. За последние годы накоплен позитивный опыт совместной работы.

Однако сфера сотрудничества существенно ограничена: жесткими правилами регулирования деятельности некоммерческих организаций, направлениями деятельности, которые могут получить поддержку, слабой возможностью влиять на осуществление государственной политики. Причем перед руководителями организаций часто встает вопрос о том, где грань, когда сотрудничество с властью перерастает в зависимость от нее. Формирующаяся система взаимоотношений неустойчива, так как выстроена таким образом,

что многое в ней замыкается на одном человеке — президенте. Существует вероятность, что со сменой первого лица в государстве многое придется начинать сначала, то есть накопленный опыт невоспроизводим. Так как принятие решений на многих уровнях оставлено на откуп отдельному чиновнику, система подвержена коррупции. Описанная в первой части отчета практика распределения президентских грантов — лишь один из примеров.

Есть ли будущее у гражданского общества в России?

Последние несколько лет в России происходят серьезные изменения условий поддержки объединений гражданского общества. По общему ощущению, сокращаются гранты иностранных фондов, бизнес так или иначе находится под контролем государства и предпочитает поддерживать только «разрешенные» проекты. В этих условиях фактически существует одна альтернатива: различные формы государственной поддержки, с одной стороны, а с другой — прямой общественный спрос на деятельность некоммерческих организаций, который может выражаться в виде пожертвований и волонтерской помощи, оплаты (хотя бы частичной) предоставляемых услуг. Перспективы развития гражданского общества в России во многом будут зависеть от того, готово ли население сотрудничать с некоммерческими организациями, участвовать в их работе или напрямую поддерживать их деятельность и насколько упорядоченными будут взаимоотношения гражданской сферы и государства.

В крупных городах отмечен рост гражданской активности, масштабы которой тем не менее не стоит преувеличивать. Возникают новые формы самоорганизации в различных сферах: обустройство территории, досуговые объединения, различные общества

помощи, формы территориального самоуправления, борьба с уплотнительной застройкой, родительские советы, экологические группы, растет число независимых профсоюзов. Многие активисты сегодня задумываются о создании коалиций для объединения усилий по различным вопросам, однако в целом общественная сфера остается разрозненной. Правозащитные организации отмечают медленный рост правовой грамотности населения, готовности защищать свои права, если они оказались нарушены. Это позволяет говорить о формировании потенциального спроса на деятельность организаций, которые способны оказывать гражданам юридическую и консультационную помощь по защите их интересов и во взаимодействии по этому поводу с государственными органами. Однако возникающие общественные группы часто не знают, куда и к кому им обращаться, а состоявшиеся организации не всегда воспринимают их как своих потенциальных клиентов.

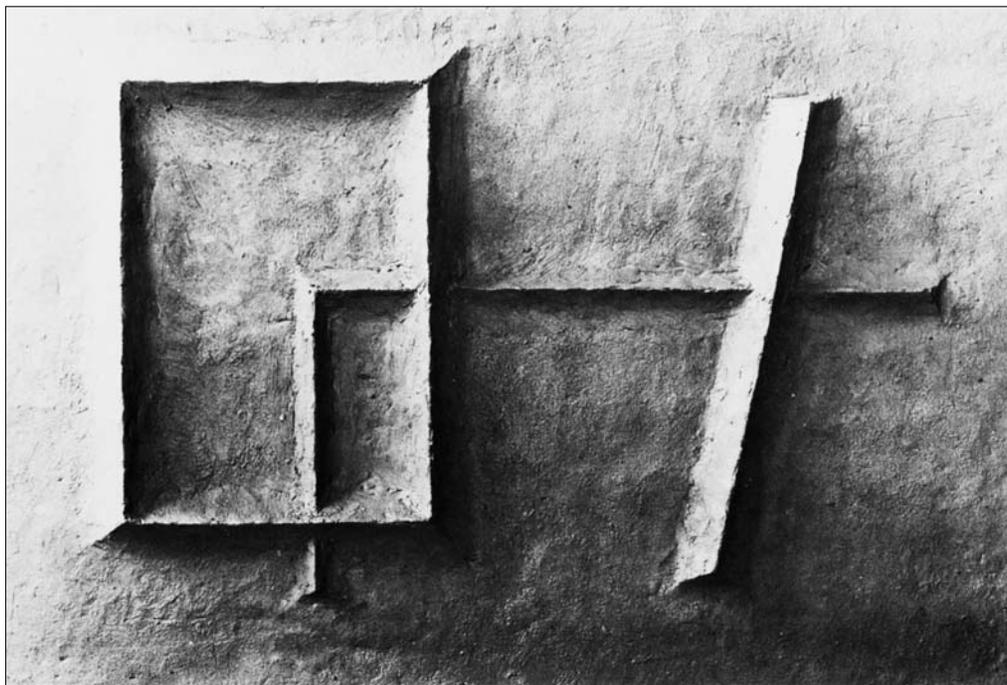
Интернет является хорошим инструментом, который облегчает коммуникацию и возможность коллективного действия. Новые инициативы сегодня часто находят своих сторонников, привлекают волонтерскую и материальную помощь посредством сообществ в социальных сетях. На этих своеобразных форумах происходит не только общение, обсуждение повестки дня, но и вывешиваются финансовые, фото- и видеоотчеты о проделанной работе. Но не каждая инициатива, родившаяся при помощи виртуальной сети, сможет выйти за ее пределы или просуществовать длительное время. И все-таки становление новых организаций, появившихся таким образом, уже происходит. Легкость, с которой молодые люди могут реализовывать свои цели, создавая собственные новые группы, проекты и организации, обнажает проблему разрыва между поколениями как внутри состоявшихся организаций, так

и между «старыми» и «новыми» объединениями. В регионах проблема осложняется постоянным оттоком наиболее способных молодых людей в столицу или за рубеж. Начиная «с чистого листа», «с нуля», инициаторы новых проектов часто не обладают адекватным пониманием ситуации, опытом и не имеют надежной репутации. В давно существующих же организациях, если они лишены молодых кадров, оказывается сложным обеспечить преемственность, затруднена работа с новыми технологиями и ограничен приток новых идей. Будущее гражданской сферы связано с тем, насколько успешно удастся преодолеть поколенческий разрыв.

За последние годы нарабатан позитивный опыт сотрудничества с государством как главным поставщиком социальных услуг, которое все активнее делегирует часть своих полномочий некоммерческим организациям. Происходит некоторое упорядочивание процедур получения государственного финансирования. Появляются новые механизмы взаимодействия — общественные палаты, советы, комиссии. Однако нужно говорить и об отрицательных тенденциях. Сфера государственной поддержки по-прежнему ограничена узким кругом «общественно полезных» тем, установлена трудоемкая отчетность, которая требует привлечения дополнительного квалифицированного персонала, что оказывается особенно сложным для небольших организаций в регионах. Формирующаяся система взаимоотношений неустойчива, так как многое в ней зависит от президента. С большой долей вероятности, со сменой первого лица систему придется отстраивать заново, и никто не берется загадывать, как будет развиваться ситуация после 2012 года. Накопленный опыт может оказаться невоспроизводим. Принятие решений на многих уровнях по-прежнему отдается на откуп отдельному чиновнику, система подвержена коррупции.

Наибольшую угрозу для развития гражданского общества представляет коррумпированный государственный аппарат. Отсутствие разделения властей, постепенное взаимопроникновение власти и бизнеса, с особым драматизмом проявляются на региональном уровне. Все меньше остается барьеров, которые бы сдерживали экспансию частных интересов государственных служащих. Лишенный правовых рамок, коррупционный интерес разрастается и все чаще входит в противоречие с общественными интересами. При этом не существует публичных механизмов разрешения конфликтной ситуации, так как суд встает на сторону властей предрезающих, а силы сторон заведомо неравны — коррумпированный чиновник может использовать в своих целях аппарат государственного принуждения. (Что и происходит.) В этой ситуации под угрозой оказывается как приобретенный опыт сотрудничества государства и гражданских объединений, так и возможность развития, а иногда и существования различных общественных инициатив. Более того, возникновение конфликтов, невозможность их решения в судебном порядке и обострение ситуации до предела, так как каналы обратной связи закупорены, обусловлены самой сложившейся композицией власти. Российская политическая система нестабильна и обречена на повторение всплесков массового недовольства подобных тем, что происходили по всей стране в 2005 году, во Владивостоке в 2009 и в Калининграде в 2010. Вынужденная политизация объединений гражданского общества может в перспективе означать иной, более организованный и структурированный характер массовых протестов.

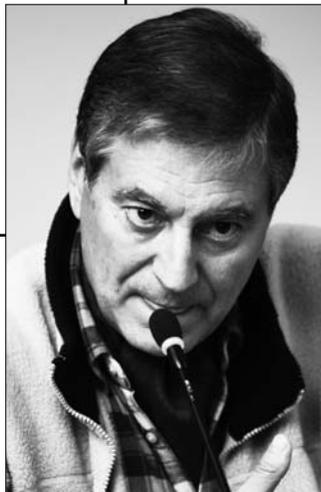
Сегодня лишь немногие из общественных лидеров готовы смотреть в будущее. Перед ними, как и гражданским обществом в целом, стоит множество серьезных проблем, требующих безот-

Фридрих Фордемберге-Гильдеверт. Рельеф. 1921–1922

лагательного решения. Меняющиеся условия финансирования требуют напряжения всех сил, притом что результат заведомо неизвестен. Многие продвигаются вперед на ощупь. Чаще всего горизонт планирования в некоммерческих организациях не превышает одного года. Сказывается недостаток признания, связанный с тем, что сообщество некоммерческих организаций развито плохо, большинство населения безразлично, а власть время от времени посылает враждебные сигналы. Достижение результата оказывается ограничено недостатком финансов, «потолком возможностей», когда удается влиять только на следствие проблемы, но не на ее причину, столкновением с коррупционным интересом и неизбежным конфликтом с известными рисками. Единственным основанием продолжать работу в таких условиях для гражданских лидеров порой служит лишь их этическая установка. Широко распространены пессимизм и растерянность.

Результаты исследования обнаруживают противоречивые тенденции: различных общественных инициатив становится больше, их активность заметнее, но добиваться цели и просто существовать им сегодня намного сложнее, чем еще десять лет назад. Для развития в России гражданского общества недостаточно новых технологических средств, простой смены поколений и настойчивости гражданских лидеров, какими бы качествами они ни обладали. Требуется обеспечить преемственность опыта, наладить сотрудничество гражданских объединений и населения, создавать по-настоящему широкие коалиции, добиться финансовой автономии. Для становления гражданского общества необходимы иного качества политические институты: независимый парламент, соревнующимися политическими партиями, открытый для взаимодействия с гражданскими лидерами, свободные СМИ, противостоящие коррупции, и независимый суд.

*Хорхе Луис Майорано,
омбудсмен Аргентины
(1994–1999),
первый частный омбудсмен
Аргентины*

Омбудсмен: от общего к частному

По странному стечению обстоятельств вот уже 31 год, как у меня продолжается роман, можно сказать любовный, с институтом омбудсмена. И хочу с благодарностью вспомнить в этой связи своих европейских коллег, в первую очередь Альваро Хиль-Роблеса, который занимал должность комиссара по правам человека Европы. Эти люди открыли мне дверь в Европу. Тогда я еще не был омбудсменом. Я лишь учился у них этому ремеслу. Это ведь не должность, а тонкое искусство, которое предполагает полную самоотдачу, солидарность с теми людьми, которые пострадали. К сожалению, многие современные омбудсмены этого не понимают. Этот институт потерял сейчас свою природу, когда появился двести лет назад в Швеции и с тех пор распространялся под разными названиями: парламентский комиссар, уполномоченный по правам человека, народный защитник и т. д. Но это гуманный институт. Как сказал мне однажды уполномоченный по правам человека Каталонии, — «институт с душой».

Когда в 1999 году я перестал быть омбудсменом Аргентины, я решил создать в моей стране институт частного омбудсмена. Это оригинальная идея, о которой я написал в 2000 году статью «Диагноз и лечение» — о решении конфликтных ситуаций между компаниями и их клиентами. Прежде чем рассказать об этом, несколько слов о «стечении обстоятельств».

Я закончил юридический факультет, работал адвокатом, но после того, как прочитал попавшуюся случайно на глаза брошюру о шведском институте омбудсмена, начался «мой роман». В 86 году защитил докторскую диссертацию, посвященную государственному омбудсмену, а потом судьба и политика позволили мне создать этот частный институт.

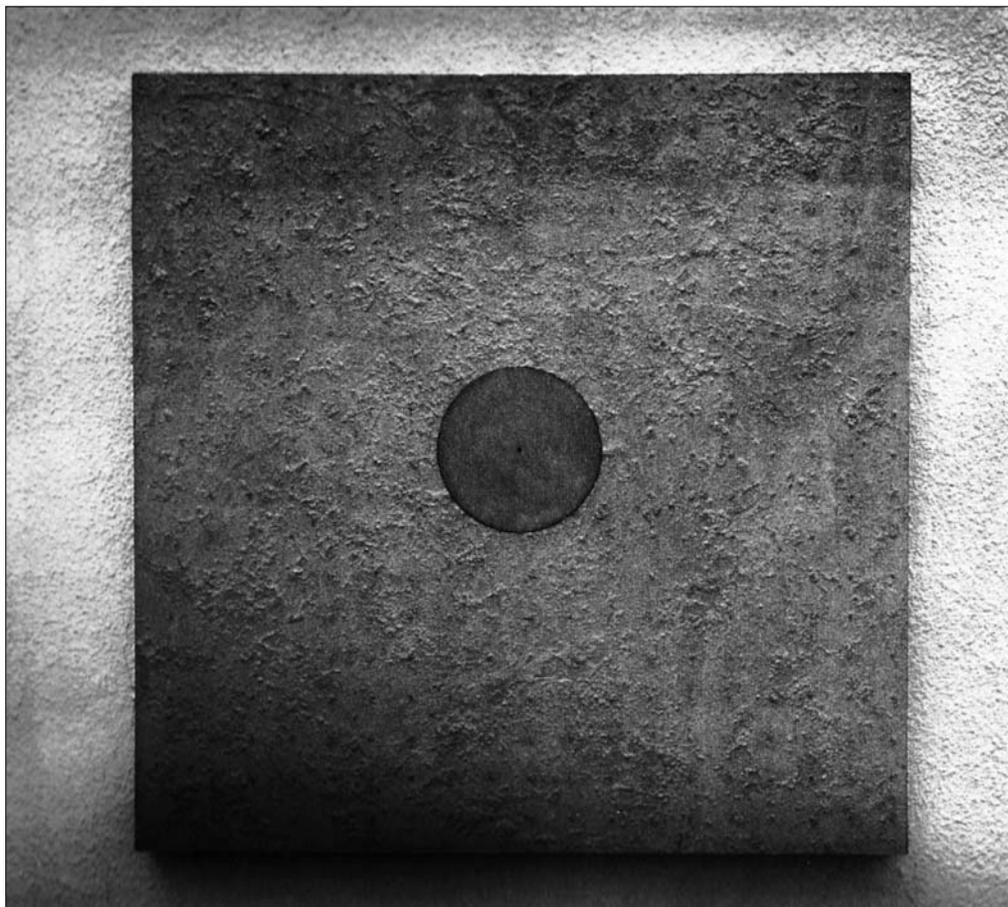
Очевидно, что в любой стране есть уязвимые группы населения, чьи права нарушаются. В моей стране это аборигены, так называемое туземное население, заключенные, пациенты психиатрических больниц. И, кроме того, есть группы, в которые мы

все входим. Речь идет о клиентах или пользователях самых разных услуг — мобильной связи, банков, страховых компаний и т. д. Раньше все спорные вопросы в этой сфере разрешались в судебном порядке. А теперь, поскольку права клиентов часто нарушаются, даже в высокоразвитых странах распространился институт отраслевых омбудсменов, которые защищают от произвола госчиновника не гражданина, а клиента. Поэтому в 2007 году в Аргентине мы создали институт уполномоченного по защите страховых прав.

Ясно, что возможности и полномочия государственного омбудсмена другие. Он не решает проблемы, связанные с защитой нарушенных прав граждан, а вмешивается, когда узнает об их нарушении, и влияет на положительное решение. То есть действует силой убеждения — с помощью соответствующих рекомендаций или предупреждения. Это нравственная сила. Частный же омбудсмен — это своего рода арбитр, как я сегодня. Если у застрахованного лица возникает проблема со страховой компанией, например она не признает несчастный случай, который произошел, и если она сотрудничает с омбудсменом, то его решение будет обязательным, как если бы это было решение суда. И напротив, если решение выносится в пользу страховой компании, и пострадавшему отказывают в его требовании, он имеет возможность обратиться в суд. При этом все производство бесплатное (к этому я еще вернусь) и вначале не предполагает вмешательство какого-либо юриста или адвоката. Могу сказать, что за три года моей работы 57% от всех рассмотренных нами случаев были решены в пользу застрахованных лиц. Но здесь есть один важный момент.

Ни одно из застрахованных лиц, иск которых был отклонен, не обращался потом в другие инстанции. Почему так происходит? Потому что страховые компании без каких-либо объяснений просто отказывают владельцу страхового полиса. А омбудсмен объясняет, почему получен отказ. Обычно это происходит из-за того, что человек не прочитал внимательно страховой полис. То есть, покупая страховую услугу, он думает, что лично с ним все будет в порядке. А когда этот «порядок» нарушается, считает, что он прав, ссылается на полис и лишь затем начинает понимать, что тоже может нести ответственность. И поскольку я говорю о частном омбудсмене, добавлю, что в решение о создании института частного омбудсмена правительство не вмешивается. Оно принимается в нашем случае Аргентинской ассоциацией страховых компаний, многие из которых имеют филиалы за рубежом. Эти компании создали регламент, согласно которому берут на себя обязательство выполнения решения, вынесенного омбудсменом.

Работаем мы вдвоем — я и моя секретарша. В месяц разбираем около 50 случаев нарушения прав застрахованных лиц. Все они, как правило, не очень сложные. Поэтому нет необходимости в более широком штате. У нас всего 20 дней на принятие решения с того момента, как к нам обращаются за помощью. При этом вся процедура занимает не больше 2 месяцев. Только иногда бывает чуть дольше, если приходится проводить техническую экспертизу. Ассоциация платит мне ежемесячное жалование. А компания, которая заинтересована в разрешении конфликта, платит процент за рассмотренное дело и принятое реше-

Дональд Джуд. Без названия. 1962

ние. Скажу также, что мои полномочия продлены еще на 3 года, несмотря на то что большинство решений было принято в пользу застрахованных лиц.

Чтобы не быть голословным, приведу два примера о том, как мы работаем. Один относится к очень крупной страховой компании. Сгорел автомобиль, который она застраховала. Я вынес решение в пользу застрахованного лица, после чего председатель компании заявил президенту Ассоциации страховых компаний, что его компания из нее выходит. Это случилось в 2008 году, через несколько месяцев после начала моей работы на новом месте. Президент, естественно, был обеспокоен, так как не мог убедить председателя, и я тоже чувствовал себя неуверенно. Но решил пойти на переговоры с главным управляющим компании. Мы беседовали два с половиной часа, оказалось, что он женат на финской гражданке и смысл института омбудсмена ему знаком. Я объяснил, что проблема не во мне, а в его подчиненных. Что частный омбудсмен не ищет виновных или ответственных, а заинтересован в решении конфликта. Я не назвал фамилию работника

компании, который отвечал за случившееся, и передал ему достаточно данных, чтобы он принял положительное решение. Эта компания осталась в ассоциации и продолжает участвовать в защите застрахованных лиц.

Другой пример — тоже с автомобилем, владелец которого попал в дорожную аварию, будучи авто-страховщиком по системе КАСКО. В его полисе было написано, что полная компенсация возможна лишь в случае невозможности восстановления автомобиля. Автовладелец считал, что это невозмож-

но, тогда как страховая компания настаивала, что возможно. В таких случаях мы обращаемся к

Омбудсмен, где бы он ни работал, не должен отказываться от своей независимости, поскольку иначе становится марионеткой

профессионалу, который не имеет отношения ни к одной из сторон и принимает независимое решение. Он составляет технический отчет, который является для меня основанием для принятия решения.

Я знаю, что в России есть своего рода аналог нашего института — общество защиты прав потребителей. Но люди обращаются в него достаточно редко. Не хотят тратить время и нервы.

Думаю, что это проблема культуры. Ведь ваше общество было создано, если не ошибаюсь, на основе государственного закона. А решение о создании института частного омбудсмана принимается в рамках частного сектора. В Аргентине тоже есть сотни обществ защиты прав потребителей, и только в последние годы наблюдается тенденция к росту числа обращающихся в них с жалобами. Мы тоже были пассивным обществом, когда начинали. Повторяю, это проблема культуры, которую нельзя решить лишь с помощью принятого закона. Путь здесь, к сожалению, долгий. В моей стране он начался после конституционной реформы 1994 года, когда появилась статья, в которой говорится о правах групп граждан.

Мой опыт показывает, а опыт для меня это сумма совершенных ошибок и удачных решений, что омбудсмен, где бы он ни работал, не должен отказываться от своей независимости, поскольку иначе становится марионеткой. Говорят, люди приходят и уходят, а институты остаются. Но какими бы ни были институты, все зависит от людей.

В Европе — в Италии, Франции и в других странах — помимо банковской сферы, мобильной связи и даже супермаркетов, институт частного омбудсмана в последние годы появился также в университетах, как в государственных, так и частных, для рассмотрения спорных вопросов и требований, выдвигаемых студентами. Усилия омбудсмана всегда направлены на сближение позиций сторон и создание атмосферы согласия. То есть в конечном счете на формирование общества, способного преодолевать возникающие конфликты.

Омбудсмен не супермен, он не изменит людей, но от того, кто им становится, зависит будущее института.

*Михаил Савва,
доктор политических наук,
профессор кафедры связей
с общественностью
и социальных коммуникаций
КубГУ (Краснодар)*

Гражданская культура и управление в современной России: региональный аспект

1. Ключевые термины

Остановлюсь вначале на популярном, но по-разному понимаемом термине «гражданская культура».

В 1963 году американские политологи Габриэл Алмонд и Сидней Верба в работе «Гражданская культура» описали свою типологию политической культуры. Подчеркиваю — политической, не гражданской. Ими были выделены три типа такой культуры.

1. Патриархальный тип (синонимы — «провинциальная», «неразвитая» культура). Для него характерны весьма ограниченные знания граждан о государстве и его ценностях, о политике и политической системе, абсолютный отрыв от нее, замыкание на местной или этнической солидарности.

2. Подданнический тип. Ему свойственны пассивное политическое поведение, некритическое отношение к господствующим в обществе ценностям, исключительная ориентация на существующие политические институты и, как следствие, — очень низкая активность граждан.

3. Активистский тип (он же — «партиципаторный», то есть основанный на культуре участия) предполагает активное участие граждан в политической жизни, воздействие на процессы принятия решений, умелое формулирование своих интересов. Этот тип политической культуры квалифицируется и как рационально-активистский, так как граждане одновременно подчиняются идущим от государства директивам и имеют возможность участия в процессе выработки решений. Государство и граждане при этом выступают как равноправные партнеры.

Политическая культура населения США и Великобритании в наибольшей степени соответствовала тому, что Г. Алмонд и С. Верба назвали гражданской культурой. По их мнению, гражданская культура — это смешанный тип политической культуры. В ее рамках одни индивиды весьма активны в политике, а другие играют пассивную роль «подданных», причем доля и тех, и других достаточно велика. Но даже активный гражданин сохраняет свои традициона-

листки не политические связи, равно как и свою пассивную роль подданного*. Другими словами, гражданская культура — реальное воплощение культуры политической.

Гражданин — атрибут государства. Гражданская культура — это система установок человека на его взаимодействие с властью и другими гражданами в решении общих проблем и тип поведения в таком взаимодействии. В таком понимании протестная активность также является частью гражданской культуры.

Гражданская культура связана с деятельностью теснейшим образом. Е.В. Соцкая пишет: «Гражданскую культуру можно охарактеризовать как исторически обусловленный способ духовно-практической деятельности человека по освоению действительности, воплощающий опыт предшествующих поколений в сочетании с социокультурной динамикой»**.

Что означает гражданская культура в деятельности, в своем активном проявлении? Е.В. Яковлев отвечает на этот вопрос в своей диссертации: «...следует обратить особое внимание на проблему, связанную с формированием в российском постперестроечном пространстве гражданской культуры, в соответствии с которой у россиян возникает способность осознания личной включенности и личного участия в жизнедеятельности государства, собственной ответственности за судьбу народа и государства, понимания значимости происходящих перемен, осознания своего места и роли в политико-правовом процессе и социально-правовой жизни российского общества»***.

Еще один важный термин — гражданское общество. Как отмечает Э. Геллнер, оно представляет собой «совокупность неправительственных институтов, достаточно сильных для того, чтобы быть противовесом государству и, не посягая на его роль гаранта мира и арбитра основных интересов, быть способным не допускать атомизирования им общества и доминирования над ним»****.

Говоря о современной России, приходится отбрасывать вторую часть этого определения, со слов «достаточно сильных». Российское гражданское общество не является реальным противовесом государству. Но отрицать наличие гражданского общества в нашей стране также невозможно. Поэтому ограничиваюсь в понимании гражданского общества очень простым определением «совокупность неправительственных институтов».

2. Роль современного российского государства в формировании гражданской культуры

Гражданская культура не автономна, она вырастает под влиянием системы факторов. Для России важнейший из этих факторов — доминирующая роль государства во всех сферах жизни и соответствующая культура властного управления.

При этом тренды культуры управления в современной России крайне противоречивы. С одной стороны, федеральная власть провозгласила административную реформу с такими направлениями, как переход на управление

* См.: Алмонд Г., Верба С. *Гражданская культура и стабильная демократия // Политические исследования*. — М., 1992, № 4.

** Соцкая Е.В. *Становление гражданской культуры в современной России: философский анализ*. Дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2004. — С. 16.

*** Яковлев Е.В. *Гражданская культура как условие социально-правовой активности и правовой социализации личности в процессе формирования в России гражданского общества*. Дисс. ... канд. юр. наук. Ростов-на-Дону, 2009. — С. 3.

**** Gellner E. *Conditions of Liberty: Civil Society and its Rivals*. — L.: Hamish Hamilton, 1994. — P. 5.

Ансельм Кифер. Рапунцель. 1999

результатами и оптимизация функций исполнительной власти; борьба с коррупцией; стандартизация и регламентация деятельности власти; повышение эффективности взаимодействия власти и гражданского общества*. Цели административной реформы, безусловно, отвечают интересам гражданского общества в таких сферах, как повышение качества и доступности государственных услуг; ограничение вмешательства государства в экономическую деятельность субъектов предпринимательства, в том числе прекращение избыточного государственного регулирования; повышение эффективности деятельности органов исполнительной власти.

С другой стороны, на уровне субъектов РФ и в муниципальных образованиях вектор изменений власти достаточно часто обращен в противоположное направление.

Сошлюсь в этой связи на пример Краснодарского края, подтверждающий этот вывод: в 1991 году в школах края обучалось 642 тысячи детей. В краевом департаменте образования работало 39 человек. В 2010 году детей в школах училось 481 тысяча, а в департаменте работало уже 163 человека. Таким образом, при уменьшении количества учеников почти в полтора раза численность курирующих их краевых чиновников увеличилась более чем в четыре раза. В 2007 году, в разгар административной реформы, этот же департамент издал за год 4350 приказов и направил в подведомственные учреждения 5000 писем. В 2010 году, когда административная реформа должна была уже завершиться, количество приказов увеличилось до 5000, а писем — до 15302**. Очевидна тенденция к усилению бюрократизации.

Можно отметить также усиление кор-

рупции в течение последнего десятилетия. Так, по экспертным оценкам в период с 2000 по 2005 год размер «деловой» коррупции в России вырос в 9 раз. Несмотря на активную риторику власти на тему борьбы с коррупцией, коррупция становится все более системной. Исследования, в том числе Южного регионального ресурсного центра, фиксируют несколько тенденций в этой сфере:

1. Рост процента «откатов». Дойдя до планки 50 и более процентов от цены проекта, сделки, откаты «замораживают» экономическую жизнь. С одной стороны, отдать столько чиновнику нельзя, поскольку это означает разрушить проект, который за эти средства необходимо по поручению государства выполнить. С другой стороны, поскольку чиновник ждет не меньше 50%, он просто не принимает решений о финансировании.

2. Появление новых практик, например продажи должностей в органах власти на определенный срок. Это ускоряет коррупционный оборот (чиновник стремится получить свою долю скорее и в большем размере) и усиливает коррупционную нагрузку на бизнес и граждан.

3. Внедрение коррупции в сферы, где ее раньше не было. Практически отсутствовала коррупция в распределении грантов на поддержку социальных проектов некоммерческих организаций, пока этим занимались зарубежные фонды. Распределение грантов президента России за пять прошедших лет оказалось глубоко коррумпированным, норма отката колеблется от 30 до 50 процентов.

Это противоречие между федеральной стратегией и региональной практикой может быть объяснено различиями интересов федеральной и региональ-

* Концепция административной реформы в Российской Федерации. Одобрена распоряжением Правительства России от 25.10. 2005 г. №1789-р.

** Архив автора.

ной властей. Точнее, групп влияния, принимающих решения на федеральном и региональном/местном уровнях. Что в настоящее время пытается делать федеральная власть с механизмами своего влияния на общество?

Как уже было сказано, в 2005 году была провозглашена административная реформа, то есть реформа системы исполнительной власти, которая, в частности, вводит формализованные процедуры взаимодействия гражданина с властью, его защиты от произвола чиновников. Если есть формализованная процедура, то за отступление от нее чиновник должен быть наказан. Если же вводимые регламентами процедуры останутся только на бумаге, неизбежен дальнейший рост доминирования неформальных практик, а значит, подчинение и подавление гражданина.

В то же время для России характерны глубоко укоренившиеся неформальные практики деятельности власти. Они находятся в тени и в принципе неформализуемы. Таким образом, одно из главных противоречий современной политической культуры России — это противоречие между сложившейся реальной неформальностью и вводимой формализацией.

Власть уже не в состоянии эффективно контролировать самое себя. На местном и региональном уровнях, несмотря на попытки активизировать механизм ротации «силовиков», очень часто возникают партнерские отношения между должностными лицами, которые должны контролировать друг друга (полиция, прокуратура, суды, следственный комитет). Поэтому на протяжении последних лет вводятся новые механизмы гражданского контроля. Вспомним Общественную палату при президенте России, систему общественных наблюдательных комиссий в субъектах РФ (например, контроль

соблюдения прав человека в местах принудительного содержания осужденных). Или наиболее яркий пример последнего времени — Указ президента России «Об общественных советах при министерстве внутренних дел РФ и его территориальных органах»*. Впервые в нашей стране эта общественная структура была наделена определенным спектром контрольных полномочий, хотя ее основная деятельность носит консультативный характер.

Для ответа на вопрос, будет ли такая модель эффективной, необходимо учитывать особенности российской гражданской культуры. Как показывают результаты исследований, она очень своеобразна. В нашей стране наиболее широко распространены «пассивные», «аполитичные» субкультуры, которым, в сущности, свойственно подчинение власти. На протяжении последних полутора десятилетий их пропорция сохраняется.

При этом в России довольно высок уровень интереса к политике, что не характерно для классических пассивных культур. Социальный портрет россиян постсоветского периода: достаточно образованные люди, привыкшие использовать различные каналы политической коммуникации, на досуге разговаривать о политике и одновременно не верить политикам и представителям власти.

Носители же субкультур «активистского» типа — это россияне, желающие оказывать влияние на власть. Большинство из них не верит нынешней власти и олицетворяющим ее персонам; из всех возможных видов «активных» субкультур наиболее заметна при этом «автономная» культура.

Что же касается доверия к власти людей, потенциально составляющих ее опору, в частности в организации граж-

* Указ Президента России от 23.05.2011 г. № 668.

данского участия в управлении, то оно может быть достигнуто лишь в результате демонстрации властью серьезности своих намерений. Другими словами, уровень этого участия, закреплённый нормативно, должен быть выше современной российской практики общественного контроля и даже выше экспериментального варианта, который в настоящее время осуществляется в отношении структур МВД.

3. Гетерогенность России как фактор разнообразия гражданских культур

Гетерогенность России в ближайшие годы будет нарастать. У этого процесса есть объективные демографические и экономические предпосылки. Россия — единственная страна постсоветского пространства, где за годы новейшей истории этническая гетерогенность возросла: если во всех республиках бывшего СССР доля титульного этноса в общем населении увеличилась, то в России наоборот. Н.В. Зубаревич констатирует по результатам недавнего исследования в России, Казахстане и Украине: «Законы пространственного развития сильнее политических режимов. Пространственное развитие инерционно, его факторы и барьеры имеют долговременный характер. В ближайшие 10–15 лет вряд ли стоит ожидать существенных изменений в крупных странах СНГ.. Влияние существующих факторов и барьеров будет и в дальнейшем воспроизводить сложившиеся тренды регионального неравенства*». Для иллюстрации демографической гетерогенности: в таких республиках Северного Кавказа, как Дагестан, Чеченская, Ингушетия, доля молоде-

жи нетрудоспособного возраста достигает 25%, тогда как в Центральной России — не более 12%.

Высоко значимой является также экономическая гетерогенность российских территорий. Коэффициент поляризации производительности труда, оцениваемый как отношение регионального максимума к региональному минимуму, в 2001 году составлял 18,8 раза, а в 2004 году — 25,8 раза**. С того времени этот показатель еще несколько вырос и стабилизировался.

Одна из наиболее показательных иллюстраций региональной гетерогенности относится к уровню коррупции. Так, в результате исследования Южным региональным ресурсным центром уровня коррупции в Краснодарском крае мы получили показатель 40% коррупционной нагрузки на стоимость вновь построенного жилья. В Сахалинской области этот показатель — 6%. Такая разница объясняется уровнем спроса, то есть экономической причиной.

Еще более важным фактором региональной гетерогенности являются различия на шкале «традиционализм — модернизм»***. Традиционалистский полюс этой шкалы в России не так давно был сосредоточен в границах нового Северо-Кавказского федерального округа. Последние две войны на Северном Кавказе оказались сильнейшим катализатором социальной модернизации. В течение очень короткого по историческим меркам времени существенно изменилось положение молодых мужчин относительно более старших возрастов и положение женщины относительно мужчины. В регионе активизировалась работа «социальных лифтов», основанных на личных качествах, а не на групповой принадлежности. Гражданская культура в этом регио-

* Зубаревич Н.В. *Регионы России: неравенство, кризис, модернизация*. — М., 2010. — С. 28–29.

** См.: Балацкий Е.В., Екимова Н.А. *Селективная политика реструктуризации собственности // Общество и экономика. 2006, № 10*. — С. 178.

*** См.: Солдатов Г.У. *Психология межэтнической напряженности*. — М., 1998. — С. 225.

не в настоящее время так же нестабильна, как и социокультурная сфера.

Важным фактором гетерогенности являются и сложившиеся особенности региональных политических режимов в России по характеру восприятия реформ, в нашем случае — административной реформы: реальное исполнение, имитация и игнорирование. Это распределение сложилось субъективно. Краснодарский край демонстрирует яркий случай имитации. По результатам недавнего чрезвычайно интересного исследования профессора В.Н. Якимца «Индексы оценки состояния гражданского общества в регионах современной России» край занял третье место (после Самарской области и Пермского края) среди субъектов РФ по такому показателю, как «развитие партнерских отношений между гражданскими организациями и властью по продвижению механизмов межсекторного социального партнерства»*. При этом создание механизма партнерства фиксировалось по факту принятия соответствующего нормативного документа. Однако проблема заключается в дистанции между принятием документа и реальными действиями. Например, Закон Краснодарского края «Об Общественной палате» был принят в 2008 году, однако до настоящего времени палата не создана. В течение всего 2010 года в крае по инициативе Общественного совета при ГУВД проходило обсуждение новой редакции краевого закона «О противодействии коррупции», но законодательная инициатива так и не была внесена.

Очевидно, что при таком уровне гетерогенности регионов России нельзя говорить о единой гражданской культуре.

4. Классификация гражданских региональных культур

Существующие в России типы гражданской культуры в решающей степени определяются стратегиями политического управления, преобладающими в отношении реформ: игнорированием; имитацией; внедрением. Игнорирование предполагает, что власть не делает ничего даже в сфере своей прямой ответственности. Имитация означает формальное выполнение функций, когда создается видимость активности по решению проблемы. Внедрение — оптимальный вариант, при котором власть искренне и целенаправленно реализует реформы.

Соответственно, стратегия игнорирования порождает протестную гражданскую культуру, имитация — культуру правового сопротивления и внедрение — культуру гражданского сотрудничества. Другими словами, гражданское общество остается ведомым, позицию ведущего сохраняет власть. Один из главных вопросов российской сферы общественной жизни: какую гражданскую культуру производит власть своими действиями?

От одного субъекта РФ к другому ответ на этот вопрос будет разным. Есть территории России, где можно говорить об общем векторе эффективного внедрения новаций в интересах общества: Пермский край, Самарская область. Здесь создаются условия для формирования культуры гражданского сотрудничества.

Для значительной части субъектов РФ характерна модель имитации действий. Это можно уверенно сказать о Краснодарском крае. Требования административной реформы по повышению эффективности взаимодействия власти

* Якимец В.Н. Оценка и направления использования потенциала гражданских инициатив и возможностей межсекторного социального партнерства при модернизации России // Материалы Всероссийского научно-практического симпозиума с международным участием «Культура конфликта во взаимодействии власти и гражданского общества как фактор модернизации России». — М., 2011. — С. 19.

и гражданского общества здесь выполняются формально, то есть без ориентации на результат. Но все же выполняются. Это определяет главную ответственную стратегию гражданского общества, которая реализуется в наполнении содержанием создаваемых властью «пустых форм»: общественных советов при органах власти, других переговорных площадках. Кроме этого, на таких территориях граждане сами иницииируют и создают новые механизмы взаимодействия с властью (например, ежегодный Антикоррупционный гражданский форум Краснодарского края). При этом есть установка на взаимодействие именно с этой властью, конкретными чиновниками и депутатами. Представителями данной гражданской культуры власть воспринимается в значительной степени как функция. Это означает, что в этой системе у людей сохраняется надежда заставить власть действовать по правилам. Наиболее ярким примером властной модели игнорирования и, соответственно, протестной гражданской культуры являются некоторые республики Северного Кавказа. Для протестной гражданской культуры типична готовность многих людей к использованию насилия, в том числе вооруженного, по отношению к власти и ее представителям. Проявлением такой культуры являются, например, теракты. Рост популярности салафий (фундаменталистского ислама) также можно рассматривать как ответную реакцию некоторой части общества на деятельность власти, которая ассоциируется с высоким уровнем социальной депривации, несправедливости. Типичная характеристика салафитов их сторонниками — «они справедливые». Конечно, далеко не все носители протестной гражданской культуры и далеко не всегда готовы использовать незаконные методы в отношениях с властью. Но

даже в тех случаях, когда выбираются легальные способы, граждане исходят из того, что эту власть нужно сменить. Пример: два года назад, при подготовке первых выборов органов местного самоуправления в Ингушетии, республиканская власть навязала муниципальным образованиям модель мест-

*В нашей стране гражданскую культуру
необходимо выращивать наиболее
надежным способом – не мешать ее
развитию*

ных выборов по пропорциональной системе. То есть все депутаты органов местного самоуправления были выбраны на первый двухлетний срок по партийным спискам. Создаваемые в настоящее время инициативные группы по проведению местных референдумов хотят добиться изменения этой системы и введения голосования по территориальным округам. Другими словами, люди исходят из того, что власть нужно сначала поменять, а потом уже строить отношения с другой властью.

Выделенные типы гражданской культуры условны, как любая типология. Но они достаточны для прикладного анализа.

5. Проблемы и динамика развития гражданской культуры в регионах России

Гражданская культура как культура деятельности взаимодействия гражданина и власти в России еще не приобрела кумулятивного эффекта, когда потенциал саморазвития настолько велик, что не нуждается во внешних «подпорках». В нашей стране гражданскую культуру необходимо выращивать наиболее надежным способом — не мешать ее развитию. Что мешает в настоящее время: — Отсутствие у власти на уровне субъектов РФ и местного самоуправления

действенной мотивации развития гражданской культуры. Власти не интересно делиться полномочиями с гражданским обществом и потерять часть прибыльных функций. Решению этой проблемы могла бы помочь обязательная закреплённая законами передача общественным структурам ряда функций власти.

— Фактическая включённость местного самоуправления в систему государственной власти. Причина такой зависимости — жесткая бюджетная вертикаль России, тотальный контроль за бюджетными ресурсами. Но усиливаются также другие способы обеспечения зависимости ОМСУ. Так, ширится практика внедрения в муниципалитетах схемы управления, предусматривающей выборы главы МО из числа депутатов и наличие ситуационного менеджера. Это схема минимальной зависимости ключевых фигур муниципальной власти от граждан и максимальной — от «губернии» (субъекта РФ). Необходима корректировка бюджетных нормативов: местное самоуправление должно стать более самостоятельным, ограничивать необходимо полномочия субъектов Федерации.

— Отсутствие законодательно закреплённых механизмов непосредственного участия граждан в управлении делами государства, то есть реализации конституционного права: «Граждане РФ имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей» (часть 1 ст. 32). Мы имеем право, но имеем ли возможность? Законодательная база России такова, что механизмы воздействия гражданина на государственную власть намного слабее этих механизмов на уровне местного самоуправления. Необходимо принятие и апробация в ряде субъектов Федерации закона «О реализации права граждан на

непосредственное участие в управлении делами государства».

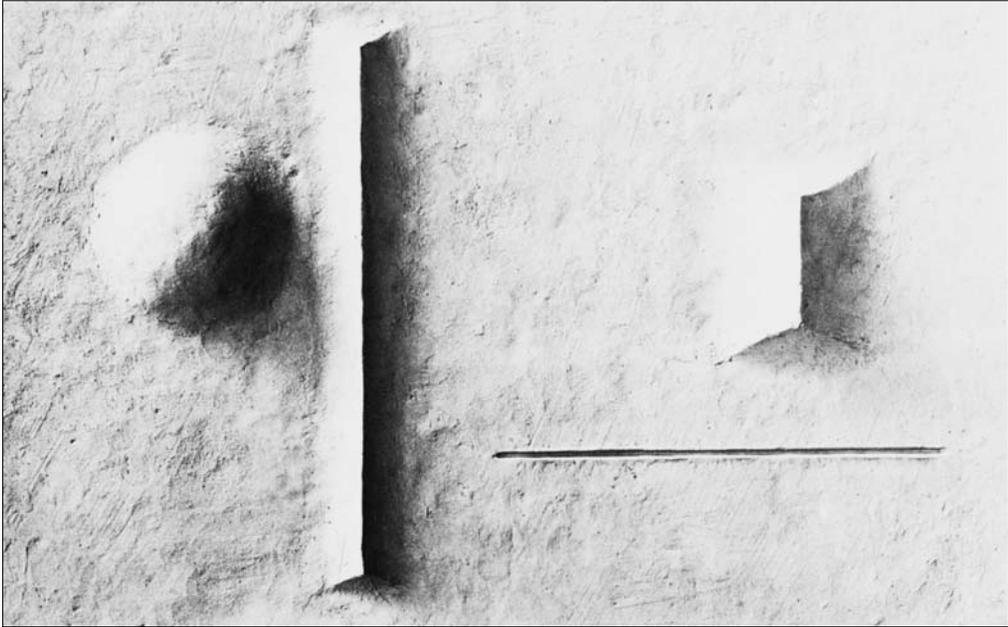
— Отсутствие правовых механизмов перевода рекомендаций совещательных гражданских структур в обязательные для исполнения решения власти. Если обязательность отсутствует, в условиях современной России рекомендации не учитываются. Причина понятна: рекомендательные нормы общественных структур являются эффективным механизмом только в условиях страха действующей власти перед выборами. Если результаты выборов очевидны заранее, мягкий рекомендательный механизм становится бессмысленным. А раз так, необходимо правовое наделение контрольными полномочиями общественных советов при органах власти.

— Низкий экспертный потенциал структур гражданского общества, что не позволяет пользоваться такими механизмами влияния на власть, как:

- общественная экспертиза;
- регламенты оказания услуг;
- ежегодные доклады о результатах деятельности;
- возможности общественных наблюдательных комиссий;
- контрольные полномочия общественных советов при различных структурах власти.

Какие изменения региональных гражданских структур происходят в настоящее время? Социологи отмечают рост протестных настроений россиян. В 2011 году в ходе всероссийских опросов около половины респондентов заявило о своей готовности принять участие в протестных акциях (по результатам февральского исследования ФОМ, 49% готовы выйти на улицы, а 45% не станут этого делать)*. Безусловно, это вербальная сфера. Между «заявить» и «выйти» — большая дистанция, но все же направленность процесса очевидна. Декабрьские события 2010 года в Мо-

* Социологи фиксируют рост протестных настроений в России // <http://www.rosbalt.ru/main/2011/02/25/823094.html>. 25.02.2011.

Фридрих Фордемберге-Гильдеверт. Рельеф. 1921–1922

скве и ряде других городов России подтвердили возможность «взрывной мобилизации», в ходе которой большие группы социально неоднородных людей оперативно реагируют на конкретное событие, воспринимаемое как несправедливость (каких-либо нарушений со стороны следствия в деле об убийстве болельщика «Спартака» не обнаружено). Помимо расширения социального спектра протеста, более ранний феномен «приморских партизан» продемонстрировал появление новых географических ареалов крайнего варианта протестной гражданской культуры.

Протестный вектор гражданской культуры — крайне нежелательный вариант для России. Ответственность за дальнейшее развитие событий взаимна, она лежит как на власти, так и на гражданском обществе. Это, безусловно, разная ответственность: власть конкретно и персональна, гражданское общество — общая конструкция. Но интерес сохранения стабильности должен быть общим.

Необходим перевод протестной активности, допускающей насилие, в форму

правового сопротивления. При этом власть должна понимать, что такое сопротивление, не дающее гражданам результата, не может быть привлекательной моделью и не ослабит протестный потенциал насилия. Необходимо предъявлять этот результат людям в каждом субъекте РФ и муниципалитете.

Для получения результата недостаточно, чтобы власть стала признавать правоту граждан. Одна из самых важных задач — повышение экспертного потенциала гражданского общества. Сегодня в рамках административной реформы уже создано достаточно много реально применимых (хотя и мягких) механизмов гражданского участия в контроле за властью и в принятии решений. Однако очень мало кто из граждан России знает об этих механизмах и тем более умеет их применять. В то же время объективная потребность в них у людей велика и продолжает расти.

Другими словами, сегодня стало особенно актуальным то, что уже давно делает Школа.

Продолжаем знакомить читателя с нашими свежими изданиями, публикуя аннотации и фрагменты текста, дающие представление о книгах, а также сведения об авторах.

Трудовой Максим. Я и моя страна: общее дело. — М.: Московская школа политических исследований, 2011. — 144 с.

За 20 лет, прошедшие после распада СССР, проблемы выживания и ориентация на достижение личного успеха полностью вытеснили из массового сознания такие сложные категории, как общество и государство, считает автор книги. Граждане России, как показывают социологические исследования, испытывают отчужденность от общественных процессов: выбора достойных лидеров, организации жизни в городах, районах, стране. Между тем, без общего дела, res publica, нет общей страны. Как изменить ситуацию? На каких основаниях строить механизмы гражданского участия, солидарности и ответственности за судьбы России? Об этом размышляет известный журналист.

НЕ ОТСТАТЬ ОТ ИСТОРИИ

До тех пор пока общество и элита не научатся договариваться, конфликты неизбежны. Мы много раз были свидетелями того, как история опережала самых властных и богатых, уверенных в том, что они всегда будут оставаться хозяевами положения. Не раз уступки, сделанные властями, оказывались недостаточными, общество их не принимало — делалось слишком мало, слишком поздно. Это урок, который хорошо должны были бы выучить элиты любой страны, пережившей кризисную смену режима. События начала 2011 года на Ближнем Востоке показали, что даже элитам этих, казавшихся такими стабильными, стран придется этот урок запомнить. В прошлом его хорошо выучили в Европе, а лучше всех должны были выучить мы в России.

В русской истории таких опозданий множество. Попытки ограничить власть монарха, провести аграрную реформу и укрепить права собственности делались между первой революцией и Первой мировой войной в спешке, в тяжелейшей конфликтной обстановке и не смогли остановить политический взрыв. Все это нужно было делать гораздо

раньше и последовательнее. Реформы (в частности, столыпинские) в таком исполнении были уже не реформами, а попыткой обмануть историю.

Большевики тоже относились к истории высокомерно, но они попробовали не бежать за ней вслед, а обогнать ее. Процессы, которые длились в Европе столетиями, развитие промышленности и увеличение городского населения, решено было провести силой и быстро. К более высокой (социалистической) стадии развития общество, может быть, и придет само, но будет это не скоро. Исторический процесс решено было поторопить, жестко контролируя его ход. Партия взяла на себя чудовищную роль социального инженера — уничтожала одни классы, создавала другие, перемещала людей миллионами по стране и смешивала их в городах как в гигантской мясорубке.

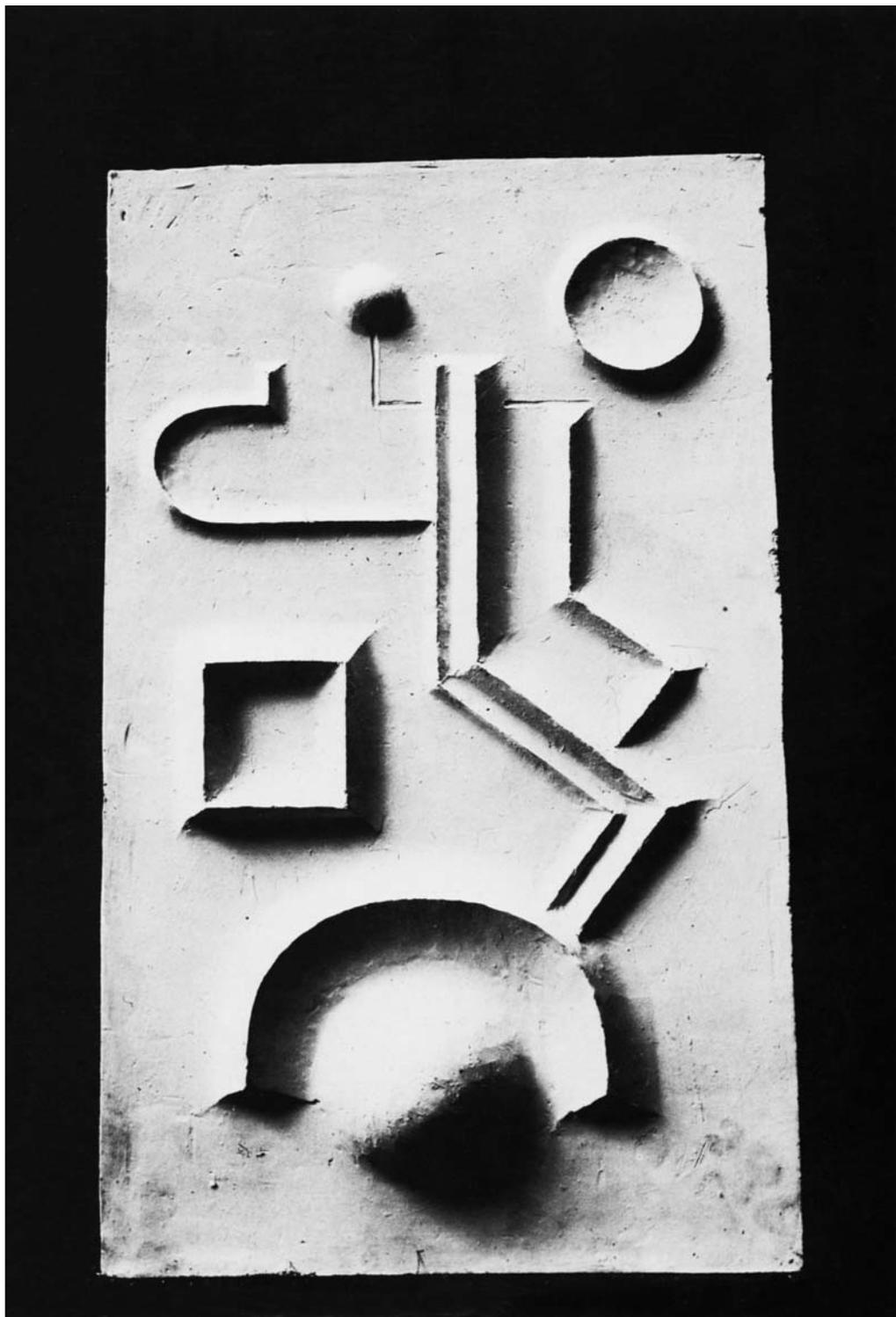
Процессы, запущенные тогда, продолжают идти и сейчас. Один из видимых результатов — неконтролируемый рост городов, особенно Москвы. Другой результат (и урок) в том, что партия из инженера истории стала ее жертвой. Советские руководители, точно так же, как и царские власти, опоздали с уступками. Самоуверенность сыграла с бывшими инженерами истории злую шутку.

Этот бег по кругу привел нас сейчас к ситуации, когда старое несоответствие снова очевидно. Обществу нужно реальное представительство и действующие права собственности, а правящей группе, конечно, нет. Это противоречие, вопреки всему прошлому опыту, опять разрешается попытками обмануть историю. Об этом безжалостно свидетельствуют недореформа полиции и бесконечный пиар вокруг первых лиц государства.

Конечно, первым лицам трудно. Один из них, в данный момент президент, отвечает за реформы; другой, в данный момент премьер, отвечает за образ лидера. Первому нужно укреплять права собственности, гнать воров и преступников из правительства. Второму нужно ездить на гоночных машинах, петь и участвовать в популярных шоу, доказывая, что никаких воров гнать ниоткуда не нужно. Это не самая динамичная конструкция, что по-человечески понятно. Но это смешное оправдание с точки зрения истории. Ведь именно в России мы должны были лучше всех выучить ее уроки — не пытаться ее обогнать и не пытаться ее обмануть.

КОГДА НАСТУПИТ ЗАВТРА

Вести любую осмысленную политику в России сейчас невозможно из-за глубокого противоречия между ценностями и интересами. Ценности — это содержание политики, которым должны быть движимы люди, принимающие решения. Интересы — это то, чем они в действительности руководствуются. Расхождение между двумя этими устремлениями есть всегда, и в любой стране, и в любом виде деятельности.

Фридрих Фордемберге-Гильдеварт. Рельеф. 1919

Но у нас ценности и интересы противостоят друг другу. Получается тяни-толкай. Ради долгосрочного развития, которое всем необходимо и выгодно, нужно ликвидировать коррупцию и заняться наконец стратегией. Но как же это возможно, если нынешняя игра без правил приносит обладателям привилегий гигантский выигрыш здесь и сейчас? Ценности — т. е. устойчивый рост, хороший инвестиционный климат для всех, гарантии прав собственности — это наше завтра. Интересы — т. е. возможность заработать на плохом климате и на отсутствии прав собственности — это наше сегодня.

При нынешнем положении завтра никогда не наступит. Расследования реальных коррупционных историй ведутся крайне медленно и избирательно, а на политическом уровне принимаются антирешения. Законодательных нововведений, больше похожих на инструменты для обогащения, принимается множество, это ведь поточное производство. Экологи Игорь Честин и Евгений Шварц показали в статье «Бумажная вертикаль» закономерности, в соответствии с которыми принимаются или не принимаются законы в их сфере («Бумажная вертикаль», «Ведомости» от 28.12.2010). Закон принимается, если он расширяет возможности чиновников — например, позволяет менять назначение угодий и принимать решения о строительстве. Закон не принимается, если он такие возможности ограничивает.

Это то самое противоречие между сегодня и завтра, которое справедливо и во всех прочих сферах. Заповедники нужны, но завтра. Заработать настоящие деньги можно уже сегодня. Противоречие существует, потому что приз огромен: это шанс навсегда решить материальные проблемы для себя и своих детей. Соображения о таких абстракциях, как «будущее» и «развитие», смешно даже вводить в эту формулу. Риск проигрыша настолько несопоставим с выигрышем, что не может остановить игрока. К тому же риск управляем, потому что у правосудия тоже есть цена. По-человечески это глубоко понятно. Нет таких сил, чтобы устоять в подобной игре. Никто, в общем, и не пытается. Все усилия российской элиты направлены на сохранение нынешнего российского Эльдорадо на максимально долгий срок.

Интересно, что противоречие между ценностями («идеалами») и интересами многим виделось ключевым препятствием для перестройки — 20 лет назад. Знаменитая в свое время статья Андрея Нуйкина «Идеалы или интересы?», вышедшая позже в виде книги, полна пугающими (или смешными) параллелями с сегодняшней российской повседневностью. Вот как Нуйкин определял социальную группу, которая, по его мнению, противостояла прогрессивным реформам: «У разношерстной касты практических людей сложилась и неплохо функционирует достаточно развитая система экономических отношений, своя, кастовая мораль, изоциренная, двухслойная (для себя самих и для публики) идеология, свое искусство, своя наука, своя юриспруденция (легкость обращения с законом), своя система подготовки кадров и их распределения (Плехановский институт...), своя особая система взаимоотноше-

ний, далеко не всегда соответствующих отношениям официальным...»*.

Вот такой круг в который раз прошло общество. Правящая группа отчасти выжила, но в еще большей степени родилась вновь: ее ценности воспроизвели себя в новых людях. Мораль будет у нее оставаться «своей», идеология и юриспруденция будут «двухслойными» до тех пор, пока выигрыш будет таким огромным, а риск наказания за нарушение закона — ничтожным. Совершать внутреннюю революцию сама элита не планирует — это полностью противоречит ее интересам. Может, это будет какая-то сила со стороны? Снизу? Сверху? Есть ли у нынешней элиты понимание, что она — в предыдущей инкарнации — уже оказывалась в похожем положении? Есть ли шанс, что, осознавая эту дурную бесконечность российской политики, президент или премьер сделают попытку разорвать порочный круг? Например, пойдут — вопреки собственным сиюминутным интересам — на найм в правительство людей с другой системой ценностей? Это будет означать ограничение возможностей или даже преследование по закону тех, кто сейчас в выигрыше. Чтобы пойти на такой шаг, элита или ее часть должны возвыситься над собой, договориться и сказать «хватит». Впрочем, именно в этом году (2011) очень вероятно настоящая борьба внутри элиты — из-за того, что у нас называется выборами.

Конфликты между семьями, группами, партиями не раз становились толчком к формированию новых независимых институтов. Именно в конфликтах формировались независимые суды, пресса, современное государство. Не исключено, что к конфликту правящая «партия» может прийти, например, из-за падения цены на нефть или какого-то другого внешнего события. Приз уменьшится, играть станет неинтересно, и новым людям придется заниматься решением тех скучных задач, которые были нынешней элите неинтересны: лечить пенсионную систему, систему здравоохранения, образования, создавать современные институты обеспечения безопасности, неприкосновенности личности, собственности и качества инвестиционного климата.

И тогда наступит завтра. Главное, чтобы двухслойная идеология и практика не воспроизвела себя снова.

* Нуйкин А. *Идеалы или интересы?* — М.: Книга, 1990. — С. 24. (Благодарю Сергея Станкевича, указавшего мне на эту книгу.)

От красного к зеленому

Решив посвятить книгу экологическому движению в России, американский политолог Лаура Генри обрела себя на нелегкий труд. И дело не

только в том, что состояние гражданского общества в целом и экологического движения в частности у нас таково, что изучать эти феномены без микроскопа невозможно; не меньшим вызовом предстает сама попытка вписать российские тренды в контекст современного мира, поскольку они, как всегда, слишком самобытны. К своей задаче автор подходит со всей серьезностью: в основу книги положены полевые исследования в различных регионах нашей страны, включая взятые с 1999 по 2008 год 125 интервью с активистами, чиновниками, зарубежными донорами. В качестве основной трудности, мешавшей работе, упоминается крайняя слабость российского гражданского общества, обусловленная политическим цинизмом россиян, недоверием государства к гражданам и

нехваткой местных ресурсов, позволяющих поддерживать независимую от государства социальную активность. Но в целом исследовательский настрой автора можно признать оптимистичным: «Интереснейшей особенностью постсоветского гражданского общества в России является не столько низкий уровень общественного участия, сколько тот факт, что в этих неблагоприятных условиях появились и выстояли многочисленные социальные организации» (р. 8).

Автор исходит из того, что положение вещей в целом не так уж и плохо. Ее убеждение подкрепляется организационным подходом, применяемым в книге в качестве главного научного инструмента

Laura A. Henry. *Red to Green: Environmental Activism in Post-Soviet Russia.* Ithaca and London: Cornell University Press, 2010. — XII, 282 p.

изучения социального активизма. Препарирование российских экологических групп и организаций красноречиво свидетельствует о том, что сами по себе они почти не отличаются от западных аналогов. Специфику задает местный политический и экономический ландшафт, не благоприятствующий любой деятельности, которая неподконтрольна государству. Дело также усугубляется высокими темпами роста, демонстрируемыми российской экономикой: «Правительство видит в требованиях экологической защиты и консервации, включая протесты против строительства новых трубопроводов и портов, опасную угрозу продолжающемуся экономическому росту» (р. 53). В итоге подобная гражданская активность государством не поддерживается, а это ставит экологические группы в зависимость от иностранной помощи, получение которой вызывает еще большее негодование властей.

Обращаясь к организационным стратегиям, используемым российскими экологическими объединениями, Лаура Генри подчеркивает их однотипность, внешне противоречащую географическому разнообразию страны. Иными словами, уровень экологической мобилизации в Петербурге столь же низок, как и в Брянске или Владимире. Анализируя стратегии институциональной устойчивости, применяемые в экологическом сегменте гражданского общества, автор подробно останавливается на трех типах экологических организаций: на низовых общественных группах, профессиональных организациях и структурах, организационно связанных с властью. При этом отмечается, что каждый тип осваивает собственный источник ресурсов, что снижает конкуренцию внутри экологического сообщества. Соответственно, каждому организационному типу присуща и собственная стратегия природоохранной активности. Подробному анализу этих отличий автор посвящает отдельную главу. В целом, однако, констатирует автор, никакие экологические организации «не могут компенсировать слабость государственных стратегий по охране окружающей среды» (р. 181).

Российские экологические группы не в полном объеме справляются с ролью посредника между государством и обществом; зачастую им не доверяют ни местные сообщества, ни власти. Опыт экологических организаций России, полагает Лаура Генри, свидетельствует о двух особенностях. Во-первых, очень трудно продвигать политические программы в сообществе, измученном семью десятилетиями сплошной политизации. Во-вторых, сложно поддерживать собственную автономию в среде, где государство доминирует в публичном пространстве и контролирует большую часть ресурсов. Каждый тип организации преодолевает эти препятствия по-своему, тем более что в обозримой перспективе рамка, в которой им приходится действовать, едва ли изменится.

Андрей Захаров

Региональное книжное обозрение

Вклад репрессированных народов СССР в победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. *Монография. Том 1. — Элиста: ЗАОр «НПП “Джангар”», 2010. — 576 с.*

3 июля 2009 года Парламентская ассамблея ОБСЕ проголосовала за резолюцию «О воссоединении разделенной Европы: поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке», осуждающую преступления сталинского режима в СССР и приравнивающую их к преступлениям гитлеровских нацистов. Это вызвало резкие протесты и неприятие со стороны существенной части российского общества. Один из основных отечественных аргументов против резолюции (равно как и против других попыток сравнения Сталина с Гитлером) состоял в том, что при всех преступлениях большевистско-коммунистического режима он, в отличие от национал-социалистического, репрессировал людей за «конкретные проступки», реальные или выдуманные, в то время как нацисты объявляли людей виновными на основании самого факта их рождения. Что, дескать, гораздо страшнее.

Оппоненты европейцев забывают: массовые репрессии по признаку классового и этнического происхождения имели место и в СССР. Причем начались они задолго до Гитлера. Еще в 1920 году были выселены из своих домов и отправлены в другие местности казаки Терской области, в 1921-м та же судьба постигла русских из Семиречья, а в 1932–1933 годах казачье население так

называемых чернососных станиц Северо-Кавказского края. В 1933 году крупные города СССР «очищались» от высылаемых в Сибирь цыган, в 1933–1935 годах Ленинградская область — от финнов, в середине 30-х Украина — от поляков. Наконец, 21 августа 1937 года было принято объединенное постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б) №1428-32бсс «О выселении корейского населения из пограничных районов Дальневосточного края».

С началом же Великой Отечественной войны репрессии против отдельных народов в СССР, то, что сейчас назвали бы «этническими чистками», развернулись на полную мощность. В 1943–1944 годах были проведены массовые депортации калмыков, ингушей, чеченцев, карачаевцев, балкарцев, крымских татар, ногайцев, турок-месхетинцев, понтийских греков, болгар, крымских цыган, курдов и многих других народов. Всего за эти годы насильственному переселению был подвергнут 61 этнос.

Главной особенностью этих репрессий было то, что они распространялись на всех представителей соответствующего этноса без исключения, вне зависимости от их заслуг перед режимом, лояльности и пр. В результате в наиболее уязвимом положении оказывались те, кто в наибольшей мере ощущал собственную благонадежность и не мог даже подумать о том, чтобы отнести слухи о грядущих депортациях (а те или иные «утечки» случались даже в условиях советской гиперсекретности) на свой счет. Доктор исторических наук С.И. Аккиева, написавшая для обозреваемой книги главу о депортации балкарцев, вспоминает, что «в обществе циркули-

ровали слухи о том, что по отношению к семьям пособников немцев и членов бандформирований могут быть приняты репрессивные меры, вплоть до их выселения. [...] Те жители республики, которые ожидали репрессивных актов со стороны государства, [...] упаковывали теплую одежду, ценности, готовили еду впрок (вяленое мясо, муку из обжаренных зерен и прочие продукты, которые могли какое-то время не портиться), делали денежные накопления. Кроме того, они и морально были готовы к репрессивным актам со стороны государства, что повышало их психологическую устойчивость к депортации. Однако выселяли всех, в том числе тех, чьи отцы, сыновья сражались на фронтах Великой Отечественной войны. Таких было абсолютное большинство, акт депортации поверг их в шок. То, что с ними происходило, было слишком неожиданно, беспричинно и потому воспринималось как нечто бессмысленное, нереальное».

В качестве формальных оснований для выселения обычно использовалось обвинение в коллаборационизме, распространяемое на весь народ, а также обвинения в массовом дезертирстве представителей соответствующего народа из действующей армии. Последнее обвинение в том или ином виде дожило и до настоящего времени. Вплоть до того, что его периодически воспроизводят в научных статьях и учебных пособиях (вспомним, к примеру, прошлогодний скандал вокруг учебного пособия Барсенкова-Вдовина, содержащего, помимо прочего, «научные данные» о массовых дезертирствах чеченцев, на основании чего якобы советская власть и была вынуждена принять решение о депортации чеченского и ингушского населения ЧИАССР в Казахстан и Среднюю Азию). Книга «Вклад репрессированных народов СССР в победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», полная примеров того, как представители

шести репрессированных народов участвовали во всех важнейших сражениях Великой Отечественной, является своего рода ответом на эти инсинуации.

Книга состоит из шести разделов. Каждый посвящен одному из репрессированных народов (советским немцам, карачаевцам, калмыкам, чеченцам, ингушам и балкарцам) и содержит краткий исторический очерк о соответствующем народе, историю его депортации, а также подробные свидетельства о вкладе представителей этого народа в победу над нацистской Германией.

Конечно, не все разделы выполнены на одинаково высоком уровне, особенно в первых двух частях. В кратких исторических очерках наряду с исторически обоснованными данными нередко встречаются и элементы национальной мифологии, не имеющие научного подтверждения. А попытки объяснить настоящие причины решения о депортации соответствующего народа иногда излишне уходят во вненаучную конспирологию. Однако третья часть, содержащая в себе рассказы о конкретных военных подвигах, письма с фронта, свидетельства очевидцев и пр., неизменно впечатляет.

30 октября 2009 года Д.А. Медведев заявил в своем блоге: «Память о национальных трагедиях так же священна, как память о победах. И чрезвычайно важно, чтобы молодые люди обладали не только историческим знаниями, но и гражданскими чувствами. Были способны эмоционально сопереживать одной из величайших трагедий в истории России. А здесь не все так просто». Это заявление в полной мере можно отнести и к истории этнических чисток в СССР — позорной странице нашего прошлого, о котором тем не менее необходимо помнить, чтобы избежать возможности повторения чего-то подобного в будущем.

Александр Шмелев

Контрапункт

ЖИЗНЕННЫЙ ОПЫТ ЛИЧНОСТИ

Сахаров А. Д. Автобиография. Статьи. — М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2011. — 90 с.

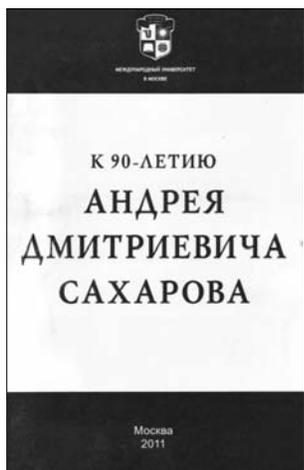
*Владимир Рыжков,
политик, публицист*

21 мая 2011 года Россия и весь мир вспоминали академика Андрея Дмитриевича Сахарова, которому в этот день исполнилось бы 90 лет. Сахаров был выдающимся физиком, одним из создателей советской водородной бомбы. Уже в 32 года он был избран действительным членом Академии наук СССР. Трижды Герой социалистического труда (1953, 1955, 1962 годы), обладатель множества других наград, до ухода его в правозащитное движение в конце 1960-х годов.

Юбилей Сахарова поднял новую волну интереса к нему, его деятельности и трудам. В частности, Московский международный университет провел конференцию, посвященную памяти выдающегося ученого и общественного деятеля, а также издал сборник его статей.

В сборник, помимо короткой автобиографии, написанной Сахаровым в горьковской ссылке в 1981 году, вошли самые важные для академика общественно-политические тексты: статья «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» (июнь 1968), принесшая Сахарову мировую известность, его Нобелевская лекция «Мир. Прогресс. Права человека» (1 декабря 1975) и последняя работа — предложенный им в 1989 году распадающемуся Союзу ССР проект конституции Союза Советских Республик Европы и Азии (ССРЕА).

Общественные и политические взгляды А.Д. Сахарова, когда перечитываешь его статьи десятилетия спустя после их публикации, выглядят наивными и идеалистическими.

Он искренне верил в возможность сближения («конвергенции») капиталистической и социалистической систем, в том числе путем демократизации, демилитаризации, социального и научно-технического прогресса соцстран. История, как известно, пошла другим путем: страны соцлагеря до конца шли путем автократии и милитаризма и рухнули под тяжестью непомерных военных расходов, неэффективности своих экономик, научного и технологического отставания и мирных народных революций конца 1980-х — начала 1990-х годов. А немногие оставшиеся страны под руководством компартий осуществляют конвергенцию, переводя свои экономики на капиталистические рельсы (Китай, Вьетнам, в последнее время — Куба).

Опасаясь гибели мира в условиях больших накопленных арсеналов ядерного оружия, Сахаров верил в возможность широкого международного сотрудничества «в условиях интеллектуальной свободы, высоких нравственных идеалов социализма и труда, с устранением факторов догматизма и давления скрытых интересов господствующих классов». Он полагал, что развитие западных обществ пойдет по пути национализации новых секторов экономик капиталистических стран, разрастания общественного сектора. В жизни все вышло наоборот — вскоре после выхода его первой статьи на Западе возобладал неоконсервативный поворот — к приватизации и бурному развитию глобальных частных корпораций.

Сахаров верил, что на основе конвергенции двух систем возможно создать «мировое правительство», которое в духе доверия и сотрудничества разрешало бы главные мировые вопросы — от ядерного разоружения до борьбы с голодом.

Сахаровская конституция для обновленного СССР также читается как наивный политический и правовой текст, идет ли речь о прямом действии на территории ССРЕА международных конвенций по правам человека; о добровольном создании Союза и праве выхода из него республик; об ограниченных полномочиях союзного центра в области обороны, внешней политики, единой валюты, транспорта и связи «союзного значения». Всем остальным в такой конструкции ведают республики («полная хозяйственная самостоятельность республик»). Союзный бюджет формируется из добровольных взносов республик, отсутствуют прямые союзные налоги. Союзные законы действуют на территории субъектов только в случае их одобрения республиками. Фактически Сахаров предлагал создать на месте СССР крайне рыхлую конфедерацию независимых государств с очень слабым союзным центром — совершенно нежизнеспособную конструкцию, что и подтвердили дальнейшие события — быстрый распад СССР и нежизнеспособность проектов СНГ и Союзного государства России и Белоруссии.

Вместе с тем многие идеи и прогнозы Сахарова стали реальностями современного мира. Сокращение ядерных арсеналов и наращивание мер доверия и контроля, на чем он настаивал, идет полным ходом. Еще в 1968 году он настаивал на постановке проблематики соблюде-

ния прав человека в число центральных тем международных отношений и вновь напомнил в своей Нобелевской речи, что «защита прав человека провозглашена Всеобщей декларацией ООН о правах человека международным, а не внутренним делом». Сахаров был убежден, что мир, прогресс и права человека — неразрывно связаны. Пожалуй, последние десятилетия вполне доказали его правоту.

Верным оказался и его прогноз о неизбежном обострении в глобальном масштабе проблем голода в бедных странах и деградации окружающей среды под воздействием деятельности человека (сам Сахаров назвал это «проблемой геогигиены»). Сахаров решительно выступал против любых форм авторитаризма и тоталитаризма, милитаризма и национализма. Он требовал последовательной десталинизации СССР, выступал за полную интеллектуальную и творческую свободу, за свободу информации, немедленную отмену всех форм цензуры, за свободу передвижения. Увы, здесь далеко не все выглядит так, как это виделось академику.

Сочетание огромного научного авторитета, пусть часто наивных, но ярких и прорывных идей, а главное, личное мужество и упорство в отстаивании своих убеждений превратили Сахарова в самого опасного и влиятельного противника советского режима, остававшегося в стране (после высылки А. Солженицына за границу). В последние годы жизни он стал одним из демократических лидеров перестройки, демократических преобразований в СССР. Однако его идеи лишь в незначительной степени нашли свое воплощение в новой конституции России. Верх взяла концепция сильной президентской власти при ослабленных парламенте и регионах, что во многом помешало созданию реально демократических институтов.

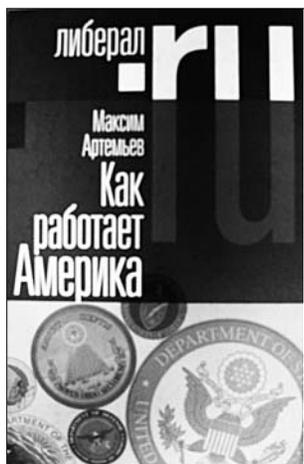
Сила Сахарова как личности, сила его идей заключалась в первую очередь в высоком моральном основании всего, что он говорил и делал. Как он написал в своей автобиографии: «Я склонен думать, что лишь моральные критерии в сочетании с непредвзятостью мысли могут явиться каким-то компасом в этих сложных проблемах».

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ СТРАНЫ

Максим Артемьев. Как работает Америка. — М.: Фонд «Либеральная миссия»; Новое литературное обозрение, 2010. — 320 с.

Интерес к демократическому развитию и общественному опыту других стран и народов, вспыхнувший было в России во второй половине 1980-х — начале 1990-х годов, как известно, быстро угас, сменившись привычным политическим равнодушием, изоляционизмом и даже его отторжением.

Причинами такого глубокого поворота настроений стали не в последнюю очередь неудачи реформ, на которые прочно повешен ярлык «прозападных», а также политика властей, избравших модель автори-

тарного, неподотчетного обществу государства и потому заинтересованных в дискредитации демократических и либеральных моделей политического устройства.

Между тем страны, выбравшие и реализующие стратегию строительства демократических институтов, открытой и демонополизированной экономики, защиты прав и свобод граждан, правового государства, вполне доказали, что являются более стабильными, экономически процветающими и социально справедливыми. Среди примеров — страны Центральной и Восточной Европы и Прибалтики, быстро прогрессирующие Бразилия, Малайзия, Южная Корея, Тайвань, не так давно ставшие демократическими. Хронические неудачи, неизменно сопровождающие российские

поиски «особого пути», наверняка уже в ближайшее время повысят интерес к позитивному зарубежному опыту.

В том числе к американскому. При всех своих многочисленных и сложных проблемах США продолжают демонстрировать эффективность экономики и государственных институтов, впечатляющую гибкость и динамику своей политической и экономической системы. Именно этому посвящена книга М. Артемьева, в которой он подробно и с глубоким знанием дела рассказывает о накопленном за более чем два века государственности опыте работы и принципах организации, компетенциях и взаимосвязи органов власти в США всех трех уровней (федерация, штат, местный) и трех ветвей власти (исполнительная, законодательная и судебная). Автор раскрывает структуру и особенности организации и функционирования огромного количества неправительственных организаций в США, которые играют ключевую роль в развитии и обеспечении стабильности этой страны.

Автор подчеркивает, что «стабильность американской жизни базируется на двух китах — федеральном государственном устройстве с четким и последовательным разделением власти и на сильном гражданском обществе со свободой союзов и влиятельными неправительственными организациями». Величие Америки основано на классических ценностях либерализма: «свободе совести, политической деятельности и предпринимательства». Основатели США разработали эффективный баланс всех трех ветвей власти, учитывающий в полной мере интересы штатов и местного самоуправления.

В основе политического и общественного устройства США, пишет М. Артемьев, — последовательное проведение принципа суверенитета народа как реального источника власти на всех ее уровнях. В США на практике реализуется «избираемость как можно большего числа представителей власти, постоянный контроль общества за ними через СМИ, взаимоконтроль ветвей власти, полная свобода политических дискуссий, прагматическое отношение к государству как образованию, служащему интересам людей и формируемому ими. В соответствии с этим от правительства ожидают минимум вмешательства в жизнь общества, а его главная задача видится как обеспечение прав и

свобод народа». Нетрудно заметить, что эти принципы во многом прямо противоположны тем, что возобладали в последние годы в России.

Американский некоммерческий сектор является «несущей опорой общества, наряду с бизнесом и государственной властью», в то время как в России он по-прежнему слаб. В США через НКО проходит практически все население страны, в России — лишь небольшая его часть. Для американцев работа в неправительственных организациях — неотъемлемая часть их социализации на протяжении всей жизни.

Многое из того, что придумали и создали американские политики и законодатели, успешно работает во многих странах мира и могло бы успешно быть применено в России.

Например, значительное расширение кадровых и контрольных полномочий парламента. В США сенат участвует в назначении всех сколько-нибудь значимых чиновников правительства, что повышает их ответственность и подотчетность, отсекает заведомых непрофессионалов от важных государственных постов; все министры и их заместители также назначаются президентом с согласия сената.

Или введение в каждом министерстве и ведомстве специальной должности генерального инспектора для расследования фактов конфликта интересов и коррупции. В обязанности генеральных инспекторов входит также анализ эффективности ведомств, профессионализма служащих и т. д. На федеральном уровне работа всех генеральных инспекторов координируется специальным президентским советом.

Важный инструмент контроля исполнительной власти, отсутствующий в России, — специальные комитеты конгресса США по расследованию действий исполнительной власти. И множество других инструментов аудита и контроля.

Важнейший для Америки принцип работы государства с НКО — взаимное дополнение. Общество передает правительству только те полномочия, которое не может исполнять само. Карьера любого американского политика «во многом зависит от того, насколько согласованно с НКО он работает».

Максим Артемьев подробно рассказывает об основных типах американских НКО, об их правовом статусе, особых налоговых льготах. О всемирно известных фондах и их системе финансирования НКО посредством грантов. О 30 основных американских «мозговых центрах», работающих при поддержке американского правительства и выполняющих важную работу по независимому и профессиональному анализу самого широкого круга вопросов. О том, кто такие американские лоббисты и как регулируется их деятельность (в Вашингтоне насчитывается до 17 тысяч зарегистрированных лоббистов).

Общественно-политическая система за 220 лет после американской революции развилась в чрезвычайно сложный и при этом рационально выстроенный и действующий организм. Между этой цветущей сложностью и простыми и наивными идеями и предложениями Андрея Сахарова — огромная дистанция. Но, имея представление о пройденном другими пути, куда легче создавать свою собственную сложность.

19 апреля исполнилось 90 лет со дня рождения писателя Леонида Лиходеева (1921–1994). В 60-е годы его фельетоны, печатавшиеся в «Литературной газете», были таким же знаком перемен, как повести Василия Аксенова, спектакли театра «Современник» и песни Булата Окуджавы.

В архиве писателя хранится темно-коричневый кожаный блокнот с латунным замочком, который открывается фразой: «Достигнув сорока лет, счел я за благо записать воедино мысли посещавшие меня в разное время».

Лиходеев называет этот блокнот «сафьяновой тетрадью, изготовленной, видимо, для записи нежных стихов», но на плотных страницах черными чернилами убористым почерком излагает мысли и соображения, далекие от романтической поэзии: точные характеристики событий, яркие портреты современников, философское осмысление происходящего. Некоторые начальные записи датированы 30 декабря 62 года, маем 63-го, августом 63... Далее — даты не указаны, однако по текстам и почерку можно предположить, что они относятся к 60–70-м годам. «Наблюдения мои — увы — бессюжетны, как, впрочем, и вся моя жизнь, протекавшая в поисках сюжета, но так и не постигшая его», — сетует автор. — «Итак, пускай любопытные именуют сие записями человека со скверным почерком, ибо это главная особенность настоящих записок».

Но главная их особенность, скорее, в том, что в них угадываются сюжеты многих будущих произведений Лиходеева. А для основного романа, который он писал двадцать пять лет, начав в 1969 году, — «Семейный календарь, или Жизнь от конца до начала», прослеживается поиск названия. Лиходеев пишет: «В очереди трудящиеся зорко следят за тем, чтобы никто не затесался в середину или в голову. “Каждый должен пройти весь путь от конца до начала” — таков девиз». Несколько записей из «сафьяновой тетради» предлагается вашему вниманию.

Ксения Дмитриева-Лиходеева

Записки человека со скверным почерком

Нашим поколением эпоха расплачивалась за свои отдельные недостатки. Старшее поколение было занято делом. Оно либо сидело в тюрьме, либо сажало в тюрьму. Нам была предоставлена историческая миссия кричать при этом «ура». Теперь мое поколение разделилось. Кого потянуло к старшим, а кого к младшим. Но старшие готовятся помирать и «ура» их уже

смущает при этом занятии. Младшие же хотят обойтись без «ура».

И одна только история по-прежнему спокойно пьет чай с блюдечка. У нее свой счет времени...

Старшие еще не доверяют.

Младшие уже не доверяют.

Март 63

Пятого числа звонил из Ю. Сахалинска. Телефонистка почему-то спросила, когда куплен талон. Я сказал: сегодня.

— А какое сегодня число?
 — 10 лет назад умер Сталин. Пятое!
 — Смотрите, пожалуйста! А вы помните, как он умер?
 — Помню.
 — Наверно, очень интересно. Соединяю.

Но это далеко не все, что от него осталось.

Сталина, наверно, уже не помнят. Сталина чувствуют. Он был гениальным провокатором самого низкого и подлого, что есть в человеке. Поразительно, как он чувствовал скотские чувства. Вероятно, они наиболее верные. Мы знаем случаи, когда человек становился скотиной. Но скотина еще никогда не становилась человеком.

* * *

Конечно, самый страшный порок нынешней общественной жизни — абстракционизм. После него идет уже чуждая идеология.

Правда, есть еще низкая производительность труда. Но беда не в ней. Низкая производительность — наша, родная. А абстракционизм — заморский.

Преимущество!

Вообще-то, как всегда выбран самый нужный, самый целесообразный для процветания страны шаг.

— А если вам подать абстрактный хлеб — вы его будете кушать?

Вопрос, конечно, гениален. Интересно, если вам подать хлеб, нарисованный самим Лактионовым, — вы насытитесь?

Во всяком случае, Лактионов насытится. И из-за этого все горячие речи.

Чиновник хочет быть красивым. Он хочет видеть себя любимым, грамотным и обаятельным. Где-то в глубине своей души он чувствует свою никчемность. И поэтому хочет, чтобы его все время уверяли, что без него земля останется.

Чиновник блядет, но хочет выглядеть семьянином. Он ворует, но хочет выглядеть бесребреником...

Чиновник по самому своему существу — нарост, паразит. Но у него есть палка.

И ублажить чиновника может только чиновник. Они понимают друг друга. Поэтому и существует искусство чиновников для чиновников — лицемерное, сентиментальное, самозабвенно воздымающее чиновника, его семью, его ум, его знания, его представления о чести и совести.

А самый понятный для него жанр — слово. Слово написанное, слово нарисованное, слово, снятое на ленту.

Вначале было слово и слово было бог, и бог было слово. Это написали чиновники. Потом они осыятили слово палкой. Чиновник — прекрасен. Если вы думаете иначе, я с вами не дружу.

На всякий случай.

* * *

Политическое назначение искусства — это сдерживание абсолютизма во всех его проявлениях — от тирана вселенского до надзирателя околоточного.

Если уж люди не могут обойтись без власти, то они должны хотя бы контролировать ее. Но, боюсь, все это им до лампочки.

Самые смешные разговоры, которые когда-нибудь велись на этой планете, — это разговоры о свободе. С одной стороны, она — осознанная необходимость, а с другой — ее необходимо осознать.

Приветик! Салюттик! Зайдите за ответиком во вторникек!

Август 63

Интернационализм оборачивается шовинизмом. Вероятно, вождь, патриарх, отец родной, которого рано или поздно накачивают себе на шею освободившиеся народы, превращается в ординарного пещерного владыку, самоцелью которого является власть.

И тогда интернационалистов объявляют космополитами, а идиотов — донкихотов жидами. Потому что у вождя никогда не хватит сил править

всем миром или хотя бы отрубить головы заграничным критиканам. И надо отгородиться от всего, с чем нет силы справиться. И надо разделять, чтобы властвовать.

Святой Мао даже экономику свою построил на воспитании ненависти к партнерам по торговле.

Нищие, голодные китайцы делают (или делали) для своего соседа термосы, из которых им нечего пить самим, сорочки, которые им не по силам купить, простыни и полотенца, которыми им нечего вытирать, шерстяные кофты, которые им не на что надевать. Они делают консервы, зонтики, авторучки, фонарики и прочую буржуазную требуху.

И на всей этой требухе нарисовано два переплетенных кольца, и вся эта фирма называется ханжеским словом «Дружба».

Нищий голодный китаец делает «предметы роскоши» и возвращается в лоно духовной жизни, единственной, которая ему по средствам.

Он убивает мух, гоняет воробьев, строит домашние домны и исходит принципиальным голодом во имя святого Мао. Он никогда не доживет до свиной котлеты, и единственная его утеха заключается в том, что он гордый китаец и что таких как он — четверть населения и если он поднатужится — будет половина. И тогда уж он посчитается и за термосы, и за зонтики.

А пока он приглашает всех у кого косые глаза и цветная кожа мотать на ус.

И он берет Маркса, который ходил в сорочке и обладал зонтиком, и делает этого Маркса знаменем пещерной войны.

Желтая опасность?

Черта с два эта опасность была бы столь серьезна, если бы ее не сплотило великое учение интернационализма, без которого не бывает сначала свободной революции, а потом ученого дикаря, владыки, для которого власть — самоцель!

Сомнительное занятие — давать оценку существу в тетрадке «для себя». Ерунда.

Все равно и найдут и прочитают. И все оценки эти даются с тайною мыслию: для потомков. Чтобы потомки ахали — какой, мол, был умный.

А потомкам начхать. Из всего интимного Толстого их больше всего интересует, «имел» старик Акулину или «не имел». И все-таки хочется давать оценку существу.

Черт с ними. Пусть читают.

Вообще — все дневники похожи на предсмертные письма. Одно длиннее — другое короче. Какая разница!

Когда правитель действует против интересов нации — пред ним трепещут, его боготворят и никто не смеет ему противостоять.

Когда правитель действует в интересах нации — его убивают.

Таково холуйское устройство людей.

Лучшие умы человечества думали, что если у них когда-то был Брут или какие-нибудь Армодий и Аристокитон — так справедливость, бывало, торжествовала. Но это были исключения.

Никто не стрелял ни в Грозного, ни в Наполеона, ни в Сталина.

В Ленина стреляли. А Кеннеди — убили.

Чем нелепее идея — тем надежнее она овладевает массами.

Вероятно, в этом и заключается закон саморегулировки человечества. Что было бы с обществом, если бы оно развивалось по законам разума! Видимо, целесообразность, необходимая для нормального развития материи, в данном случае включает в себя элементы самоуничтожения. Говорят, мыши начинаютдохнуть, когда их много, и бешено плодятся, когда их мало.

У людей кроме физиологических и биологических факторов существуют психологические и социальные. Есть только две формы социальных взаимоотношений. Любить людей «вообще» и игнорировать в частности и любить в частности и игнорировать вообще. Любовь «вообще» — пища всех догма-

тиков и демагогов. Она дает возможность уничтожать во имя этой химерической «любви» кого угодно. Любовь «вообще» ставит личность вне закона. Она позволяет уничтожить во имя народа весь народ. Условие одно: уничтожать по одному. Логика проста: весь народ прекрасен, но есть в нем отдельные выродки. При этом уже не важно, сколько, в общей сложности, накопилось «выродков». Никто считать не будет по двум основополагающим причинам — во-первых, чтобы не огорчаться, во вторых — лень. Важно ощущать, что весь народ прекрасен, а ты его частица. Абсолютизм строится на разобщении людей. В основе его всегда покоится химера, которую никто не видел, но которой все поклоняются. Самодержавие, православие и народность есть химера для всех времен. В понятии, например, «Дойчланд юбер аллес» (Германия превыше всего. — *Прим. изд.*) столько же скотского идиотизма, сколько и самоубийства. То же самое можно сказать о лозунге «обострение классовой борьбы».

Из всех желторотых цыплят можно сделать штурмовиков. Они приспособлены для этого самой природой. Они хотят химеры. Время от времени фанатики подкидывают им эту химеру. Здесь происходит слияние биологического с социальным. Тупость и ограниченность большинства не есть признак арифметический. Дураки не слагаются механически. Они составляют монолит, увеличивающийся или уменьшающийся в результате саморегулировки развития человеческой материи.

Когда разум посетил обезьяну — она стала человеком. Но одновременно обезьяну посетило и отсутствие разума. Легенда о Вавилонской башне прекрасно трактует возможности развития общества. Башня была бы построена, если бы люди, строившие ее, понимали друг друга. Но господь перемешал

языки, и строители разбрелись. В то время еще не было сегодняшних идей. Поэтому разноязычие не превратилось в интернационал. Но даже если бы превратилось — башню бы не достроили. Потому что строят башни не народы, а люди. Народы не бывают ни инженерами, ни архитекторами, ни

Ненависть невежды к грамотею стала нормой, как продолжение весьма понятной ненависти голодного к сытому

механиками. Народы не бывают ни врачами, ни философами. Народы крепки не родовыми связями и не химерами, которые исповедуют отдельные особи. Они крепки только взаимоуважением и взаимопониманием этих особей.

Человечество все еще не может вырваться из примитивного протоплазматического периода развития. Из периода развития-самоуничтожения, то есть саморегулировки, которая пока еще распространяется и на высшую форму материи и на высшую форму сосуществования отдельных особей — общество.

Нелепые идеи уносят миллионы жизней. В пасть несуществующих химер кидают миллионы судеб. Никакая холера, никакая чума никогда не уносила столько жизней, сколько очередная идиотская кровавая блажь фанатиков, проповедующих свою «любовь к народу», свое «юбер аллес» и свое «обострение классовой борьбы».

Саморегулировка, ничего не поделаешь.

* * *

Были ликвидированы все тысячелетние буржуазные глупости: присяга президента, мантия судьи, выбор депутата. Осталась только тысячелетняя мечта стать надсмотрщиком и выбиться в околоточные.

Сальвадор Дали. Предчувствие гражданской войны. 1937

Смутное недоверие, неосознанная враждебность холуя к осознанной деятельности и свободному волеизъявлению обрела наконец победу. Ненависть невежды к грамотею стала нормой, как продолжение весьма понятной ненависти голодного к сытому. Голодный невежда отобрал у сытого грамотея курицу и изжарил ее на отобранной у него же библиотеке. Оба голодны. Разница в том, что грамотей еще помнит, что дважды два — четыре, а невежда этого никогда не знал.

* * *

Принципы существуют до тех пор, пока существует вера в то, что всем может быть хорошо. Когда же эта вера исчезает, исчезают и принципы. И тогда понятие «всем не может быть хорошо» глухо бродит в темной массе, дожидаясь сигнала. Этот сигнал как всегда звучит неожиданно и не всегда попадает в такт брожению. Но уж когда попадает — происходит очередная резня, в результате которой возникает новая иллюзия, чтобы со временем снова исчезнуть и уступить место новому разочарованию. Все хотят жрать сегодня. И поэтому все голодны. Можно бесконечно долго держать всех на голодном пайке. Но для этого паек должен быть одинаковым для всех. Но стоит кому-нибудь съесть два пайка, чтобы вера в то, что всем может быть хорошо, заколебалась. Два пайка в зубах одного человека — начало гибели самых святых принципов. Голова отстает от желудка. Если бы она от него не отставала, всем уже было бы хорошо. Но если всем будет хорошо — исчезнет необходимость в принципах. Поэтому периодическое отделение головы вышвыляет желудок и делает его единственным средством общения, объединения и горделивого первородства.

* * *

Выплывают подробности гибели великих ученых-биологов. Позиции «победителей» — мракобесов и неучей не могли не быть незыблемыми. Они под-

держивались не только аппаратом насилия. Они поддерживались самой социальной ситуацией. В основе ее лежало самосознание ребенка, которому разрешили не только не учиться, но и бросать камни в своего учителя.

Эта ситуация строилась на замене элементарных знаний — заклинаниями. Политическое знахарство поддерживало знахарство и в науке и в искусстве. Схема, рассчитанная не на популяризацию, а на нетребовательность кретина, которому очень легко внушить, что он уже все превзошел. Чем нелепее идея, тем скорее она завладевает темными людьми. Невежда, которого постоянно убеждают в его исключительности, никогда не прощает превосходство знаний. Он становится истязателем. Он расправляется с интеллигентностью, как расправлялся с конокрадом — зверя, не отдавая себе отчета в своей ненависти. И никто так не страшен для прогресса, как темный человек, развращенный политическими знахарями — близкими ему по уровню мировоззрения, по манере излагать свои мысли, по самим мыслям, по происхождению и, в общем, по знаниям и по этике. Он простит им и эксплуатацию, и коррупцию и насилие, как младший соучастник. Но он не простит никому превосходства знаний. Он чувствует шкурой, что это превосходство несет гибель его первобытному умственному покою, что оно требует и от него способности рассуждать и, главным образом, работать, каковой процесс является для него проклятьем, ибо он никогда еще не ощутил сладости труда. Поэтому он скорее склонен верить в чудеса, чем в свои собственные силы. Поэтому его так легко заставить верить в панацею и так трудно убедить в истине. Поэтому его так легко подготовить к принятию почестей и так трудно — к принятию человеческих обязательств перед самим собою.

* * *

Протопопа Аввакума сожгли на одном костре с дьяконом Федором. Этот дья-

кон был его идейным противником, всю жизнь они грызлись, призывая на свою сторону бога. Аввакум аттестует своего врага как исчадие ада. Федор не оставил данных, но, надо полагать, относился к Аввакуму соответственно. Фанатическая сектантская ненависть всегда бессмысленна. Для официальной церкви они оба были всего лишь еретиками. Никто не вдавался в тонкости их распри, никому они не были интересны, кроме десятка таких же фанатиков, как они.

Мне кажется, бессмысленность начинается в том момент, когда возникают обрядность и канонизация мизансцен. Тупые фанатики уничтожают друг друга за порядок слов, за очередность процедур, за порядковые номера, за фразеологию, за черт-те что. Сектантство уходит все дальше от первопричины спора, от реальности, сыплет клятвами и проклятиями и, наконец, встречается на общем костре под одобрительный гул толпы, которой, в общем, мало дела до процедурных вопросов.

Одержимость как самоцель — есть самое гнусное, самое кровавое преступление перед человечностью. Возвышение обряда, которым занимаются сначала искренние фанатики, попадает в руки расчетливых злодеев, циничных и холодных. Они делают свое дело во имя слова, в которое сами уже не верят, во имя обряда, над которым сами куражатся.

Человечество, в общем, практично. Оно содержит классиков до тех пор, пока эти классики льют воду на его мельницу. Шекспир будет полезен до тех пор, пока не решат проблему «быть или не быть». Как только решат — Шекспира забудут. Одна надежда — не решат никогда.

Сила господствующей идеи в том — что она господствующая. Сначала обыватель боится ее потому, что у нее — палка. Потом он приспособливается к ней. И наконец, соображает, что лучше пугать, чем пугаться. И начинает пугать.

И постепенно все с перепуга пугают один другого. И господствующая идея, бывшая паролем рыцарей-идеалистов, становится всеобщим пугалом, поскольку превращается в оплот филистеров. А филистер шкурой чувствует, что всякая власть от бога, а с богом лучше не связываться.

Филистер сначала приспособливается к идее, чтобы вскорости приспособить идею к себе. И, приспособленная, она его кормит, поит и дает полную возможность оставаться свиньей.

Чистота нашего мировосприятия была так наивна и прозрачна, что она постоянно нуждалась в замутнении. Это была выдуманная чистота. И любое самое примитивное представление о зле всасывалось моментально.

Мы были освобождены от реального мышления и размышляли только о возвышенных категориях. Как институтки и пуритане с революционными атрибутами. Мы так преданно, религиозно верили в свою правоту, что во искупление своей наивности позволяли себя дурачить. Нам подсовывали «врагов народа», и мы верили в несусветную чушь, самую примитивную подлость и пели свои благородные песни.

Мы были политическими телятами, которых пасли довольно ограниченные пастухи, называвшие волками всех, кого хотели. И мы были им благодарны, потому что телята инстинктивно боятся волков и надеются только на своих пастухов.

Мы получали в готовом виде все — чувства, песни, рассуждения добро и зло (*так у Л.Л.!*). Но получали в готовом виде и подлость, как пилюли, как политический витамин. И глотали, глотали, не раздумывая и не задумываясь ни над чем.

Постепенно выработался стиль образцово-показательной интеллигентности. Уже говорят «благодарю за внимание», а наступая на ноги, — «извиняюсь».

Пошло сплошное социал-утепление. Банальность и пошлость были взяты на службу, на высокий оклад. Они должны были смягчить и ликвидировать противоречия.

Все стали болтать, полагая, что это и есть проявление необузданных демократических свобод. В журналах появились голые ноги, снятые выше колен не менее чем на два с половиной сантиметра. Равно появились статьи о бюрократах, с уклоном гражданской озабоченности.

Все засуетились, как девочки перед богатым клиентом. Богатым клиентом оказался Запад. Надо было показать ему товар лицом. Надо было показать изысканные манеры и самобытную раскованность.

И опять надо было показывать, показывать, показывать потому что иного самопроявления никто себе не представлял.

* * *

Первой марксисткой была баронесса Женни фон Вестфален.

Революции затевают образованные поколениями люди, восстающие прежде всего против своего класса. Но объединиться бывает трудно даже им.

Ненависть толпы к образованным людям непреходяща. Толпа всегда реакционна и еще никогда не собиралась добровольно для созидательной деятельности. Но зато для того, чтобы метнуть толпу на разрушение, — нужно только свистнуть.

Бывают моменты, когда интеллигентные вожди направляли какое-то время разрушительную деятельность толпы в более или менее оптимальное русло. Но эти моменты длились недолго. Они были яркими вспышками, освещавшими разгневанные и вместе с тем растерянные лица.

Практика истории показала, что толпа реакционна и более приспособлена к

повиновению, чем этого хотелось бы. Увы, печально.

И повелевать толпою может только тот, кто действует согласно ее инстинктам. Разум здесь ни при чем.

Моисей вел евреев сорок лет по безводной пустыне, терпеливо ожидая пока вымрет два поколения рабов. Он хотел

Толпа всегда реакционна и еще никогда не собиралась добровольно для созидательной деятельности. Но зато для того, чтобы метнуть толпу на разрушение, — нужно только свистнуть

привести в землю обетованную свободных людей. Не вышло. Бог прощал отклонение от догмы любому выпивохе и сутяжнику, но не прощал своим декуррионам. Если бы он хоть раз не простил толпе ее мерзостей — бога давно уже не было бы. Но старик хитер. Он знает, что дело не в разуме, а в инстинктах. Разумный Моисей не увидел земли обетованной, за то что один всего разок усумнился, увидит ли. Но землю обетованную наполнила толпа, которая ни разу не усумнилась в том, что все на свете вздор, кроме бесплатной манны. Вожди одиноки между богом и толпою.

* * *

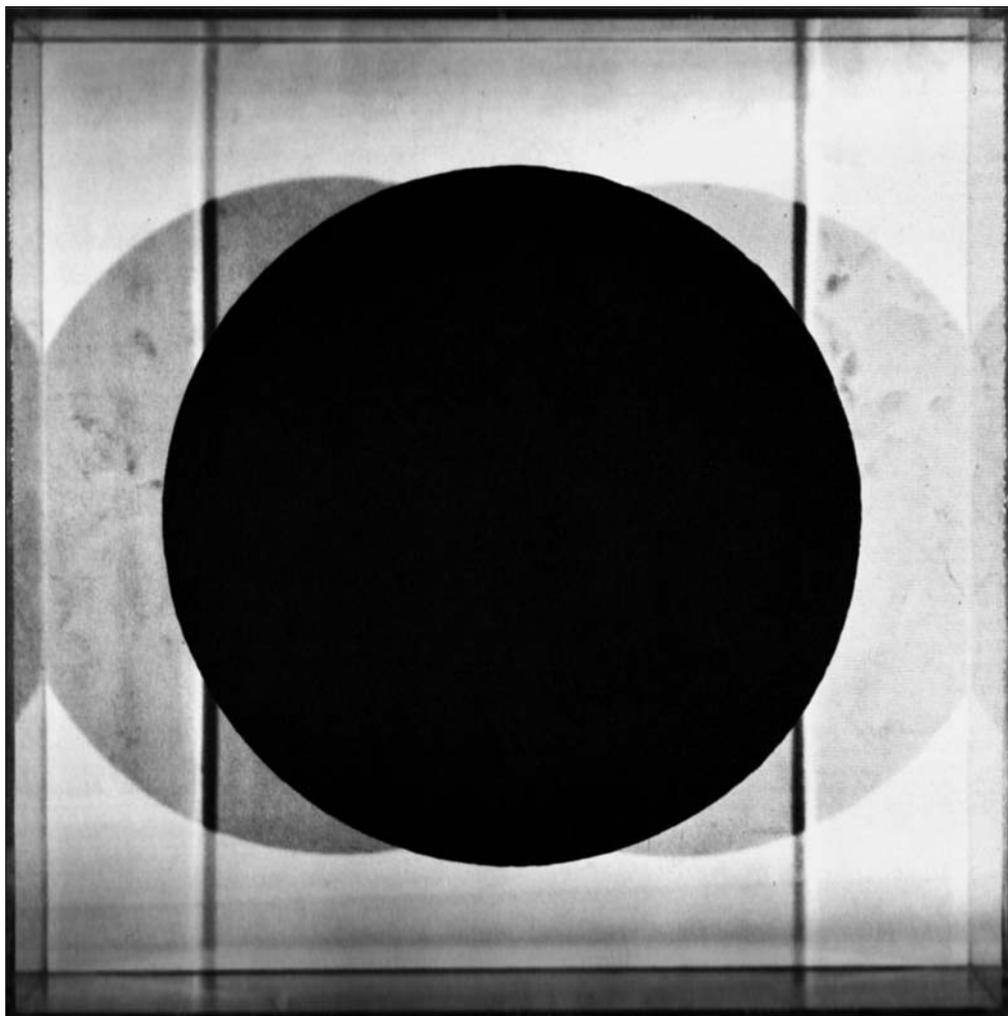
Власть не исповедует никакой «стройной теории». Наука и власть вещи несовместимые.

Власть исповедует лишь одну склонность: удержаться у власти. А такой теории просто нет. Есть только практика.

* * *

Идеализм свойство национальное. Толпа вообще не склонна к материалистическим воззрениям. И чем дальше на восток, тем дальше от этих воззрений.

Россия всегда была религиозной не в смысле христианства или язычества — это ее волновало постольку поскольку. Она была религиозна в смысле надежд

Ив Кляйн. Фруктовый шар. 1959

на доброго царя. Очень ей всегда хотелось доброго царя. И ничем никому никогда не удавалось ограничить эту надежду. Надеясь на доброго царя, она надеялась и на доброго урядника и околочного.

Все движения, начатые умными головами, в конце концов выливались во все то же религиозное русло.

«Добрые цари» топтали нацию как хотели, а нация все надеялась, забавляясь погремушками и мечтая избавиться от трудовых усилий. Добрый царь придет и избавит. Или хотя бы пообещает царство земное, в котором будут давать

обед из трех блюд. И нежные околочные будут разводить выпивших и закусивших по домам.

Поэтому так просто ожесточить толпу против всякого, кто пытается жить своим умом, своим трудом и своими способностями, всякого, кто хочет платить за свой обед сам, не надеясь на доброго царя.

Очень просто ожесточить того, кто хочет ломать, против того, кто хочет строить. Потому что строить тяжелее, чем ломать, думать труднее, чем не думать, а знать ответственнее, чем пребывать в счастливом неведении.

* * *

Народы живут по тем системам, которые сложились в процессе эволюции, а эволюция не так тороплива, как хочется думать семинаристам.

Доктрина всегда дальше от истины, чем хочется доктринерам. Иначе бы доктринеры не были доктринерами, а занимались бы, скажем, скотоводством.

Фетишизм — азиатское произведение. Никогда не думал, что умозрительность может дорасти до такого сокрушительного антиматериализма.

Доктрина — кровавый вздор. Система может величать себя как угодно — это к делу не относится. В английской монархии больше демократии, чем в народном Китае китайцев. Разудалый французский парламентаризм куда консервативнее традиционной квакерской американской двухпартийности. Дело не в количестве партий и не в наличии корон.

Просто народы соблюдают технологическую последовательность независимо от того, чего хотят начальники цехов. Начальники цехов могут пропускать целые звенья технологии. Качество изделия от этого не улучшается.

Россия не прошла термической обработки рынком. И в этом вся штука. Героизм и устойчивость наших людей поистине сверхъестественны. Но сущность его феодальна. Самоотверженность — это проба на излом, который заранее предполагается неизбежным.

Мне кажется, доктринеры создают исключительные условия исключительно для их преодоления. И люди платят за это своим временем, энтузиазмом и талантом. Задается урок, который необходимо решить, поскольку он задан. Отвлеченная схоластика обретает реальные формы и пожирает реальные ценности. Доктрины не делают человека свободным, поскольку возвышаются над его личной судьбой и выводят его из процесса участия в ней. Появляется своеобразная логика затруднения производства и распределения.

Но народ, не прошедший рынка, не может его не пройти. И он проходит, медленно, подспудно, уродливо, с колоссальными потерями.

Девятнадцатый век — век расцвета капитализма. Уже был изобретен пар, и осваивалось электричество.

Никто не смел ругать феодализм при феодализме безнаказанно. Такова была сущность феодализма. Сущность капитализма в этом смысле заключалась как раз в обратном. Этот экономический строй нес в себе «равные условия для каждого». Другое дело, как это осуществлялось, но при феодализме это не осуществлялось никак, поскольку сама доктрина его не несла равных условий.

«Равные условия для каждого» породили парламентаризм, гласность и другие проявления массовых экономических интересов.

Люди всегда жили «богато» и «бедно». Но при феодализме это неравенство было естественным и тех, кто громко интересовались, почему это происходит, просто лишали языка в прямом смысле.

Сущность капитализма была обратной. Она-то и дала возможность безнаказанного любопытства. То, что одни жили богато за счет других, человечество заметило очень давно. Но то, что это безобразия можно ликвидировать, оно почувствовало только при капитализме. Острый вопрос выпятился и стал главным для тех интеллигентов, которые получили возможность задать его вслух...

* * *

Очередь есть свидетельство продвижения вперед. Она наглядно показывает эту тенденцию. Если бы не было очереди — может быть, никто бы и не заметил, продвигается он или стоит на месте.

За последнюю четверть века наметились серьезные шаги в деле высвобождения времени трудящихся, уходящего на пользование очередью. Так, еще два-три

десятилетия тому назад трудящийся, попавший в очередь не к тому окошку или прилавку, к которому нужно, терял время, необходимое на продвижение, и снова становился в очередь, на сей раз уже к тому окошку или прилавку, к которому было нужно. Теперь его время засчитывается. Надо сказать, такой серьезный шаг возник не сразу. Пионеры этого общественно важного начинания, естественно, наталкивались на консерватизм и тех, кто стоял по эту сторону барьера, и тех, кто был по ту сторону. Но новое всегда пробивает себе дорогу. Сознательность масс выросла настолько, что, несмотря на известное сопротивление пока еще не совсем сознательного меньшинства, трудящийся завоевал возможность стоять в очереди всего один раз, получив, таким образом, резерв времени, необходимый на другие нужды (учеба, занятия самодеятельностью, домашняя работа и т. д.), что, естественно, создало предпосылки для бурного роста культурного уровня и культурных потребностей.

Замечается также ряд усовершенствований административного порядка. Так, над окошками и прилавками уже появляются указатели, разъясняющие, куда и зачем продвигаться. При условии всеобщей грамотности эти указатели играют положительную роль.

Чувство братской солидарности занимает не последнее место в сегодняшней очереди. Трудящиеся зорко следят за тем, чтобы никто не затесался в середину или в голову. «Каждый должен пройти весь путь от конца до начала» — таков девиз. Вспоминаются вещице слова поэта: «Сильнее и чище нельзя причаститься к высокому чувству по имени класс».

Как смешны и жалки те иностранцы, которые, не имея ни малейшего представления о сущности вещей, легкомысленно шелкают своими аппаратами, пытаясь зафиксировать очередь и сунуть фотографию в какой-нибудь желтый журнальчик с подписью «Вот

он — социализм!» Ничтожные люди! Могут ли они понять своим куцым умом и увидеть своими слепыми глазами, что такое социализм? Нет, не могут. Пусть бы они спросили у любого члена очереди, у любого советского человека, доволен ли он своей жизнью! И любой патриот ответит, что лучшей жизни не бывает, не нужно и он иной не хочет.

Вот это и есть социализм, господа! Вот в этом и есть залог его твердой, нерушимой, непреодолимой силы!

Мы продвигаемся. А они стоят на месте.

* * *

Основная разница между капитализмом и социализмом в том, что капитализм платит тем, кто его ругает, а социализм отрывает за это голову.

Оброненная в пылу поговорка, сентенция, что-де «морально то, что служит на пользу революции», привела к тому, что было посажено двадцать миллионов, расстреляно и затоптано десятки миллионов судеб. Цель не оправдывает средств, поскольку цели нет. Есть постоянная жизнь человечества, и смысл ее не в подготовке к чему-то загробному или конечному — будь то рай или светлое завтра. Смысл жизни в самой жизни и больше ни в чем. Поэтому морально не все, что служит на пользу какой-то высшей цели. Под это дело можно подвести все что угодно — воровство (экспроприация) и воровство чиновника, чингисханскую этику, временничество, произвол. Когда начинается вера в «высшую цель», мораль кончается, поскольку появляется иерархическая безнаказанность служителей этой «высшей цели». Что позволяет более высоким служителям, не позволяет низшим. Во имя «высшей цели», под видом «высшей цели» можно творить все, что угодно глашатаям ее.

Нет, то, что идет на пользу революции, может быть и морально, и аморально. Конечно, играя словами, можно было

сказать, что «только то, что морально, идет на пользу революции». Но опыт говорит, что это лишь игра слов.

Морально только то, что морально. Морально только то, что ставит ближнего в положение, в которое ты сам хотел бы, чтобы он поставил тебя.

«Высшая цель» слишком соблазнительна для всех, кто заранее противопоставляет миру свою исключительность — классовую, расовую, национальную, идеологическую, религиозную. Во всяком случае, еще ни одна «высшая цель» не обходила без указанных заблуждений.

* * *

Обществом правят не законы. Обществом правят обычаи. Никакой закон не в силах преодолеть обычай. Он может лишь изуродовать его и сделать отвратительной пародией.

И ничто так не изуродовало общество, как беспешные законы, навязанные силой принуждения.

Появись в каменном веке электробритва, ею нельзя было бы бриться, потому что некуда было ее воткнуть. Не было технического обеспечения прибора.

Обычай тоже не может прыгнуть выше своего нравственного обеспечения. По закону, например, нельзя воровать, но обычай иного мнения на этот счет. По закону, например, полагается равное право для всех граждан. Но обычай придерживается иного мнения, и гражданам испуганно читают собственную конституцию, искренне считая ее подрывной литературой.

* * *

Для русского человека — иноземец набольший барин. Оттого-то он суетится перед ним и матерится вдогонку. Очень он хочет подчеркнуть свою независимость от барина. Оттого-то он и придумал выдающуюся, невиданную форму холуйства — «борьбу с преклонением перед Западом».

Русский человек уважает бороться. Это у него от лени. Потому что «борьба» —

есть самый громогласный вид бездеятельности.

* * *

Динамики гремят твистами, какие весь год не услышишь. Эти твисты клеймятся позором на идеологических собеседованиях и исполняются только на катках. Сегодня им воля. Выборы.

Трудящиеся идут голосовать в школу. Школьницы вытянулись возле урн. Дяди и тети с беспокойными глазами листают списки. Ставят против фамилии «да». В пустых классах за партами сидят агитаторы и, шелестя губами, подсчитывают, все ли из их участка прибыли. У них соревнование — кто скорее проголосует. «А эта старуха не приходила? Пошлите ей урну, пусть отцепится! Всякий раз одно и то же». Агитаторы глядят с испугом — а вдруг какой-нибудь избиратель заартачится? Сегодня им — воля.

В буфете торгуют бананами и бутербродами с любительской колбасой. Кто-то пошутил: будет, мол, икра. Буфетчица уверяет, что не будет. Из динамиков — твисты. Попробовали было поставить пластинку с положительной песней. Пластинку заело на месте. Весело.

Власть получает тот, кто умеет находить в людях самые низкие порывы и опираться на них. (К власти приходит тот, кто лучше других способен извлекать из нее личную корысть.)

Если в борьбе нет личной цели, а только глобальная — дело гиблое. Подсидят и спихнут.

Версия, будто человек произошел от обезьяны, вероятно, находит немало сторонников и противников в кругах обезьян.

Донос во имя идеи.

Легковерие — знамя XX века. Оно же и создало материальную силу XX века.

Юмор исчезает на определенной ступени административно-хозяйственного развития.

* * *

Родственников не выбирают. Начальников — тоже. Человек не должен быть свободен в выборе друзей. В этом случае он становится бесконтрольным. Государство отстаивает семейные отношения отнюдь не из-за страсти к крепкой любви и согласию. Семья для государства есть просто учетная единица. Оно оберегает учетную единицу. Но поскольку семья строится по неуправляемому природному принципу, государство считает возможным лезть под одеяло и принуждать к сожительству, равно как и запрещать любовь. Лица, официально образовавшие «семью», т. е. учетную единицу, обязаны сожительствовать, равно как лица, не образовавшие официально эту учетную единицу, не имеют права на близость. Государственная этика порождает ханжество и лицемерие. Она же порождает страх, поскольку вынуждает прятать истинное лицо. Фиктивные браки и «персональные дела» есть явления одного и того же ряда. Фиктивный брак возникает потому, что он представляет собою один из способов получить некоторые законные блага и преимущества, поскольку является официальной учетной единицей. Он дает вид на жительство, решает вопросы трудоустройства и т. д. «Персональное дело» это один из рычагов принуждения к форме. Что-то вроде публичной исповеди. Это, конечно, современная ипостась женевского кальвинизма. Признак феодальный, натурально-патриархальный, ориентирующийся на подавление личности, если угодно, на «умерщвление плоти», на религиозное послушание и самооплевание (?). К сему следует добавить исконное российское юрид-

ство, настоящее на изуверской татарщине.

Эта этика не примиряет сердца, она ожесточает их, поскольку дает возможность каждому топтать и унижать каждого, стимулируя унижение и материально и морально.

* * *

Давно не писал в эту тетрадку.

Сейчас показывали передачу о Дунаевском. Вероятно, каждый век рождает одного Штрауса.

Он писал свои прекрасные мелодии, и под благородные звуки их упыри уничтожали миллионы людей.

Это шло синхронно. В 37-м пели «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек». Орлова в белом свитере шагает по Красной площади «прозрев».

Я прослезился — это была песня моего отрочества.

Это была слепота зрячих людей. И чем шире раскрывались глаза, тем хуже они видели.

Самые лучшие песни были сложены в годы самого страшного озверения.

Эмоции ведут к бесправию, когда принимаются в качестве критериев.

Как можно было вводить такой юридический термин, как «измена родине»? Что значит «Родина»? Правительство? Государство? Поля и луга? Семья? Погода? История? Литература? Язык?

Надо было ввести потому, что это все-ленское понятие позволяет расправляться с невинными, заменить суд произволом и взлелеять злобу. Любые действия можно подвести под этот всеобъемлющий топор. И каждый может быть свирепым судьей потому, что каждый считает себя прежде всего патриотом и оберегателем Отечества. Это слишком доступно.

Contents
No. 2 (55) 2011

On European Values <i>Alexander Gessel'</i>	5
Seminar	
On the Rule of Law and Formation of a Law-governed State in Russia <i>Vadim Volkov</i>	11
Discussion	21
Notes from the Seminar <i>Marina Skorikova</i>	25
Theme of the Issue	
Russia's Ruling Class: Mechanisms of Degradation <i>Serguei Magaril</i>	27
Discussion	
Round Table: Languages and Traditions of the Civil Society	35
Viewpoint	
On the "Sleeping" Federation, Church and Nationalism <i>Andrei Zakharov</i>	48
Trust: Money, Market and Society <i>Geoffrey Hosking</i>	54
Russia and the Ukraine in Search of Mutual Recognition <i>Mikhail Minakov</i>	60
Civil Society	
An Outlook for the Civil Society in Russia <i>Denis Volkov</i>	66
Personal Experience	
Ombudsman: From General to Particular <i>Jorge Luis Majorano</i>	78
Horizons of Understanding	
Civil Culture and Government in Contemporary Russia: A Regional Aspect <i>Mikhail Savva</i>	82
Announcement	
Me and My Country: A Common Cause <i>Maxim Trudolyubov</i>	92
Books	
From Red to Green <i>Andrei Zakharov</i>	97
Regional Book Review <i>Alexander Shmelev</i>	99
Counterpoint	
<i>Vladimir Ryzhkov</i>	101
Nota bene	
Notes of a Man with Bad Handwriting <i>Leonid Likhodeev</i>	106

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:
РОССИЯ И ЕВРОПА

СЕМИНАР
(Голицыно, июль 2011 г)

Наши авторы:

Людмила Алексеева

Георгий Бовт

Сергей Васильев

Александр Грушко

Андрей Захаров

Андрей Колесников

Владимир Лукин

Федор Лукьянов

Михаэль Мертес

Аркадий Островский

Эмиль Паин

Ричард Пайпс

Дмитрий Тренин

Максим Трудолюбов

Михаил Федотов

Подписано в печать 8.08.2011.

Формат 70×108/16.

Усл.-печ. л. 7,5.

Тираж 999 экз.

Заказ №

Московская школа
политических исследований
127006, Москва,
Старопименовский пер., д. 11/6, строение 1
e-mail: msps@msps.su
<http://www.msps.su>

ЛП № 00972 от 14.02.2000.

ISBN 978-5-91734-022-7

9 785917 340227